

В.П. Даниленко

**ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ
И
ИСТОРИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ**

КУРС ЛЕКЦИЙ

*Рекомендовано учебно-методическим объединением
по образованию в области лингвистики
Министерства образования Российской Федерации
в качестве учебного пособия для студентов
лингвистических вузов и факультетов,
а также филологических факультетов университетов*

Москва
Издательство «Флинта»
Издательство «Наука»
2009

УДК 81(075.8)
ББК 81я73
Д18

Р е ц е н з е н т ы:

д-р филол. наук, проф. *Л.М. Ковалева*,
канд. филол. наук *Э.А. Макарова*

Даниленко В.П.

Д18 **Общее языкознание и история языкознания : курс лекций / В.П. Даниленко. — М. : Флинта : Наука, 2009. — 272 с.**
ISBN 978-5-9765-0708-1 (Флинта)
ISBN 978-5-02-034706-9 (Наука)

Курс лекций состоит из двух частей — общего языкознания и истории языкознания. Первая из них посвящена рассмотрению вопросов, связанных с тремя разделами языкознания: внешней лингвистикой, лингвистической гносеологией и внутренней лингвистикой. Во внешней лингвистике язык рассматривается в связи с четырьмя видами объектов: физическими, биологическими, психологическими и культурологическими. Во внутренней лингвистике, напротив, он рассматривается независимо от экстралингвистической действительности. Лингвистическая гносеология направлена на изучение вопросов, связанных с описанием общенаучных и собственно лингвистических подходов к исследованию языковых явлений. Во второй части курса анализируются концепции наиболее выдающихся представителей лингвистической науки.

Для студентов и аспирантов филологических факультетов, а также для всех, кто интересуется проблемами теории языка и лингвистической историографии.

УДК 81(075.8)
ББК 81я96

ISBN 978-5-9765-0708-1 (Флинта)
ISBN 978-5-02-034706-9 (Наука)

© Даниленко В.П., 2009
© Издательство «Флинта», 2009

Оглавление

Предисловие. Дисциплинарная структура языкознания	7
---	---

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

1. Научно-отраслевая структура внешней лингвистики	12
2. Философия языка. Эскурс в историю науки и её дисциплинарная структура	15
3. Лингвосемиотика. Язык как особая система знаков	19
4. Лингвоэпистемология. Роль языка в познавательной деятельности человека	24
5. Лингвопраксеология. Сущность прагматической функции языка	29
6. Филогенетическая лингвистика. Культурологический подход к решению вопроса о происхождении языка	32
7. Онтогенетическая лингвистика. Периодизация речевой деятельности ребенка	35
8. Лингвофизика. Акустические характеристики речевых звуков	38
9. Биолингвистика. Строение и функционирование органов слуха и артикуляции. Асимметрия человеческого мозга	40
10. Психолингвистика. Периодизация речевой деятельности говорящего	43
11. Психолингвистика. Периодизация речевой деятельности слушающего	50
12. Лингвистическое религиоведение. Мифологические представления о происхождении языка. Магическая функция языка	52
13. Лингвистическое науковедение. Проблемы терминообразования и виды терминологических словарей	55

14. Лингвистическое искусствознание. Языковые принципы реалистов и модернистов. Лингвоэстетическая теория М.М. Бахтина	58
15. Лингвоэтика. Основные признаки языковой нормы	62
16. Типология литературных языков	67
17. Лингвистическая политология. Виды языковой политики	70
18. Лингвостилистика. Культурологический подход к решению проблемы языковых стилей	74
19. Сопоставительный анализ научного и художественного стилей языка	77
20. Лингвотехника. Типология технически опосредованной речи	81
21. Лингвокибернетика. Классификация лингвокибернетических машин	87
22. Лингвистическая гносеология. Общегносеологическая структура языкознания	91
23. Лингвистическая гносеология. Частногносеологическая структура языкознания	99
24. Дисциплинарная структура фонетики	108
25. Дисциплинарная структура грамматики	116
26. Лексикология. Структурно-ономасиологический аспект	119
27. Лексикология. Функционально-ономасиологический аспект	123
28. Морфология. Структурно-ономасиологический аспект	125
29. Морфология. Функционально-ономасиологический аспект	129
30. Синтаксис. Структурно-ономасиологический аспект	132
31. Синтаксис. Функционально-ономасиологический аспект	134
32. Лингвистика текста. Семасиологический и ономасиологический аспекты	138

ИСТОРИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

1. Языкознание в Античности. Зарождение семасиологического подхода к изучению языка	146
---	-----

2. Языкознание в Античности. Зарождение ономаσιологического подхода к изучению языка	150
3. Языкознание в Средние века. Грамматическая концепция Томаса Эрфуртского	156
4. Языкознание в эпоху Возрождения. Грамматическая теория Ю. Скалигера	160
5. Языкознание в XVII в. Грамматика Пор-Рояля	163
6. Языкознание в XVIII в. Грамматические концепции Ц. Дюмарсэ и Н. Бозэ	168
7. Истоки семасиологического направления в языкознании XIX в. (Ф. Бопп, Я. Grimm, Р. Раск, А.Х. Востоков)	172
8. Лингвистическая концепция А. Шляйхера	177
9. Лингвистическая концепция Г. Пауля	180
10. Истоки ономаσιологического направления в языкознании XVIII—XIX вв. (Э. де Кондильяк, Д. Хэррис, И. Аделунг)	184
11. Лингвистическая концепция В. Гумбольдта	190
12. Грамматическая теория К. Беккера	194
13. Лингвистическая концепция Ф. де Соссюра	199
14. Лингвистический структурализм в 1-й половине XX в. (Л. Ельмслев, Н.С. Трубецкой, Л. Блумфильд)	203
15. Истоки ономаσιологического направления в языкознании XX в. (Г. Шухардт, К. Фосслер)	208
16. Ономаσιологическая грамматика Ф. Брюно	212
17. Грамматическая теория Л. Вайсгербера	216
18. Лингвистическая концепция Г. Гийома	220
19. Грамматическая теория Ш. Балли	223
20. Грамматическая система О. Есперсена	228
21. Грамматическая концепция В. Матезиуса	234

22. «Российская грамматика» М.В. Ломоносова	240
23. Грамматическая теория Н.И. Греча	243
24. Грамматическая концепция А.А. Потебни	247
25. Формальная грамматика Ф.Ф. Фортунатова	250
26. Лингвистическая концепция И.А. Бодуэна де Куртенэ	254
27. Грамматическая теория Л.В. Щербы	259
28. Лингвистическая концепция И.И. Мещанинова	263
29. Грамматическая теория В.В. Виноградова	266

Предисловие

В предложенном курсе лекций представлено три больших раздела — внешняя лингвистика, лингвистическая гносеология и внутренняя лингвистика. Первый из этих разделов освещает изучение языка в связи с теми или иными неязыковыми объектами, а последний — изучение языка как такового. Лингвистическая гносеология занимает промежуточное положение между указанными разделами. В её задачу входит изучение способов познания тех или иных явлений языка. Каждый из этих разделов имеет внутреннюю научно-отраслевую структуру.

Внешняя лингвистика включает в себя пять дисциплин. Сюда относятся философия языка, лингвофизика, биолингвистика, психолингвистика и лингвистическое культуроведение. Если философия языка изучает язык в связи со всем миром, то лингвофизика — в связи с физическими объектами, биолингвистика — в связи с биологическими объектами, психолингвистика — в связи с психологическими объектами и лингвистическое культуроведение — в связи с культурологическими объектами.

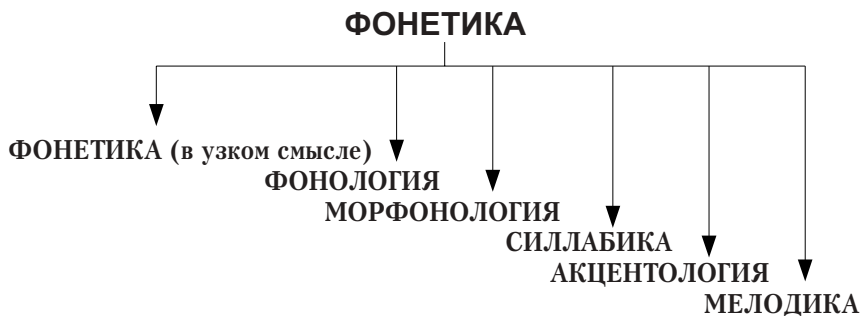
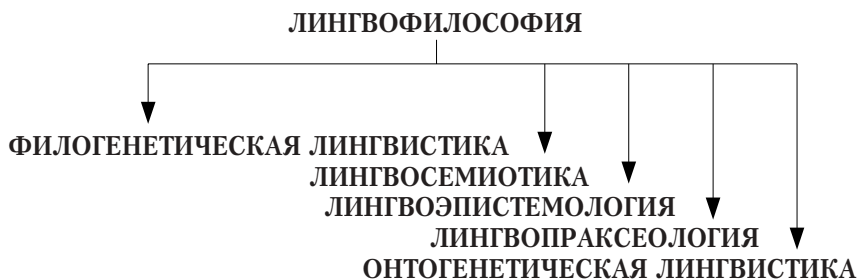
Лингвистическая гносеология подразделяется на общую и частную. В первом случае речь идёт об изучении таких способов познания, которые используются при исследовании не только языковых явлений, но и любых других, а во втором случае — об изучении собственно лингвистических объектов. К числу важнейших частных способов познания языка относятся семасиологический и ономасиологический способы. Первый из них исходит из потребностей слушающего, второй — из потребностей говорящего.

Внутренняя лингвистика включает лингвистическую историографию и лингвистическую онтологию. В первом случае мы имеем дело с изучением истории лингвистической науки, а во втором — с исследованием её объекта — языка. Лингвистическая онтология имеет трёхчленную дисциплинарную структуру. В неё

входят фонетика, грамматика и текстолингвистика. Каждая из этих наук направлена на изучение соответственного слоя языка — звукового, грамматического и текстуального. Внутри этих наук имеются свои дисциплинарные области. Так, в грамматику входят словообразование и фразообразование. Основным объектом первой из этих дисциплин являются слова, основным объектом второй — предложения. Во фразообразовании исследуются различные аспекты слова — лексические, морфологические и синтаксические. Следовательно, в него входят лексикология, морфология и синтаксис.

Дисциплинарная структура современного языкознания может быть изображена такой схемой:

В формировании системного представления о научно-отраслевой структуре современной лингвистики помогут и другие пособия по общей лингвистике.

О научно-отраслевой структуре науки вообще и языкознания в частности смотрите подробнее в моих книгах:

1. Ономаσιологическое направление в грамматике. 2-е изд. — М., 2007.

2. Методологические особенности концепции функциональной грамматики Вилема Матезиуса. — Иркутск, 1997.
3. История русского языкознания. 2-е доп. изд. — Иркутск, 2003.
4. Основы духовной культуры в картинах мира. — Иркутск, 1999.
5. Введение в языкознание. 4-е доп. изд. — Иркутск, 2007.
6. *Гумбольдт В.* Неогумбольдтианство. В. Матезиус. — Иркутск, 2004.

См. также персональный сайт автора, где помещены его статьи и выдержки из книг: <http://www.islu.irk.ru/danilenko>.

**ОБЩЕЕ
ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

1. Научно-отраслевая структура внешней лингвистики

Членение лингвистики на внутреннюю и внешнюю впервые было осуществлено крупнейшим швейцарским языковедом Фердинандом де Соссюром (1857—1913) в его знаменитом «Курсе общей лингвистики» (1916). Это членение предполагает различные точки зрения на изучение языковых явлений. Внутренняя лингвистика исследует язык как таковой, она абстрагируется от неязыковых объектов. Внешняя лингвистика, напротив, изучает язык в одном ряду с теми или иными неязыковыми явлениями. В её задачу входит исследование таких свойств языка, которые имеются и у других объектов.

Какова научно-отраслевая структура внешней лингвистики? Какие научные отрасли входят в состав внешнелингвистических дисциплин?

Внешняя лингвистика занимает промежуточное положение между собственно лингвистикой и другими, нелингвистическими, науками. Свою отраслевую структуру она заимствует у нелингвистических наук. Возникает вопрос: что это за науки? Как их представить в системе?

Производить классификацию наук, очевидно, следует на объективной основе. В выявлении отраслевой структуры науки в целом мы должны следовать за структурой объективного мира. Из каких же компонентов состоит современный мир? Он включает четыре вида объектов — физических (мёртвых), биологических (живых), психологических и культурологических. Иначе говоря, наш мир включает четыре компонента — мёртвую природу, живую природу, психику и культуру. Каждый из этих компонентов изучается соответствующей наукой. Мёртвая природа изучается физикой, живая природа — биологией, психика — психологией и культура — культуроведением (или культурологией).

Последовательность, в которой мы назвали данные науки, не случайна. Именно в этой последовательности развивались, эво-

люционировали предметы их исследования. В самом деле, первичной по происхождению является мёртвая, неорганическая, материя. Из её недр вышла живая, органическая, материя. Благодаря биофизической эволюции в свою очередь возникла психика — способность к идеальному отражению материального мира. Особенно большого прогресса на пути развития этой способности достигли наши животные предки — человекообразные обезьяны. В своем психическом развитии они опередили всех остальных животных.

Благодаря чему произошел переход обезьян в людей? Благодаря тому, что мышление человекообразных обезьян достигло такой степени своего развития, что они сумели увидеть в мире то, что можно изменить, преобразовать, усовершенствовать, улучшить. С того момента, как эта способность принесла первые плоды, началась история человечества. Уже самые первые продукты преобразующей деятельности наших предков (обработанные шкуры животных, использующиеся в качестве одежды, примитивные орудия труда и т.д.) были продуктами культуры.

Культуру составляет всё то, что было создано человеком в результате его воздействия на природу и самого себя. Благодаря развитию культуры люди становились и становятся людьми всё в большей и большей степени. Чем выше культурный уровень человека, тем дальше он оторвался от своего животного предка. Это относится к конкретному человеку, отдельному народу и, наконец, к человечеству в целом. Чтобы человечество становилось все более человеческим, оно должно развивать свою культуру.

Из каких компонентов состоит культура? Прежде всего мы должны поделить её на материальную и духовную. Разница между ними состоит в том, что первая создается для удовлетворения потребностей биологических, а другая — для удовлетворения потребностей духовных. Основными компонентами материальной культуры являются пища, одежда, жилище и техника. К основным компонентам духовной культуры, в свою очередь, относятся религия, наука, искусство, нравственность, политика и язык.

Любой продукт культуры изучается культурологией, дисциплинарная структура которой зависит от того, какой именно компонент культуры изучает соответствующая культурологическая наука. Так, религия изучается религиоведением, наука — науковедением, искусство — искусствоведением, нравственность — этикой, поли-

тика — политологией и язык — лингвистикой. В свою очередь, продукты материальной культуры изучаются растениеводством, животноводством и т.д.

Каково место философии в структуре науки? Специфика этой науки состоит в том, что она изучает общие (или наиболее общие) свойства любого — физического, биологического, психологического или культурологического — объекта. В соответствии с этим мы можем сказать, что философия возвышается над другими науками. Первоначальную модель современной науки мы можем представить следующим образом:

Философия			
Физика	Биология	Психология	Культурология

В рамках культурологии мы можем выделить, с одной стороны, религиоведение, искусствоведение, науковедение, этику, политологию и лингвистику, а с другой стороны, те науки, которые связаны с одеждой, пищей и другими продуктами материальной культуры (включая технические науки).

Опираясь на дисциплинарное строение науки в целом, мы сможем ответить на вопрос о том, какова научно-отраслевая структура внешней лингвистики. Последняя вытекает из связи языкознания с философией, физикой, биологией, психологией и другими нелингвистическими науками. Вот почему в состав основных внешнелингвистических дисциплин входит пять наук — философия языка (лингвофилософия), лингвофизика, биолингвистика, психолингвистика и лингвистическое культуроведение (лингвокультурология). Лингвофилософия исследует язык в одном ряду со всеми видами объектов, тогда как лингвофизика изучает физические свойства языка, биолингвистика — биотические свойства языка, психолингвистика — психические и лингвокультурология — культурные свойства языка. В свою очередь, в состав последней науки входят следующие дисциплины:

1. Лингвистическое религиоведение.
2. Лингвистическое науковедение.
3. Лингвистическое искусствоведение.

4. Лингвоэтика.
5. Лингвистическая политология.
6. Лингвостилистика.
7. Лингвотехника.
8. Лингвокибернетика.

Первая из перечисленных дисциплин изучает отношение религии к языку, вторая — отношение науки к языку, третья — отношение искусства к языку, четвертая — отношение нравственности к языку, пятая — отношение политики к языку, шестая — отношение к языку со стороны религии, науки, искусства и других продуктов культуры, седьмая — отношение техники к языку и восьмая — отношение кибернетики к языку.

2. Философия языка. Экскурс в историю науки и её дисциплинарная структура

Философия языка зародилась в глубокой древности. В Античности особой популярностью пользовалась проблема происхождения языка. Более того, она занимала центральное положение среди других лингвофилософских вопросов вплоть до XIX в. В конце XX в. вышли две книги, в которых в увлекательной форме рассказывается об истории её разработки. Это работы О.А. Донских «Происхождение языка как философская проблема» (Новосибирск, 1984) и Б.В. Якушина «Гипотезы о происхождении языка» (М., 1984).

Ещё до Платона в Греции возник спор между «натуралистами» и «конвенционалистами». Сторонником первых был Гераклит, сторонником других — Демокрит. Гераклит и его последователи считали, что связь между именами и вещами является природной (натуральной), а Демокрит и его ученики — что эта связь имеет условный характер, что она является результатом соглашения (конвенции) между людьми.

Спор между «натуралистами» и «конвенционалистами» описан в диалоге Платона «Кратил». От имени самого Платона в его диалогах выступает Сократ. Он обычно играет роль арбитра, диалек-

тика — человека, который обладает умением разрешать споры. В данном диалоге ведут спор Кратил и Гермоген. Первый — сторонник «натуралистов», а второй — «конвенционалистов». «У всякого существа есть правильное имя, — утверждает Кратил, — врожденное от природы, и не то есть имя, чем некоторые люди, условившись так называть, называют, произнося при этом частицу своей речи, но некое правильное имя врождено и эллинам и варварам, одно и то же у всех...» (*Фрейдберг О.М.* Античные теории языка и стиля. — М.; Л., 1936. С. 36). Гермоген не соглашается: «Не могу поверить, что правильность имени состоит в чем-либо ином, чем в договоре и соглашении. Ведь мне кажется, какое имя кто чему установит, таково и будет правильное имя; ведь никакое имя ничему не врождено от природы, но принадлежит вещи на основании закона и обычая тех, кто этот обычай установил и так называет» (там же). Какую позицию в этом споре занял Платон?

Устами Сократа Платон сначала говорит, что прав и Кратил, и Гермоген, однако затем он уличает их в односторонности и в конечном счёте примыкает к «натуралистам». Да, считал Платон, в языке имеются как имена, созданные по природе, так и имена, созданные по соглашению. Следовательно, есть основания для утверждений Кратила и Гермогена. Но всё дело состоит в том, как создавать новые слова. Их следует создавать, по мнению Платона, в соответствии с природой, сущностью обозначаемых вещей. Как же это делать? Это зависит от того, какое имя мы собираемся создавать — первичное (т.е. производное, в современной терминологии) или вторичное (т.е. производное). В первом случае задача автора нового слова состоит в том, чтобы отражать сущность обозначаемой вещи с помощью звуков, а во втором — с помощью значимых частей слова. Так, всё круглое, мягкое, гладкое, скользкое и т.п. следует обозначать с помощью звука [л], а твёрдое, резкое, острое и т.п. — с помощью звука [р]. Платон в своём «Кратиле» заложил основы теории звукового символизма. По этой теории выходит, что звуки, как и слова, обладают некоторым, хотя и недостаточно определённым, значением. Сторонники этой теории имеются и в современной науке (см.: *Журавлев А.П.* Звук и смысл. — М., 1981).

Философия языка в Средние века развивалась в рамках теологии. «Отцы церкви» Василий Кесарийский (IV в.), Григорий

Нисский (IV в.), Аврелий Августин (IV—V вв.), Иоанн Дамаскин (VII—VIII вв.), как показал Ю.М. Эдельштейн (см.: Проблемы языка в памятниках патристики // История лингвистических учений. Средневековая Европа / Под ред. А.В. Десницкой и С.Д. Кацнельсона. — М.; Л., 1985. С. 157—207), отнюдь не были религиозными фанатиками и мракобесами. Они были людьми творческими и сумели внести много нового в развитие философии языка. Они поставили, в частности, впервые вопросы о коммуникации у животных, о невербальном мышлении и внутренней речи у людей и т.д. Задолго до Ф. Энгельса Григорий Нисский рассматривал в качестве предпосылки возникновения языка развитие рук у человека. «...Содействие рук, — писал он, — помогает потребности слова, а если кто-то услугу рук назовёт особенностью словесного существа — человека, если сочтет это главным в его телесной организации, тот нисколько не ошибется... Рука освободила рот для слова» (там же, с. 189).

Множество теорий о происхождении языка возникло в Новое время. В XVII—XVIII вв. обосновываются звукоподражательная (Г. Лейбниц), междометная (Д. Локк), социального договора (Ж.-Ж. Руссо) и другие теории. Однако в этот период происходит явное расширение предметной области философии языка. В неё стали включать, в частности, вопросы, связанные с изучением коммуникативной и познавательной функций языка. Большинство учёных полагали, что основной функцией языка является функция общения. Считалось, что главное назначение языка — быть средством для передачи мыслей и чувств. Однако некоторые философы языка видели основное назначение языка в том, чтобы быть средством познания. Они выдвигали на первый план познавательную функцию языка. К таким учёным принадлежал Иоганн Аделунг. Язык, полагал он, — это средство, которое позволяет человеку делать более ясными те представления, которые поступают в его сознание. Без языковой формы они остаются в нём «тёмными». Он интерпретировал познавательную функцию как «проявляющую».

Крупнейшим философом языка XIX в. стал Вильгельм фон Гумбольдт. Как и И. Аделунг, он считал, что главное назначение языка — быть орудием познания. Он писал: «Человеку удаётся лучше и надежнее овладеть своими мыслями, облечь их в новые формы, сделать незаметными те оковы, которые налагает на быст-

роту и единство чистой мысли в своём движении вперёд беспрестанно разделяющий и вновь объединяющий язык» (*Гумбольдт В. Язык и философия культуры*. — М., 1985. С. 376). Кроме того, язык влияет на познание, по мнению В. Гумбольдта, в связи с тем, что в нём заключена особая точка зрения на мир: та, которую занимал создавший этот язык народ. Люди вынуждены познавать мир сквозь призму своего родного языка, поскольку они вместе с усвоением этого языка не могут не принять особое мировоззрение, заключённое в данном языке. В. Гумбольдт учил видеть в языке не простую одежду готовых мыслей, а средство для образования самой мысли.

Выдвигая на первый план познавательную функцию языка, В. Гумбольдт не забывал и о других его функциях. Интерпретируя коммуникативную функцию языка, он, в частности, отмечал, что полное взаимопонимание между людьми в процессе речевого общения невозможно, поскольку у говорящего и слушающего всегда имеются индивидуальные представления о мире. У великого немецкого учёного представлены также и соображения о третьей функции языка — прагматической. Эта функция состоит в том, что с помощью языка люди могут побуждать друг друга к действию. В. Гумбольдт писал об этом: «То, что язык делает необходимым в процессе образования мысли, беспрестанно повторяется во всей духовной жизни человека — общение посредством языка обеспечивает человеку уверенность в своих силах и побуждает к действию» (*Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию*. — М., 1984. С. 77). Иначе говоря, коммуникация (слово) переходит в практику (дело), а коммуникативная функция — в прагматическую.

Прагматическая функция языка стала предметом специального рассмотрения в лингвофилософских работах XX в. Особенно много для её изучения сделал Борис Малиновский. Он считал, что именно данная функция является главной у языка. Это особенно хорошо заметно, говорил он, на детском языке. Ребёнок пользуется языком в основном из прагматических соображений: он побуждает взрослых с помощью языка к тем или иным действиям, в которых нуждается. В XX в. выделяется в особую область знаний и онтогенетическая лингвистика. В результате философия языка приобрела в XX в. довольно разветвленную дисциплинарную структуру. В неё входят следующие дисциплины:

1. Лингвосемиотика.
2. Лингвоэпистемология.
3. Лингвопраксеология.
4. Филогенетическая лингвистика.
5. Онтогенетическая лингвистика.

Первая из указанных дисциплин философии языка изучает коммуникативную функцию языка, вторая — его познавательную (когнитивную) функцию, третья — прагматическую (практическую, праксеологическую), четвертая — происхождение языка у человечества, пятая — происхождение языка у отдельного человека (ребенка).

3. Лингвосемиотика. Язык как особая система знаков

На знаковую природу языка указывал ещё А. Августин, однако современные представления о лингвосемиотике стали складываться в первую очередь под влиянием Ф. де Соссюра. Лингвосемиотика — наука о коммуникативной функции языка. Сущность этой функции в том, что язык является средством передачи говорящим своих мыслей и чувств слушающему. Эта функция осуществляется благодаря знаковой природе языка.

Выявление знаковой природы языка становится возможным, когда язык начинает исследоваться в одном ряду с другими знаковыми системами — азбукой для глухонемых, системой дорожных знаков и т.п. Эти системы изучаются семиотикой — наукой о знаках. Лингвосемиотика занимает промежуточное положение между внутренней лингвистикой и семиотикой. Отсюда и её двукоренное наименование. Родоначальником современной лингвосемиотики стал Ф. де Соссюр.

Швейцарский учёный впервые научно обосновал необходимость изучения языка в ряду других знаковых систем. «Язык, — писал он, — есть знаковая система, выражающая понятия, а следовательно, его можно сравнить с письменностью, с азбукой для глухонемых, с символическими обрядами, с формами учтивости, с военными сигналами и т.д. и т.п. Он только наиважнейшая из

этих систем» (*Соссюр Ф., де. Труды по языкознанию. — М., 1977. С. 54*). И далее читаем: «Кто хочет обнаружить истинную природу языка, должен прежде всего обратить внимание на то, что в нём общего с иными системами того же порядка...»

Ф. де Соссюр считал знак двусторонней (билатеральной) сущностью, т.е. видел в нём не только материальную, но и идеальную сторону. Такая точка зрения разделяется многими и в наше время. Однако более верной, на мой взгляд, является точка зрения Чарлза Морриса, в соответствии с которой знак признается односторонней (монологической) сущностью. В понятие «знак», по Ч. Моррису, входит только материальный носитель той или иной идеи. Обоснование правомерности данной точки зрения на природу знака проводилось у нас В.З. Панфиловым в его книге «Гносеологические аспекты философских проблем языкознания» (М., 1982. Гл. 2). Он показал, почему знак является монологической сущностью. Дело в том, что одно из фундаментальных свойств знака (наряду с субститутивностью, т.е. со свойством замещать собою какой-то другой предмет) составляет его условность (произвольность). Она состоит в том, что признаки обозначаемой вещи не повторяются (или, во всяком случае, не должны повторяться по необходимости) в признаках самого знака. Этим объясняется то, что одни и те же предметы могут называться в разных языках по-разному.

Что же получится, если мы будем включать в знак как таковой и его значение? В этом случае мы должны приписать свойство условности и значению, а следовательно, считать, что оно не отражает объективной действительности, а является результатом субъективного произвола говорящих на данном языке (если мы будем иметь дело с языковыми знаками). Сторонники билатеральной теории знака должны прийти к уравниванию внешней и внутренней сторон знаковых единиц в отношении условности. В отношении к семантике это не представляется возможным, поскольку семантическая сторона любой знаковой единицы не может быть признана произвольной. Она отражает собою тот или иной фрагмент объективной действительности.

Настаивая на билатеральности знака, Ф. де Соссюр не мог не прийти к выводу о том, что лингвистика в целом должна занять положение одной из семиотических дисциплин. Он писал: «Лингвистика — только часть этой общей науки (науки о знаках. —

В.Д.); законы, которые откроет семиология (т.е. семиотика. — *В.Д.*), будут применены и к лингвистике, и последняя, таким образом, окажется отнесенной к вполне определённой области в совокупности явлений человеческой жизни» (*Сосюр Ф., де.* Труды по языкознанию. — М., 1977. С. 54). Мы не включаем, тем не менее, всю лингвистику в семиотику. В контакт с нею вступает только одна из внешнелингвистических дисциплин — лингво-семиотика.

Развитие лингвосемиотики в XX в. связано с деятельностью таких учёных, как Ч. Моррис, Ж. Пиаже, Р. Якобсон (см. Семиотика / Под ред. Ю.С. Степанова. — М., 1983), а также с работами Э. Бенвениста, Ю.С. Степанова, Г.В. Колшанского, В.А. Звегинцева и др. Популярности лингвосемиотических проблем способствовал расцвет семиотики в 60—70-е годы. Характерен такой факт: в 1970 г. Ю.М. Лотман издал книгу «Структура художественного текста», в которой теория литературы освещается с семиотической точки зрения. Более того, Ю.М. Лотман разделял позицию Ч. Пирса, в соответствии с которой к знаку относят любой предмет, который информирует о другом. В этом случае весь мир превращается в глобальную знаковую систему, поскольку любой предмет связан с другими, а следовательно, информирует о них. Исходя из такого понимания знака, Ю.М. Лотман писал: «Мир, окружающий человека, говорит многими языками. Взаимодействие с внешней средой можно представить как получение и дешифровку определённой информации» (*Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. — М., 1970. С. 9). При таком подходе к пониманию знака игнорируется тот факт, что знак — это предмет, который специально создаётся для коммуникативных целей. А создаётся ли для этих целей, скажем, туча, которая может информировать о приближающемся дожде? Очевидно, нет. Стало быть, её нельзя считать знаком. Кроме субститутивности и условности, знак обладает также и третьим фундаментальным свойством — коммуникативной направленностью.

Основная цель лингвосемиотики — выявление знаковой природы языка. Эта цель может быть достигнута, если языковая система сопоставляется с другими знаковыми системами. Такое сопоставление и позволяет охарактеризовать язык как особую систему знаков.

Выявление своеобразия языка в сравнении с другими знаковыми системами может происходить на разных уровнях — физическом, биологическом, психологическом и культурологическом. Рассмотрим каждый из них в отдельности.

Физический уровень. С точки зрения физических характеристик знака, а следовательно, и с точки зрения их восприятия органами чувств все системы подразделяются на четыре группы: осязательные, зрительные, слуховые и обонятельные. К последнему типу знаков относится запах этилмеркаптана, который используется в шахтах как знак опасности. К осязательной системе знаков относится азбука Луи Брайля для слепых. К обонятельным и осязательным системам знаков человеческий язык не имеет прямого отношения. Он входит в состав зрительных и слуховых знаков.

Зрительными знаками человек пользуется чрезвычайно активно. Этот тип знаков используют и животные. Приведу лишь некоторые примеры:

1. Ручная азбука у глухонемых. А — сжатая кисть руки, Б — разжатая и т.д.
2. Танцевальный язык пчел. Изучению этого языка профессор Мюнхенского университета Карл Фриш посвятил всю жизнь. Выяснилось, что в качестве знаков пчелы используют различные танцевальные фигуры: 10 восьмерок — до источника пищи 100 м, 7 восьмерок — 200 м, 2 восьмерки — 6 км.
3. Морская сигнализация с помощью флажков.
4. Дорожные знаки.
5. Кинесические (жестово-мимические) знаки. Наряду с интернациональными кинесическими знаками (например, улыбкой, рукопожатием и т.п.) существуют и национальные знаки этого типа. У французов — винтообразное движение руки у носа означает *«нализался»*; у арабов — вращательное движение указательного пальца у рта — *«говори»*, сцепленные указательные пальцы — *«давай дружить»*, движение руки вдоль тела сверху вниз — *«говори медленнее»* и т.д.

К зрительным знакам относится и человеческий язык в письменной форме. Его своеобразие связано, во-первых, с особеннос-

тиями конфигурации письменных знаков, а во-вторых, с тем, что для письма используются различные писчие (а в некоторых случаях и неписчие) материалы.

В своей устной форме человеческий язык относится к слуховым знаковым системам, однако речевые звуки довольно сильно отличаются от других звуков, которые используются в качестве строительного материала для знаков. Сравните, например, человеческий язык, взятый в его вокально-слуховой форме, со «словами», которые используют обезьяны. На месте членораздельной человеческой речи мы обнаруживаем, скажем, такие знаки, которые используются гамадрилами: «о...о...у» — знак опасности, «мя-мя-мя» — знак расположения, «ак-ак-ак» — знак тревоги. Ещё сильнее речевые звуки отличаются от таких слуховых систем, как азбука Морзе, музыкальные системы знаков и т.п.

Биологический уровень. Физиологические механизмы речевой деятельности у человека особые. Особенно явно это обнаруживается на отсутствии симметрии между левым и правым полушариями головного мозга. Замечено, что у правой (у левой — наоборот) левое полушарие специализировано как речевое (вербальное), а правое — как неречевое (невербальное). В.В. Иванов в книге «Чёт и нечет» (М., 1979) пояснил разницу между полушариями таким образом: правое полушарие показывает немое кино, а левое его озвучивает. Асимметрия мозга отсутствует у животных. Она — анатомо-физиологический результат речевой эволюции человека.

Психологический уровень. Психические основы речевой деятельности человека, бесспорно, намного более сложны, чем аналогичные механизмы какой-либо другой знаковой деятельности у человека или животного. Объяснение простое: человеческий язык представляет собой образование намного более сложное, чем любая другая знаковая система. Если в языке выделяют систему иерархически организованных уровней различных единиц, то состав знаковых единиц, входящих в неязыковые системы знаков, является ограниченным. Возьмите, например, жестовые знаки. Мы можем здесь выделить, очевидно, только два уровня знаков — уровень жестовых «слов» и уровень жестовых «предложений». Так, у англичан имеется комплексный жест: указательные пальцы обеих рук касаются закрытых глаз, обе ладони закрывают уши, правая ладонь закрывает рот, что означает: жестикулирующий

ничего не знает о чём-то, т.е. не видел, не слышал, ему нечего сказать. Каждое движение руки в описанном жестиколярном комплексе можно уподобить слову. В данном комплексе, таким образом, три «предложения». В человеческой речи, кроме уровней слов и предложений, выделяют также уровни звуков, морфов и другие уровни, вплоть до текста.

Культурологический уровень. Своеобразие языковой системы знаков состоит в том, что она используется во всех сферах культуры, тогда как другие знаки имеют узкие, специальные сферы применения. Особая символика используется в математике, химии, религии и т.д. Универсальное применение языка свидетельствует о наличии больших коммуникативных возможностей человеческого языка в сравнении с другими системами знаков. Можем ли мы с помощью, скажем, дорожных знаков написать роман «Война и мир»? Вопрос риторический. Вы можете сказать, что на азбуке Морзе его можно изложить. Это верно, но в действительности азбука Морзе используется в специальных условиях, как и любая другая неязыковая система знаков. Только язык не имеет ограничений в применении.

4. Лингвоэпистемология.

Роль языка

в познавательной деятельности человека

Предмет изучения в лингвоэпистемологии — познавательная функция языка. Она изучается с двух точек зрения — слушающего и говорящего. Используя другую терминологию, мы можем назвать первую точку зрения семасиологической, а вторую — ономасиологической, и говорить о двух формах познавательной функции языка — семасиологической и ономасиологической.

В чём сущность семасиологической формы познавательной функции языка? Какова роль языка в познании с точки зрения получателя речи? Ответ на этот вопрос не вызывает особых затруднений. Каждый понимает, что мы познаём мир не только и даже не столько непосредственно, сколько с помощью языка. Иначе говоря, мы узнаём что-либо новое не только благодаря нашим собственным наблюдениям за окружающей действительностью и за нами самими, но также и благодаря тому, что другие, более ин-

формированные в тех или иных вопросах люди передают нам нечто новое об этой действительности и о нас самих.

Передача информации осуществляется не только с помощью языка, но и с помощью живописи, музыки и других знаковых средств. Однако язык является основным средством передачи познавательной информации. На этом главным образом держится все образование — начиная со школы и кончая докторантурой. Учителя, как правило, старше своих учеников. А отсюда вытекает вывод: благодаря языку люди старших поколений передают свой опыт людям более молодых поколений.

Язык можно рассматривать как связующее звено в истории человечества. Благодаря тому, что результаты познавательной деятельности могут закрепляться в письменной форме (т.е. в книгах, статьях и т.д.), люди могут приобретать знания не только в непосредственном общении, но также с помощью письменной формы языка. В XX в. для передачи познавательной информации стали использовать разнообразные лингвотехнические средства — радио, телевидение и т.д. Однако и до сих пор письменно закреплённые знания используются в качестве основного источника познания (наряду, конечно, с устной, технически непосредственной формой передачи знаний).

Независимо от того, о какой форме передачи знаний идёт речь, познавательный опыт одного поколения передаётся другому в первую очередь с помощью языка. В этом его непреходящая ценность. К.Д. Ушинский писал: «В сокровищницу родного языка складывает одно поколение за другим плоды глубоких сердечных движений, плоды исторических событий, верования, воззрения, следы прожитого горя и прожитой радости, — словом, весь след своей духовной жизни народ бережно сохраняет в народном слове. Язык есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившие, живущие и будущие поколения народа в одно великое, историческое живое целое» (цит. по: *Горский Д.П. Роль языка в познании // Мышление и язык / Под ред. Д.П. Горского. — М., 1957. С. 77*).

Более трудным представляется вопрос о том, какова роль языка в познавательной деятельности говорящего. Познающий субъект может познавать мир в процессе наблюдений за внешним от него и внутренним миром. И в этом процессе язык в какой-то мере влияет на познавательную деятельность. Ономаσιологичес-

кая форма познавательной функции языка была поставлена в центр внимания в XX в. неогумбольдтианцами. Они разработали гипотезу так называемой лингвистической относительности. Остановимся на характеристике этой гипотезы и её критике. Тем самым ответим на вопрос о роли языка в познании с точки зрения говорящего.

Гипотезу лингвистической относительности обычно называют гипотезой Сепира—Уорфа, имея в виду американских авторов этой гипотезы, однако её разрабатывали и немецкие неогумбольдтианцы — Л. Вайсгербер, Х. Хольц и др. Сущность этой гипотезы, пожалуй, лучше всего выразил Эдвард Сепир: «Люди живут не только в объективном мире вещей и не только в мире общественной деятельности, как это обычно полагают, они в значительной мере находятся под влиянием того конкретного языка, который является средством общения для данного общества. Было бы ошибочным полагать, что мы можем полностью осознать действительность, не прибегая к помощи языка, или что язык является побочным средством разрешения некоторых частных проблем общения и мышления. На самом деле “реальный мир” в значительной степени строится на основе языковых норм данной группы... Мы видим, слышим и воспринимаем так или иначе те или иные явления главным образом благодаря тому, что языковые нормы нашего общества предлагают данную форму выражения. Язык служит руководством к восприятию социальной действительности. Мир, в котором живут общественные образования, говорящие на разных языках, представляет собою *различные* миры, а не один и тот же мир» (цит. по: *Панфилов В.З.* Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. — М., 1982. С. 21—22; *Звегинцев В.А.* Язык и лингвистическая теория. — М., 1973. С. 200).

Развивая мысли своего учителя, Б. Уорф дал более категорическую формулировку сущности гипотезы, о которой идёт речь: «Лингвистическая система каждого языка не просто передаточный инструмент для озвученных идей, но скорее сама творец идей, программа и руководство для интеллектуальной деятельности людей... Мы исследуем природу по тем направлениям, которые указываются нам нашим родным языком» (цит. по: *Звегинцев В.А.* Очерки по общему языкознанию. — М., 1962. С. 313). Короче говоря, сущность неогумбольдтианства состоит в интерпретации языка как окна в мир. Язык, с точки зрения неогумбольдтианцев,

представляет собою промежуточное звено между человеком, его сознанием и окружающим миром. Каков язык — такова и в определённой мере картина мира говорящего на этом языке народа. Истоки подобной интерпретации активного характера языка по отношению к познанию восходят к В. Гумбольдту.

В. Гумбольдт писал: «Человек окружает себя миром звуков, чтобы воспринять в себя и переработать мир вещей. Эти наши выражения никоим образом не выходят за пределы простой истины. Человек преимущественно — да даже и исключительно, — поскольку ощущение и действие у него зависят от его представлений, — живет с предметами так, как преподносит ему язык. Посредством того же самого акта, в силу которого он сплетает изнутри себя, он вплетает себя в него; и каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка. Освоение иностранного языка можно было бы уподобить завоеванию новой позиции в прежнем видении мира; до известной степени фактически так дело и обстоит, поскольку каждый язык содержит всю структуру понятий и весь способ представлений определённой части человечества» (*Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию.* — М., 1984. С. 80).

Из этих рассуждений выдающегося философа языка его последователи сделали вывод о том, что степень взаимопонимания между людьми, говорящими на разных языках, зависит от степени структурно-семантической близости между этими языками. «Мы сталкиваемся, таким образом, — писал Б. Уорф, — с новым принципом относительности, который гласит, что сходные физические явления позволяют создать сходную картину вселенной только при сходстве или по крайней мере при соотносительности языковых систем» (*Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. Вып. 1.* — М., 1960. С. 168). Каким образом следует относиться к гипотезе Сепира—Уорфа? Двойственно: в ней есть рациональное зерно и есть издержки. Её рациональное зерно состоит в том, что она основывается на действительных структурно-семантических различиях между языками. Эти различия усваиваются носителями того или иного языка с детства и вместе с ними они в какой-то мере приобретают особую точку зрения на мир. Выделим здесь некоторые из структурно-семантических различий.

1. Пример Л. Вайсгербера. В средневерхненемецком языке, в отличие от современного немецкого, не было обозначения животного вообще, но были специальные слова для обозначения различных видов животных: Tier — *бегающее*, Vogel — *летающее*, Wurm — *ползающее*, Fisch — *плавающее*. «Это четко членимая картина, — писал Л. Вайсгербер, — но она совершенно не похожа ни на имеющиеся зоологические классификации, ни на её состояние в современном немецком языке. Так же как в отношении современного немецкого языка мы можем говорить о средневерхненемецком, что и в нём речь идёт об особой языковой картине мира» (цит. по: *Звегинцев В.А. Язык и лингвистическая теория*. — М., 1973. С. 311). В современном немецком языке мы имеем дело с такой «картиной животного мира»: Tier — *животное*, Vogel — *птица*, Wurm — *червь*, Fisch — *рыба*.
2. Обозначение больших чисел в русском языке и, скажем, в немецком осуществляется в структурно-семантическом отношении по-разному. Например, в русском 1385 = 1000, 300, 80 и 5, а в немецком *dreizehnhundert-fünf-und-achtzig* = 13 сотен, 5 и 80.
3. На месте русского слова *сутки* в романских и германских языках *лакуны*.
4. Много отличий в сегментации цветового спектра. Так, если в русском языке синий и голубой цвета обозначаются двумя различными словами, то в английском и немецком они обозначаются одним словом (*blue, blau*). Во вьетнамском языке слово *xanh* указывает сразу на три цвета — зелёный, синий и голубой. В языке австралийского племени аранта используется одно слово для обозначения синего, зелёного и жёлтого цветов.
5. В эскимосском языке отсутствует отдельное наименование для снега вообще, зато имеются специальные обозначения различных видов снега — падающего, талого, несомого ветром и др.
6. Во вьетнамском языке представлено 13 наименований для разных видов бамбука.

Из такого рода примеров следует, что структурно-семантическое своеобразие того или иного языка не может не оказывать вли-

ния на познавательную деятельность его носителей. Это проявляется прежде всего в том, что сам язык требует от его носителей познавать те явления, для которых в данном языке имеются специальные наименования. Так, эскимосский язык понуждает познавать различные виды снега уже потому, что в этом языке имеются специальные обозначения для разных оттенков снега, его положения, состояния и т.д. То же самое относится к различным видам оленей у северных народов или видам бамбука у вьетнамцев.

Эксперименты показывают, что влияние языка на познание выражается и в том, что членение окружающего мира у людей, говорящих на разных языках, в какой-то мере задается лексической структурой того или иного языка. Так, австралийцам из племени аранта на первых порах трудно отграничивать друг от друга синий, зелёный и жёлтый цвета потому, что в их языке нет отдельных слов для обозначения данных цветов. Это указывает, что в гипотезе Сепира — Уорфа содержится рациональное зерно.

В гипотезе, о которой идёт речь, вместе с тем представлена тенденция, связанная с преувеличением роли языка в познании. Её авторы полагали, что люди вообще не способны преодолеть тиранию слов, что структурно-семантические отличия, имеющиеся между языками, создают препятствия, не позволяющие людям, которые говорят на разных языках, до конца понять друг друга. Тиранию языка, тем не менее, разноязычные люди могут преодолевать. Это возможно за счёт непосредственных наблюдений за окружающим миром, что даёт возможность, в частности, людям невьетнамской национальности различать различные виды бамбука, а представителям племени аранта отграничивать синий, зелёный и жёлтый цвета. Ещё Томас Гоббс (английский философ XVII в.) писал: «Язык, что паутина: слабые умы цепляются за слова и запутываются в них, а более сильные легко сквозь них прорываются» (*Гоббс Т. Избранные произведения. Т. 1. — М., 1964. С. 79*).

5. Лингвопраксеология.

Сущность прагматической функции языка

Лингвопраксеология изучает прагматическую (практическую, праксеологическую) функцию языка. Сущность этой функции со-

стоит в том, что язык служит для человека не только средством общения и познания, но и средством практического воздействия на мир.

Изучение прагматической функции языка началось сравнительно недавно. В 1-й половине XX в. эта функция стала предметом пристального внимания Бориса Малиновского и Леонарда Блумфильда. В работе «Проблема значения в примитивных языках» (1923) Б. Малиновский стал рассматривать прагматическую функцию языка как основную в цивилизованном обществе и как исторически первичную в примитивных обществах. Отсюда делался вывод о том, что язык «должен рассматриваться скорее как способ действия, чем средство передачи мысли» (цит. по: *Langendoen D.T. The London School of Linguistics: A. Study of the Linguistic Theories of V. Malinowsky and J.R. Firth. — Cambridge, Mass., 1968. P. 23*).

Л. Блумфильд, подобно Б. Малиновскому, видел основное назначение языка в том, чтобы служить средством для говорящего вызывать определённые действия по стороны слушающего. В этих действиях он и усматривал в конечном счёте значение языковых единиц. Он писал: «...умирающий с голоду нищий у дверей говорит: “Я голоден”, и хозяйка даёт ему поесть; этот пример, говорим мы, воплощает первичное, или словарное значение языковой формы “я голоден” (Блумфильд Л. Язык. — М., 1968. С. 145). Если подобный подход к объяснению назначения языка довести до логического предела, то мы должны будем считать, что язык возник потому, что с его помощью можно, не работая самому, заставлять людей делать что-либо для говорящего. Иными словами, вместо того, чтобы самому ловить рыбу, охотиться за животными и т.д., человек требовал, чтобы это делали за него другие. Для этого ему и понадобился язык.

Если Б. Малиновский и Л. Блумфильд преувеличивали значение прагматической функции языка, то Лео Вайсгербер более реалистично оценивал её. Его заслуга состоит в том, что он стал рассматривать эту языковую функцию в контексте влияния языка на развитие культуры в целом. Так, он хорошо показал в своих работах, что стремление учёных к созданию искусственных, символических языков связано с тем, что обыденный язык в некоторых случаях препятствует адекватному описанию того или иного предмета исследования. С другой стороны, развитие науч-

ного (например, технического) словаря благотворно влияет на общий уровень образования в стране, а в конечном счёте и на её культурный прогресс (например, в области техники). Эти и им подобные наблюдения позволили Л. Вайсгерберу сделать вывод о том, что язык «занимает важное место в общей жизни, он является силой, которая воздействует на развитие различных областей культуры» (*Weisgerber L. Die Stellung der Sprache im Aufbau der Gesamtkultur. — Heidelberg, 1933. S. 8*).

Несмотря на исследования Б. Малиновского, Л. Блумфильда, Л. Вайсгербера и др., прагматическая функция языка до сих пор изучена недостаточно. Сущность этой функции, очевидно, состоит в переходе слова в дело. Такой переход, как известно, далеко не всегда осуществляется. В задачу лингвопраксеологии входит исследование условий, благодаря которым он всё-таки происходит.

Хорошо писал о прагматической функции языка Вадим Кожин: «В нашем сознании прочно засело поверхностное и механистическое противостояние человеческого дела и слова. Дело, подразумевающее те или иные телесные мускульные усилия, связанные с более или менее значительной тратой энергии, реально, практически изменяет нечто в мире; слово же представляет собою, так сказать, лишь сотрясение воздуха (вспомните А.С. Пушкина: “Что слово? Звук пустой”. — *В.Д.*), является только выражением мысли либо пожеланием и не принадлежит к сфере практической деятельности. При этом забывают, что, скажем, деятельность полководца, капитана корабля, инженера и представителей множества иных профессий может всецело заключаться в отдаче словесных указаний... Слово, речь — одна из полноправных форм человеческой деятельности... деятельности, которая реально изменяет мир... Любая речь направлена на изменение, преобразование мира: либо — если дело идёт о речи, включенной в производственный процесс, — на изменение самого положения вещей, либо — если дело идёт о политике, идеологии, науке, социальном быте и т.п. — на изменение отношений людей к вещам и друг к другу» (*Кожин В.В. Об изучении «художественной речи» // Контекст-1974 / Под ред. Н.К. Гея. — М., 1975. С. 258—260*).

В качестве комментария к приведённым словам В. Кожина следует сказать, что прагматическая функция языка очевидна у повелительных предложений. Они направлены на то, чтобы вызвать у слушающих те или иные действия, а следовательно, на из-

менение мира. Однако не только повелительные предложения обладают прагматической функцией. Дело в том, что наши действия обусловлены в значительной мере нашими знаниями, а знания приобретаются с помощью языка. Прагматическая функция языка тесно связана с его познавательной функцией. Сначала с помощью языка человек познает мир, а затем его преобразует. В этом и состоит переход слова в дело. Разумеется, этот переход опосредуется условиями, в которых живёт человек. Они могут ему способствовать или, наоборот, препятствовать. Однако в любом случае мы можем усматривать в языке важнейшее средство не только познания и общения, но и изменения мира.

6. Филогенетическая лингвистика. Культурологический подход к решению вопроса о происхождении языка

Филогенетическая лингвистика изучает проблемы, связанные с происхождением языка. С обзором гипотез о происхождении языка вы можете ознакомиться по книге В.И. Кодухова «Введение в языкознание» (М., 1979. Гл. 3). Мы остановимся на культурологическом подходе к решению проблемы, о которой идёт речь. Суть этого подхода в том, что вопрос о происхождении языка решается в этом случае вместе с вопросом о происхождении культуры в целом.

Основанием для культурологического подхода к проблеме происхождения языка служит тот факт, что язык является важнейшим компонентом культуры и, вследствие этого, мы можем рассматривать его как один из факторов очеловечивания наших животных предков, а в дальнейшем и самого человека.

На какой основе возникла культура? На основе психической эволюции наших животных предков. На какой основе осуществлялась последняя? На основе биофизической эволюции человекообразных обезьян и их предков. А эта последняя базировалась на физической эволюции как таковой. В конечном счёте мы имеем здесь дело с переходом физических явлений в биотические, с переходом биотических явлений в психические и с переходом психических явлений в культурные (в том числе языковые). Вопрос о

происхождении культуры — эволюционный вопрос. Кратко он может быть сформулирован как цепь эволюционных переходов:

Мёртвая природа —> **жизнь** —> **психика** —> **культура**.

Мы обнаруживаем здесь три перехода. Рассмотрим каждый из них в отдельности.

1. Мёртвая природа — жизнь. Согласно гипотезе А.И. Опарина, первичный океан представлял собою объединение неорганических (неуглеродных) и органических (углеродных) соединений. Неуглеродные вещества в нём преобладали. Вот почему первичный океан следует рассматривать, в конечном счёте, как неорганический мир, в недрах которого зародились элементы мира органического.

В результате дифференциации органических и неорганических соединений и дальнейшего развития первых возникли гигантские белковые молекулы, названные А.И. Опариним коацерватами. Их можно рассматривать как элементарные эмбрионы будущих живых существ. В коацерватах уже существовал обмен веществ. Он состоял в том, что одни вещества они в себя принимали, а другие — нет. Они относились к миру более активно, чем неорганические соединения. Дальнейшее развитие коацерватов привело к появлению первых живых организмов как таковых — на первых порах растительных, а в дальнейшем и животных.

2. Жизнь — психика. Когда у животных возникла психика? С того момента, когда у многоклеточных животных (медуз, актиний и т.п.) появляются нервные клетки. Их назначение состояло в том, чтобы отражать внешний и внутренний мир животного с целью биологического приспособления к нему. Многоклеточных животных следует рассматривать как ближайших предков тех живых организмов, которые стали обладать психикой. Однако у многоклеточных нервные волокна ещё рассредоточены по всему телу. Психическая способность у животных стала возрастать в связи с объединением нервных клеток в так называемые ганглии.

Увеличение числа нервных клеток в специальных участках организма привело к созданию материальной основы

психической деятельности у высших животных. Есть животные (слоны, киты и т.п.), мозг которых превышает по объёму и весу мозг человека, однако интеллектуальные возможности таких животных не могут даже конкурировать с человеческими. Дело здесь не только в количестве, но и в качестве. Человеческий мозг обладает способностью приобретать огромный индивидуальный опыт — такой, который во много раз превышает опыт генетический, врожденный. У высших животных индивидуальный опыт тоже достаточно богат, однако у людей он несравненно богаче. Именно индивидуальный опыт позволил человекообразным обезьянам создать первые продукты культуры, а тем самым и осуществить скачок от животного к человеку. Человек — окультуренное животное.

- 3. Психика — культура.** За счёт чего индивидуальный опыт обезьяны достиг такого объёма, что превратил мозг обезьяны в мозг человека? Ф. Энгельс ответил на этот вопрос следующим образом: это произошло прежде всего благодаря созданию и усовершенствованию орудий труда. Последние в свою очередь позволяли создавать все более сложные продукты материальной культуры — жилища, одежду, пищу. Усложнение материальной культуры приводило ко всё большему увеличению индивидуального опыта у первобытных людей. А это, в свою очередь, позволило в дальнейшем приступить к созданию духовной культуры — религии, науки, искусства, нравственности и политики. Первобытный человек благодаря этому становился все более цивилизованным. Какое же отношение к этим рассуждениям имеет вопрос о происхождении языка? Самое непосредственное, поскольку он является важнейшим компонентом человеческой культуры.

Зачаточный язык был представлен уже у наших животных предков. Как только психическое развитие человекообразных обезьян достигло такой степени, что они сумели творчески подойти к своему языковому эмбриону, они перестали быть животными. Они стали усовершенствовать свой язык и тем самым становились всё более человеческими. Подобным образом обстояло дело и с другими продуктами культуры: благодаря творческому, преобразующему

отношению к миру наши предки превращали грубые камни в удобные орудия труда, естественные деревья в обработанный материал для искусственных жилищ и т.д.

Переход человекообразных обезьян к человеческим существам произошел благодаря тому, что наши предки, их мышление поднялось до творческого, усовершенствующего, улучшающего отношения к миру. Это отношение и является собственно человеческим: чем более активен человек как творец, тем более он человек. В той мере, в какой язык принадлежит к культуре, это имеет отношение и к языку: чем лучше и больше языков знает человек, тем дальше он ушёл от животного.

Итак, культурологический подход к вопросу о происхождении языка предполагает рассмотрение языка в качестве одного из компонентов культуры. Как только наши предки сумели взглянуть на себя и окружающий мир творческими, преобразующими глазами, они вступили на путь очеловечивания (антропогенеза, гоминизации). Они стали творить культуру — в том числе и языковую, которая становилась тем выше, чем дальше человеческий язык отрывался от своего животного эмбриона.

7. Онтогенетическая лингвистика. Периодизация речевой деятельности ребёнка

Во 2-й половине XIX в. немецкие биологи Ф. Мюллер и Э. Геккель сформулировали следующий биогенетический закон: онтогенетическое (индивидуальное) развитие особи в какой-то мере повторяет её филогенетическое (видовое) развитие.

Действительно, человеческий эмбрион повторяет в своем развитии три ступени эволюции: физическую (развитие зиготы — оплодотворенной клетки — от первого деления её ядра до формирования физической организации зародыша); биотическую, связанную с развитием анатомо-физиологической природы эмбриона; психическую, которая позволяет ему приобрести генетический (врожденный) опыт. Родившийся ребенок уже имеет такой опыт. Это позволяет ему, например, сосать материнскую грудь, хотя его никто этому не обучал. Но индивидуальный опыт ему ещё предстоит приобрести, в том числе и языковую способность.

До недавнего времени считалось, что формирование языковой способности у ребенка осуществляется главным образом в процессе подражания языку взрослых. Изобретательный, творческий момент в этом процессе здесь почти не учитывался. Новые исследования в онтогенетической лингвистике показывают, что ребенок овладевает языком не только благодаря способности к подражанию, но и благодаря тому, что он во многом самостоятельно воссоздает языковую систему. Я рекомендую вам по детской лингвистике прочитать книгу Е.И. Негневицкой и А.М. Шахнаровича «Язык и дети» (М., 1981). В ней хорошо показан творческий аспект детской речи (см. также: *Шахнарович А.М.* Национальное и универсальное в развитии речи ребенка // Национально-культурная специфика речевого поведения / Под ред. А.А. Леонтьева, Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Сорокина. — М., 1977).

Усвоение языка ребёнком осуществляется в процессе двух стадий:

- 1) приблизительно от полугода до трёх лет. Это стадия формирования основных уровней языка;
- 2) приблизительно с трёх лет до шести-семи. Это стадия усовершенствования системно-структурных представлений о языке и их использования в речевой деятельности ребёнка.

Первая из указанных стадий включает в себя три периода — звукоподражательный, редуцированный и гиперкорректный. Рассмотрим каждый из них в отдельности.

Период звукоподражательной речи. Этот период характеризуется преобладанием в речи ребёнка звукоподражаний: *ав-ав (собака), мму (корова), мяу (кошка), ко-ко (курица), у-у-у (поезд), кх-х (спать), ж-ж-ж (машина)* и т.д. Начинают формироваться три уровня языка — фонетический, словообразовательный и лексический, поскольку ребёнок постепенно приобретает артикуляционные навыки, создаёт новые для него слова посредством самостоятельного подражания звучащим предметам и использует их как лексические единицы. Этот период длится приблизительно до года.

Период редуцированной (сокращённой) речи продолжается примерно до полутора лет. Он характеризуется господством в речи ребёнка неполных речевых образований: *абоко (яблоко), сета (конфета), тияю (стираю), деги (деньги), сиситет (уни-*

верситет), *мока* (молоко) и т.п. В этот период детский язык приобретает большее сходство со взрослым языком, чем в первый период, поскольку ребёнок воспроизводит в своей речи слова взрослых. Однако в силу неразвитости у него артикуляционного аппарата, он сокращает эти слова. Начинают формироваться представления о морфологическом уровне языка. Это проявляется в дифференциации таких, например, форм, как *сета* и *сету*. Данный пример показывает, что ребёнок в описываемый период осуществляет морфемный анализ и усваивает морфологические формы слова.

Период гиперкорректной (сверхкорректной) речи длится примерно до трёх лет. Он характеризуется наличием в речи ребёнка так называемых гиперкорректных (или сверхправильных) языковых форм. Так, английские дети вместо неправильных глаголов в это время употребляют правильные (вместо *went* «шел» — *goed*; вместо *did* «делал» — *doed*; вместо *thought* «думал» — *thinked* и т.п.). В русском языке можно услышать такие детские гиперкорректизмы, как «*идил*» (шёл), «*плохее*» (хуже), «*хорошее*» (лучше) и т.п.

Наличие гиперкорректизмов в речи ребёнка говорит о его языковой активности, поскольку он творчески применяет языковые модели по отношению к конкретным речевым образованиям. О языковой изобретательности детей говорят многочисленные детские неологизмы. Приведу лишь некоторые примеры из книги К. Чуковского «От двух до пяти»: *распакетить*, *задверить*, *вытонуть*, *кочегарка* (жена кочегара), *судак* (подсудимый), *мазелин* (вазелин), *больмашина* (бормашина), *улицционер* (милиционер), *дыравчик* (буравчик), *пескаватор* (экскаватор), *мокрес* (компресс) и др.

В третий период детской речевой деятельности формируется синтаксический уровень языка. Дети все более свободно используют в речи различные синтаксические конструкции, которые нередко содержат забавные неологизмы. Вот некоторые примеры из упомянутой книги К. Чуковского:

1. — *Вы и шишку польете?*
— *Да.*
— *Чтобы выросли шишенята?*
2. *Вся елка обсвечкана!*

3. *«Расширокайтесь! Расширокайтесь!» — кричала своим гостям четырехлетняя девочка, требуя, чтобы они расступились.*
4. *Я сижу и отмухиваюсь.*
5. *Наседка оцыпляетилась.*
6. *Собака пасть разинула, а потом заинула.*
7. *Погоди, я еще не отсонилась.*
8. *На что это ты так углазилась?*
9. *Какой окошный дом!*
10. *Бабушка! Ты моя лучшая любовница!*
11. *«Мама, я такая распутница!» (И показала веревочку, которую ей удалось распутать).*

Вторая стадия в овладении языковой способностью связана с формированием текстуального уровня языка. В этот период ребенок способен создавать несложные тексты, однако и в отношении к другим языковым уровням он проделывает огромную работу, направленную на всё большую конкретизацию тех представлений о языковой системе, которые он приобрел в первую стадию языкового онтогенеза.

Конкретизация языковой системы у ребенка проявляется в её наполнении новым словообразовательным и фразообразовательным материалом. Так, значительно расширяется лексический запас. Приблизительно к семи годам ребёнок становится, по существу, взрослым в языковом отношении — в том смысле, что к этому времени он уже полностью овладевает языковой способностью. Что касается совершенствования этой способности, то оно продолжается в течение всей жизни.

8. Лингвофизика. Акустические характеристики речевых звуков

Предметом лингвофизики является язык, рассматриваемый со стороны его физических (акустических) характеристик. Эти характеристики однотипны с теми, что имеются и у неречевых зву-

ков. Вот почему звуки речи в лингвофизике исследуются на фоне других звуков. Звуки вообще изучаются акустикой — одним из разделов физики. Лингвофизика занимает смежное положение между акустикой и лингвистикой. Её можно также назвать лингвоакустикой, фонетической акустикой и т.д.

Исследование акустических свойств звуков первоначально осуществлялось в фонетических лабораториях. В России такие лаборатории были впервые созданы при Казанском и Петроградском университетах на рубеже XIX—XX вв. Результаты исследований, проведённых в этих лабораториях, представлены в книгах В.А. Богородицкого «Заметки по экспериментальной фонетике» (1—7 вып. — Казань; СПб., 1896—1907) и Л.В. Щербы «Русские гласные в качественном и количественном отношении» (1-е изд. — 1912, переиздана в Ленинграде в 1983 г.). Позднее в области лингвофизики работали С.Н. Ржевкина, М.А. Сапожкова, Г.И. Цемель и др. Результаты современных лингвофизических исследований отражены в книгах Л.В. Бондарко «Звуковой строй современного русского языка» (М., 1977. С. 16—21) и Л.Р. Зиндера «Общая фонетика» (М., 1979. С. 97—103).

Любой звук представляет собою результат колебательных движений определённого тела. Звуки речи образуются в результате тех движений, которые совершаются говорящим с помощью органов артикуляции. Акустические характеристики этих звуков зависят от четырёх факторов — частоты колебательных движений, их амплитуды, продолжительности и спектра.

Частота колебаний зависит от скорости, с которой движется источник звука. Она измеряется в герцах. Когда говорят, что частота того или иного звука равна, например, 300 Гц, имеют в виду, что источник этого звука совершает 300 колебаний в секунду. Субъективное восприятие частоты колебаний связано с высотой звука: звуки с малой частотой воспринимаются как низкие, а звуки с большой частотой — как высокие.

От амплитуды (размаха) колебаний зависит интенсивность (сила) звука. Она воспринимается органами слуха как его громкость и измеряется в децибелах. За нулевой уровень при этом принимается звуковое давление в 20 паскалей. Паскалями измеряют давление воздуха, возникающее в процессе колебаний источника звука. При частоте звука в 1000 Гц нулевой уровень силы звука приблизительно соответствует порогу слышимости этого звука.

Громкость звука, таким образом, зависит не только от его интенсивности, но и от соотношения интенсивности звука с его частотой.

Продолжительность звука зависит от времени его существования. Продолжительность звуков речи измеряется в тысячных долях секунды — миллисекундах (мс). Для распознавания того или иного звука речи человеку требуется 30—50 мс. Продолжительность звука в речи зависит от её темпа. При среднем темпе речи звук «а» в слове «сад» длится приблизительно 250—300 мс, а в слове «садовод» — лишь 50—70 мс.

Голосовые связки человека подобны колеблющимся струнам. Амплитуда колебаний, совершаемых разными частями голосовых связок, не является одинаковой. Звук речи представляет собою результат целого ряда колебательных движений. Мы можем изобразить тот или иной звук в виде частотного спектра. Этот спектр у однотипных звуков, производимых разными людьми, своеобразен, что объясняется индивидуальной природой органов артикуляции у каждого человека. Тем самым он выступает в качестве объективной основы для индивидуальной окраски звучащей речи, производимой определённым говорящим. В субъективном восприятии спектр расценивается слушающим как тембр речи.

Сделаем вывод: к акустическим характеристикам звуков речи относятся их частота, амплитуда, продолжительность и спектр. Каждая из этих характеристик особым образом воспринимается слушающим. От частоты звука зависит его высота, от амплитуды — громкость, от продолжительности — длительность и от спектра — тембр.

9. Биолингвистика. Строение и функционирование органов слуха и артикуляции. Асимметрия человеческого мозга

Биолингвистика исследует язык, обращая внимание на его биологические особенности. Эти особенности могут быть обнаружены только в связи с изучением органов человеческого тела, которые участвуют в речевой деятельности. Сами по себе эти органы изучаются в биологии. Биолингвистика находится на стыке между лингвистикой и биологией. В её задачу входит изучение биологи-

ческих механизмов речевой деятельности. Эти механизмы базируются в трёх органах — органах слуха, органах артикуляции и коре головного мозга. Изучению строения и функционирования данных органов и посвящены соответствующие разделы биолингвистики: биолингвистика слуха, биолингвистика произношения и биолингвистика мозга.

Рассмотрение биологических основ речевой деятельности проводится, как правило, в особых разделах фонетики. Это связано с деятельностью таких учёных, как О. Есперсен, Д. Джоунс, В.А. Богородицкий, Л.В. Щерба и др. В учебниках по фонетике имеются разделы по биолингвистике у М.И. Матусевич (Современный русский язык. Фонетика. — М., 1976. С. 16—27) и у Л.Р. Зиндера (Общая фонетика. — М.; 1979. С. 83—110). Попытка построения биолингвистики как особой внешнелингвистической дисциплины была осуществлена Е. Леннебергом в книге «Biological Foundation of Language» (N. Y., 1967). См. также: *Вартамян И.А.* Звук — слух — мозг. Л., 1981.

Биолингвистика слуха. В человеческом ухе различают три основные части — наружное ухо, состоящее из ушной раковины и наружного слухового прохода; среднее ухо, в котором находятся молоточек, наковальня и стремя; внутреннее ухо, заполненное лимфатической жидкостью. Звуковые волны направляются от наружного уха к среднему через барабанную перепонку, которая защищает органы слуха от слишком громких звуков. В среднем ухе звуки передаются с помощью трёх косточек, образно названных молоточком, наковальней и стремением. Из среднего уха звуковой сигнал поступает во внутреннее ухо, а затем — в слуховой центр головного мозга, в результате чего обеспечивается восприятие звуков.

Биолингвистика произношения. Органы артикуляции подразделяются на вспомогательные и основные. К первым из них относятся легкие, бронхи, трахея. Назначение этих органов — направлять в основные органы артикуляции воздушную струю, необходимую для образования звуков. К основным органам произношения относятся гортань, глотка, рот и нос.

Гортань состоит из хрящей и голосовых связок. Назначение хрящей, приводимых в движение особыми мускулами, состоит в том, чтобы натягивать или расслаблять голосовые связки, представляющие собою две эластичные мышцы. При произношении

глухих согласных эти мышцы расслаблены, а при произношении гласных и звонких согласных они колеблются и тем самым становятся источником этих звуков.

Назначение глотки — направлять воздушную струю в ротовую или носовую полость. Последняя участвует в образовании носовых звуков. Когда нёбная занавеска приподнимается, воздушная струя направляется в рот. Основную звукообразующую функцию во рту выполняет язык. Многообразие звуков, создаваемых говорящим, во многом зависит от того, что язык может продвигаться как по вертикали, так и по горизонтали.

Биолингвистика мозга. Ещё во 2-й половине XIX в. К. Вернике и П. Брока обнаружили слуховой и произносительный центры в левом полушарии головного мозга. К. Вернике и П. Брока в какой-то мере предвосхитили открытие, сделанное в 70-х годах XX столетия, — открытие асимметрии мозга.

Было обнаружено, что у правшей (у левшей — наоборот) левое полушарие имеет речевую специализацию, а правое — наглядно-образную. У учёных, как правило, более развито левое полушарие, а у художников — правое. Известно, что у кинорежиссера Сергея Эйзенштейна правое полушарие было намного больше левого (см. об этом книгу В.В. Иванова «Чёт и нечет». — М., 1979).

Если у человека нарушена деятельность правого полушария, он с трудом ориентируется в окружающей обстановке. Если же у него нарушена деятельность левого полушария, он страдает речевыми расстройствами (афазией). Афазия существует во множестве форм (они подробно описаны в книге А.Р. Лурии «Основные проблемы нейролингвистики» (М., 1975). Так, в этой книге описан больной, который мог схватывать значения отдельных слов, но путался в установлении значений различных синтаксических конструкций. «В ответ на просьбу сказать, что означает конструкция *«брат отца»* он беспомощно говорил: *«Вот... брат... и отец... а вот как вместе?... — не могу схватить...»*. Естественно, что различение обратимых конструкций *«брат отца»* и *«отец брата»* оставалось полностью недоступным больному, и в ответ на предложение сказать, чем они различаются, он повторял: *«Отец брата... брат отца... и тут отец; и тут отец; и тут брат — и тут брат... не знаю, в чем разница»* (указ. соч., с. 202).

Существуют речевые нарушения, проявляющиеся в неспособности оперировать лексемами. Вот как, например, афатики объясняют значения некоторых слов в этом случае: «*Медуза — что-то родное, а что — я не знаю*»; «*Ледокол — это самолет; нет, бьет рыбу*»; «*Бивень — не знаю... белый волк... медведь белый?..*»; «*Рассадник — это трава, наверное*» (указ. соч., с. 195).

Крайняя форма афазии, связанная с нарушением синтагматического мышления, выливается в речь, где полностью отсутствует синтаксико-морфологическая организация. «Так, передавая историю своего ранения, такие больные могли говорить: “*Вот... фронт... солдаты... поход... солдаты... стрелять... вот... голова... рана... и госпиталь... и вот...*” (указ. соч., с. 78). Мы видим, что такие больные владеют только первичной формой фразообразовательной деятельности — отбором лексем, тогда как вторичная и третичная формы этой деятельности, которые связаны с морфологизацией лексем и установлением синтаксических связей между ними, оказываются им недоступными.

10. Психолингвистика. Периодизация речевой деятельности говорящего

Предметом психолингвистики является язык, рассматриваемый со стороны его психических особенностей. Психолингвистика занимает междисциплинарное положение по отношению к психологии и лингвистике. Поскольку она занимается исследованием проблем, связанных с психическими аспектами речевой деятельности говорящего или слушающего, можно выделить в ней два раздела — психолингвистику говорящего и психолингвистику слушающего.

Истоки психолингвистики восходят в Европе к психологическому направлению в языкознании XIX в. Идейным вдохновителем этого направления стал выдающийся немецкий ученый Вильгельм фон Гумбольдт. Представители данного направления — Г. Штайнталь, М. Лацарус, А.А. Потенция и др. — исходили из положения В. Гумбольдта, ставшего широко известным, что язык является не продуктом деятельности, а самой деятельностью. «Психологи» стали рассматривать язык в динамике, в действии, как

речевую деятельность, стремясь к выявлению психических механизмов этой деятельности. Но шли они к этому различными путями. Мы можем выделить в рамках данного направления две ветви — народно-психологическую и индивидуально-психологическую. К первой из них относятся Гейман Штайнталь и Мориц Лацарус, главным представителем другой является Александр Афанасьевич Потенбя.

Г. Штайнталь и М. Лацарус задумали создать новую науку, которую они называли «психологией народов». Её назначение они видели в исследовании психических особенностей того или иного народа. Вот как об этом писал М. Лацарус: «Психология народов должна быть обоснована как наука о народном духе, т.е. как учение об элементах и законах духовной жизни народа. Она должна психологически познать сущность народного духа и его деятельность. Она должна открыть законы, по которым протекает внутренняя духовная деятельность народа, проявляющаяся в жизни, искусстве, науке...» (цит. по: *Чикобава А.С.* Проблема языка как предмета языкознания. — М., 1959. С. 22). Словом, психология народов замышлялась её основателями как наука о психическом своеобразии той или иной нации. А при чём же здесь язык?

«Язык, — указывал М. Лацарус, — орган выявления духа, рычаг его развертывания... Если язык индивида является выражением и мерилем его индивидуального духа, то язык народа... является выражением и мерилем духа народа» (там же, с. 23). Как видим, сам по себе язык основателей «психологии народов» мало интересовал. Они рассматривали его лишь как материал, служащий для исследования психических особенностей целого народа. Однако обратившись к изучению речевой деятельности, они, так сказать, застряли в ней. И тем самым способствовали зарождению психолингвистики.

Особенно много для зарождения психолингвистики сделал А.А. Потенбя. В книге «Мысль и язык» (1862) он не только затронул основные проблемы психолингвистики, но и сумел подойти ко многим из них с новых, оригинальных позиций. Отмечу здесь только две идеи А.А. Потенби. Они не утратили своего научного значения до сих пор.

1. *Идея о существовании невербального (бессловесного, безъязыкового) мышления.* А.А. Потенбя так писал по это-

му поводу: «Не следует... забывать, что умение думать по-человечески, но без слов, даётся только словом... Область языка далеко не совпадает с областью мысли. В середине человеческого развития мысль может быть связана со словом, но в начале — она, по-видимому, ещё не доросла до него...» (*Потебня А.А. Эстетика и поэтика. — М., 1976. С. 68*). В какой мере эта мысль актуальна? Все сходятся на том, что конкретно-образное мышление может осуществляться в невербальной форме, однако некоторые исследователи (например, В.З. Панфилов) настаивают на том, что абстрактно-понятийное мышление невозможно без помощи внутренней речи. Очевидно, А.А. Потебня был прав, утверждая, что любой тип мышления может протекать и вне языка.

2. *Идея об активном отношении языка к мышлению.* «Я указываю начинающему говорить ребёнку на круглый матовый колпак лампы и спрашиваю, — писал А.А. Потебня, — что это такое? Ребёнок много раз видел эту вещь, но не обращал на неё внимания... На мой вопрос он отвечает: “Арбузик”. Тут произошло познание посредством наименования» (*Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 1—2. — М., 1958. С. 17*). Иначе говоря, наименование вещи стимулирует её познание, поскольку её имя заставляет обращать внимание на некоторые существенные признаки данной вещи. Тем самым речевая деятельность способствует развитию мыслительной деятельности.

Книга А.А. Потебни, о которой идёт речь, к сожалению, не получила достойного резонанса в науке, хотя в 20—30-х годах её идеи развивал наш крупнейший психолог Л.С. Выготский (см. его книгу «Мышление и речь.» — М., 1934).

Современные представления о психических механизмах речевой деятельности связаны у нас с работами А.Р. Лурии, Ю.А. Сорокина, А.М. Шахнаровича, Е.Ф. Тарасова, Е.С. Кубряковой и др. Особенно много сделал для развития отечественной психолингвистики Алексей Алексеевич Леонтьев (1936—2004). Его первые труды по психолингвистике стали появляться ещё в 60-е годы прошлого века. На протяжении многих лет он был, пожалуй, самой

заметной фигурой в отечественной психолингвистике. Особого внимания заслуживают его «Основы психолингвистики» (М., 1999).

Среди психолингвистических работ других авторов назову здесь лишь некоторые:

1. *Горелов И.Н., Седов К.Ф.* Основы психолингвистики. — М., 1997.
2. *Залевская А.А.* Введение в психолингвистику. — М., 1999.
3. *Фрумкина Р.М.* Психолингвистика. — М., 2001.
4. *Белянин В.П.* Психолингвистика. 5-е изд. — М., 2008.

Психолингвистика говорящего изучает психические аспекты речевой деятельности говорящего. Эта деятельность может быть подразделена на три периода — период невербального (безъязыкового) мышления, период внутренней речи и период внешней речи. Рассмотрим вкратце каждый из этих периодов.

Период невербального мышления. Этот период заключается в первоначальном моделировании говорящим предмета речи, без помощи языка. О наличии этого периода в деятельности говорящего свидетельствовали такие разные люди, как А. Эйнштейн и Ф.М. Достоевский. Первый из них писал: «Слова языка, в той форме, в которой они пишутся или произносятся, не играют, как мне кажется, никакой роли в механизме моего мышления. Психические сущности, которые, по-видимому, служат элементами мысли, являются некими знаками или более или менее явными образами, которые могут “произвольно” воспроизводиться и комбинироваться... Упомянутые элементы существуют для меня в визуальной, а некоторые в двигательной форме. Конвенциональные слова или иные знаки тщательно подыскиваются уже на второй стадии, после того, как эта ассоциативная игра, о которой я говорил, приобретает достаточно устойчивый характер... На этой стадии, когда возникают слова, они, во всяком случае, у меня, возникают в звуковой форме, но это происходит, как я уже говорил, только на второй стадии» (*Слобин Д., Грин Д.* Психолингвистика. — М., 1976. С. 172 — 173).

Ф.М. Достоевский называл невербальный период художественного моделирования «делом поэта», а период вербального воссоздания художественной действительности — «делом ху-

дожника». Он писал: «Чтобы написать роман, надо запастись прежде всего одним или несколькими сильными впечатлениями, пережитыми сердцем автора действительно. В этом дело поэта. Из этого впечатления развивается тема, план, стройное целое. Тут дело уже художника...» (Литературное наследство. Т. 83. Неизданный Достоевский. — М., 1971. С. 64). Известно, что Ф.М. Достоевский начал писать роман «Преступление и наказание» в исповедальной форме, от лица главного героя, однако в дальнейшем он стал описывать то же содержание от третьего лица. Это свидетельствует о том, что в сознании художника первоначально представлена модель будущего произведения, которая ещё не оформлена с помощью слов. Иначе говоря, эта модель существует первоначально в чисто мыслительной форме. Только в дальнейшем она приобретает речевую форму. «Итак, — писал в связи с этим Л.С. Выготский, — течение и движение мысли не совпадают прямо и непосредственно с развёртыванием речи. Единицы мысли и единицы речи не совпадают. Один и другой процессы обнаруживают единство, но не тождество. Легче всего убедиться в этом в тех случаях, когда работа мысли оканчивается неудачно, когда оказывается, что мысль не пошла в слова, как говорил Достоевский, на деле мысль имеет особое строение и течение, переход от которой к строению и течению речи представляет большие трудности...» (Слобин Д., Грин Д. Указ. соч. С. 171).

Период внутренней речи. Внутренняя речь — это речь для себя. Её назначение состоит в первичном речевом оформлении мыслительной формы предмета речи. Благодаря внутренней речи этот предмет приобретает для говорящего более отчётливую форму, чем он имеет в первый период деятельности говорящего. Иначе говоря, благодаря внутренней речи контуры мыслительного представления о предмете речи становятся более определёнными, более ясными, более рельефными. В этом состоит познавательный эффект внутренней речи.

Нельзя согласиться с немецким философом XIX в. Рудольфом Лотце, который писал: «Имя не даёт ничего нового, никаких особенностей предмета... нам только кажется, будто мы не вполне знаем известный предмет, свойства которого мы уже исследовали, если не знаем его имени» (цит. по: *Потебня А.А.* Мысль и язык. 2-е изд. — Харьков, 1892. С. 124).

Внутренняя речь, а затем и внешняя, способствует конкретизации первоначально абстрактного представления о предмете речи. Не случайно еще И. Аделунг (2-я половина XVIII в.) говорил о «проясняющей» роли языка по отношению к «тёмным представлениям». Развивая эту идею И. Аделунга, В. Гумбольдт отмечал: «Человеку удаётся лучше и надежнее овладевать своими мыслями, облечь их в новые формы, сделать незаметными те оковы, которые налагает на быстроту и единство чистой мысли в своем движении вперед беспрестанно разделяющий и вновь объединяющий язык» (*Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию.* — М., 1984. С. 376). В этом состоит активная роль языка, взятого в его внутренне-речевой форме, по отношению к мышлению.

По своему виду внутренняя речь существенно отличается от внешней. Поскольку внутренняя речь не направлена на слушающего, она является неупорядоченной и сокращённой. В некоторых случаях, когда человек начинает размышлять вслух, он материализует внутреннюю речь, но от этого она не становится внешней речью как таковой. По своей природе она остается внутренней. Её главное своеобразие — аббревиатурность.

Ещё Л.С. Выготский пришёл к выводу, что внутренняя речь состоит главным образом из сказуемых. А.Р. Лурия уточнил: «Тема сообщения... уже включена во внутреннюю речь и не нуждается в специальном обозначении. Остается лишь вторая семантическая функция внутренней речи — обозначение того, что именно следует сказать о данной теме, что нового следует прибавить, какое именно действие следует выполнить и т.п. Эта сторона речи фигурирует в лингвистике под термином “рема”...» (*Лурия А.Р. Язык и сознание.* — М., 1979. С. 140). Иначе говоря, во внутренней речи главным образом фигурируют ремы, тогда как темы могут полностью отсутствовать. Более того, сокращению могут подвергаться (как бы проглатываться) и рематические элементы внутренней речи.

Период внешней речи. Внешняя речь обычно следует за внутренней. Это не значит, что последняя переводится в первую за счёт материализации и развёртывания внутриречевых аббревиатур. На самом деле внешняя речь достаточно автономна от внутренней. В определённых случаях внешняя речь предварительно планируется, что выражается прежде всего в продумывании последовательности данной формы речи. Кроме того, внешней речи,

как правило, предшествует активизация двух видов правил — общекоммуникативных и стилистических.

Общеконмуникативные правила распространяются на любые стилистические варианты текста, а стилистические, напротив, имеют отношение к определённым стилям языка. К числу важнейших общекоммуникативных правил относится осторожное отношение к своей речи, что нашло отражение во многих пословицах:

- 1) *Молчание — золото.*
- 2) *Слово — не воробей, вылетит — не поймаешь.*
- 3) *Все беды от языка.*
- 4) *Будешь следить за языком, он охранит тебя, распустишь — предаст.*
- 5) *Лучше хорошо молчать, чем плохо говорить.* И т.п.

На выбор стилистического варианта текста влияют три фактора:

- а) сфера культуры, в рамках которой осуществляется общение (религиозная, научная, эстетическая, этическая, политическая и т.д.). С каждой из этих сфер связан соответственный стиль языка;
- б) обстановка, в которой происходит общение (аудитория, улица, дом, природа и т.п.);
- в) отношение говорящего к слушающему (его биофизическим, психическим и культурным особенностям).

В центре внимания говорящего в процессе построения внешней речи как таковой находится предложение. А.И. Смирницкий писал: «Подлинным актом речи является предложение или цепь предложений. Именно поэтому предложение выделяется в качестве единицы речи, и при этом в качестве основной единицы речи. Что касается словосочетаний, то они представляют собой единицы особого порядка — единицы в строении речи, известные куски речи, но не речь как таковую» (*Смирницкий А.И.* Синтаксис английского языка. — М., 1957. С. 50).

Процесс создания предложения (фразы) называется фразообразованием. Он включает в себя три основные фазы — лексическую, морфологическую, синтаксическую. Первая из них состоит в

отборе лексем для создаваемого предложения, вторая — в переводе лексем в словоформы и третья — в установлении порядка слов и актуального членения в данном предложении.

11. Психолингвистика. Периодизация речевой деятельности слушающего

Психолингвистика слушающего изучает психические аспекты речевого понимания. Оно состоит, во-первых, в восприятии тех речевых единиц, которые слушающий получает от говорящего, а во-вторых, в соотнесении этих единиц с теми или иными внеязыковыми объектами. Процесс речевого понимания осуществляется в два периода — предварительный и основной. Его результатом является модель того предмета речи, который сначала был представлен лишь в сознании говорящего, а благодаря общению стал достоянием и слушающего.

Предварительный период речевой деятельности слушающего. Назначение этого периода — подготовка к пониманию чужой речи. От степени этой подготовки в какой-то мере зависит и степень речевого понимания. Эта подготовка состоит в активизации правил, связанных с эффективным пониманием чужой речи, которые делятся на общекоммуникативные и частнокоммуникативные. Последние связаны с определёнными видами речевых ситуаций, а первые имеют отношение к любой коммуникативной ситуации. Среди общекоммуникативных правил одно из ведущих — принцип осторожного отношения к чужому слову. Этот принцип нашёл отражение во многих пословицах:

- 1) *Сто человек — сто мнений.*
- 2) *Нет дров, которые не дымят, нет людей, которые не ошибаются.*
- 3) *Самый хороший учитель не без ошибок.*
- 4) *Один любит редьку, а другой — дыни.*
- 5) *Лиса знает сто сказок и все про курицу.*
- 6) *Человек спрятан за его словами, хочешь узнать человека, вслушайся в его речь.*

Последняя из пословиц о том, что о человеке можно судить не по тому, *что* он говорит, а по тому, *как* он говорит. Известный актер Михаил Чехов писал по этому поводу в книге «Путь актера»: «Я, например, вычитаю мыслительное содержание говорящего человека и слушаю не то, что он говорит, но исключительно, — как он говорит. Тут сразу выступает искренность и неискренность его речи. Больше того, становится ясным, для чего он говорит те или иные слова, какова цель его речи, истинная цель, которая зачастую не совпадает с содержанием высказываемых слов... Слово человека имеет смысл и звук. Слушайте смысл, и вы не узнаете человека. Слушайте звук, и вы узнаете человека» (цит. по: *Виноградов В.В.* О теории художественной речи. — М., 1971. С. 38).

Частнокоммуникативные правила для слушающего способствуют более глубокому пониманию чужой речи в конкретных речевых ситуациях. Они связаны, с одной стороны, с определёнными сферами общения (религиозной, научной, эстетической, этической, политической и т.д.) и с теми или иными местами, где происходит общение (церковь, лаборатория, театр и т.д.), а с другой — с различными характеристиками говорящего (его биофизическими, психическими и культурными особенностями). Отсюда, например, следует, что для более глубокого понимания произведений Ф.М. Достоевского необходимо знать стилистико-жанровое своеобразие того или иного его произведения, учитывать обстановку, в которой оно писалось, а также и читается, и особенности автора. Подобным образом обстоит дело с любым другим речевым произведением.

Основной период речевого понимания состоит в понимании чужого текста как таковом. Важно отметить, что этот текст служит лишь в качестве отправной точки в процессе его понимания. Степень его понимания зависит, во-первых, от того, какой информацией о предмете речи слушающий уже обладает, а во-вторых, от его коммуникативной активности в акте речевосприятия. Иначе говоря, степень понимания чужой речи зависит от того, что получателю речи уже известно о предмете речи, а также от того, сумеет ли слушающий вступить во внутренний диалог с говорящим. «Понимание созревает лишь в ответе, — писал М.М. Бахтин. — Понимание и ответ диалектически слиты и взаимообуславливают друг друга, одно без другого невозможно. Активное понимание, таким образом, приобщает понимаемое кругозору по-

нимающего, устанавливает ряд сложных взаимоотношений, созвучий и разнозвучий с понимаемым, обогащает его новыми моментами» (*Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. — М., 1975. С. 95).

В связи с тем что степень понимания чужой речи зависит от эрудиции и диалогической активности слушающего, сам текст можно уподобить лишь верхней части айсберга, тогда как объём нижней части этого айсберга можно сравнить с той информацией, которую слушающий способен извлечь из этого текста. Чем более он активен, тем значительнее нижняя часть айсберга, и наоборот.

12. Лингвистическое религиоведение. Мифологические представления о происхождении языка. Магическая функция языка

Лингвистическое религиоведение — первый раздел лингвистического культуроведения. Каждая из лингвокультурологических дисциплин находится на стыке между лингвистикой и культуроведением. Лингвистическое религиоведение, в частности, занимает промежуточное положение между языкознанием и религиоведением. Оно исследует проблемы, связанные с мифологическими представлениями о происхождении языка и его магической функции. Эти вопросы освещены в книге «История лингвистических учений. Древний мир» под ред. А.В. Десницкой и С.Д. Кацнельсона. (Л., 1985. — С. 9—10, 38—40, 68—69, 111—112 и др.).

В большинстве религий Бог предстает как создатель, демиург сначала вещей, а затем — их словесных обозначений. Таким, в частности, был Птах у древних египтян. Однако в Библии отражены иные представления о происхождении языка: древнееврейский Бог Яхве (Иегова, Саваоф) сначала создавал слова, а затем — вещи, которые они обозначают (вспомните: «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет»).

Бог создал только один язык, а как же объясняет Библия происхождение множества языков? Миф о вавилонском столпотворении повествует, что в древнем Вавилоне была предпринята попытка

ка построить башню, с которой можно было бы добраться до самого Бога. Разгневанный Бог смешал языки строителей этой башни. Тем самым он лишил их возможности понимать друг друга, а следовательно, и возможности продолжать строительство башни. С тех пор на Земле появилось множество языков.

Слабость мифологических объяснений языкового филогенеза состоит в том, что они исходят из чудотворных способностей Бога, однако и в мифах отражено сознание важнейшей роли языка в человеческой жизни. Об этом свидетельствует, в частности, миф о творении вавилонского столпа.

Прагматическая функция языка, рассматриваемая в отношении к сверхъестественным существам (демонам), выступает в религиозном сознании как магическая функция. В чистом виде эта функция представлена в заклинаниях. Благодаря им человек, установивший контакт со сверхъестественными существами, может совершать чудеса — исцелять неизлечимых больных, воскрешать мёртвых и т.д. Жрец (колдун, шаман и т.д.) преобразовывает мир без участия каких-либо материальных сил.

Магическая функция языка есть функция чудодейственная. Множество примеров её использования приведено в книге Д. Фрэзера «Золотая ветвь» (М., 1980). Вот лишь один из них. У малайцев существует следующее колдовство: «Берутся обрезки ногтей, волосы, ресницы или слюна намеченной жертвы так, чтобы была представлена каждая часть тела. Затем из воска, добытого в заброшенных пчелиных сотах, изготавливается кукла. В течение семи ночей она медленно сжигается под лампой со словами:

О, я не воск, не воск растапливаю тут,
А сжигаю печень, сердце и селезенку такого-то.

После седьмого раза куклу окончательно растапливают, и жертва “умирает”» (указ. соч., с. 23).

С магической точки зрения верующие воспринимают и молитвы. В какой-то мере молитва имеет действительный психологический эффект, поскольку она может настраивать верующего на терпение, на надежду, что его страдания не напрасны, что его враги будут наказаны и т.д. Чтобы это почувствовать, обратимся к такой, например, молитве: «Господи, услыши молитву мою, вонми молению моему во истине Твоей, услыши меня в правде Твоей и не входи в суд с рабом Твоим, ибо не оправдается пред Тобой ник-

то из живущих. Ибо теснит враг душу мою, втоптал в землю жизнь мою, вверг меня во тьму, как умерших в давние дни... Избавь меня от врагов моих, Господи! к тебе прибегаю. Научи меня творить волю Твою, ибо Ты — Бог мой...» (Новый мир. 1988. № 9. С. 239). Молитва основана на вере, что Бог поможет человеку быть на высоте самых строгих нравственных требований.

Как в заклинаниях, так и в молитвах человек устанавливает коммуникативную связь со сверхъестественными существами. Эти существа и должны совершать действия, желательные для этого человека. Во всех религиях они делятся на добрых и злых. Общение с последними всегда вызывало страх в народе. Людей, которые решались на такое общение, часто казнили (вспомним в связи с этим повесть А.И. Куприна «Олеся»).

К добрым божествам у славян относились Перун (бог грома и молнии), Сварог (бог солнца), Велес (бог животноводства), Стрибог (бог ветра), Мокошь (богиня любви и рукоделия), а к злым — Леший (дух леса), Водяной (дух воды), русалки, вурдалаки и тому подобная нечисть. Язычники считали, что она бралась из мертвяков, т.е. из людей, умерших неестественной смертью. Один старик рассказывал: «Як вмире чоловик своєю смертю, то иде або на небо, — в рай, або в пекло, до черта. А хто повиситься, або втопиться, той на небо неїде, а ходити собі по землі... Бо его Бог не клыче, то вин и ходити, поки не прыйде ему час...» (*Зеленин Д.К.* Очерки русской мифологии. — Пг., 1916. С. 5).

Согласно таким представлениям живут мертвяки во всех нечистых местах — болотах, трупобах и т.д. Все они на службе у чёрта, а некоторые дослуживаются до леших, водяных и т.п. «чинов». Один Леший рассказывал: «Я такой же человек, как и все люди, но на мне креста нет, я проклят, меня мать прокляла» (там же, с. 7). На службе у чертей находятся и русалки. Вот как о них рассказывал одесский протоиерей Соколов: «Особы женского пола. Ходят голые. Тело белое, как снег. Лицо светлое, как восходящая луна... Девочек и молодых женщин не любят, но мужчин с хохотом окружают, рвут одежды, пока совершенно не сделают голыми. Потом сзади хватают под мышки, щекотаньем приводят их в хохот и щекочут до тех пор, пока они не падают в обморок. Тогда, осыпая их поцелуями, берут на руки и невидимками приносят в дом и полагают на их постели, а женатого — к жене под бок» (там же, с. 116).

Общение с добрыми божествами, по некоторым представлениям, не признаётся предосудительным. Более того, оно поощряется. Каждый человек — в зависимости от конкретной ситуации — имеет полное право вступить в контакт с тем или иным богом. У древних греков была довольно подробно детализирована картина мира, отдельные фрагменты которой находились в ведении разных богов — Зевса (грома и молнии), Гелиоса (солнца), Посейдона (моря), Гефеста (огня), Гермеса (торговли), Ареса (войны), Фемиды (правосудия), Немезиды (возмездия), Мойры (судьбы), Афродиты (любви и красоты) и др. В трудную минуту художники и учёные советовались с Аполлоном, а врачи — с Асклепием. Общение с ними помогало древним грекам осваивать и преобразовывать мир.

13. Лингвистическое науковедение. Проблемы терминообразования и виды терминологических словарей

Лингвистическое науковедение изучает вопросы, связанные с отношением науки к языку. Оно находится на стыке между лингвистикой и науковедением. Последняя из этих наук зародилась сравнительно недавно (см.: *Кузнецова Н.И.* Наука и её история. — М., 1982; В поисках теории развития науки / Под ред. Микулинского С.Р. — М., 1982).

Науковедение имеет своим предметом науку как таковую. В указанных книгах очерчен целый круг проблем, которыми оно занимается. Главная из них — источники развития науки. Крупнейшие представители науковедения делают попытки по-своему ответить на эту проблему. К ним относят К. Поппера, Т. Куна, П. Фейерабенда и др. Интересы науковедения пересекаются с лингвистикой, когда начинают рассматриваться вопросы, связанные с терминами. Наибольшую известность у нас в этой области получили работы Валерии Петровны Даниленко: см. её книгу «Русская терминология» (М., 1977).

В.П. Даниленко определяет термин как «слово (или словосочетание) специальной сферы употребления, являющееся наименованием специального понятия и требующее дефиниции» (указ. соч., с. 15). Что касается слова «терминология», то его употребляют главным образом в двух смыслах: 1) под терминологией по-

нимают совокупность, систему терминов и 2) науку о терминах. Остановимся теперь на двух группах вопросов — связанных с созданием новых терминов и имеющих отношение к классификации терминов, к построению терминосистем.

При создании новых терминов используются различные способы словообразования — как собственно словообразовательные (префиксация, суффиксация и т.п.), так и несобственно словообразовательные (лексический, морфологический и синтаксический). Активную роль в образовании новых терминов играют суффиксы *-тель* (*ускоритель, рыхлитель, блокодержатель* и т.п.), *-чик/щик* (*тральщик, трубоукладчик, самоукладчик* и др.). Среди префиксов в терминообразовании широко используются как исконные (*предкамера, надсистема, противоток* и т.п.), так и заимствованные (*антиген, контррельс, ультрамикроскоп* и др.). Довольно активно в терминообразовании пользуются префиксо-суффиксацией (*антигриппин, антиокислитель, противозагрязнитель* и т.п.) и словосложением (*электромобиль, ракетодром, рентгенометр, кусторез, видеофон* и т.д.).

Лексический способ терминообразования состоит в употреблении тех или иных слов в переносном значении (*башмак, собачка, ерш, червяк* и т.п. термины, используемые в технике). Частое использование обычных слов в терминологическом значении способствует стиранию метафоричности или метонимийности. Так, мы по существу не осознаем этимологического значения у терминов *звонкий, глухой, твердый* и *мягкий* в применении их к разным видам согласных звуков.

В каждой научной области используется своя система терминов. Описание терминосистем обычно производится в специальных алфавитных словарях. На русском языке имеются такие словари, как «Краткая философская энциклопедия» (под ред. Е.Ф. Губского. — М., 1994), «Основные биологические понятия и термины» Н.Ф. Реймерса (М., 1988) «Краткий словарь системы психологических понятий» К.К. Платонова (М., 1984), «Мифологический словарь» (под ред. Е.М. Мелетинского. — М., 1992), «Культурология. Энциклопедический словарь» К.М. Хоруженко. (Ростов-на-Дону, 1997). Систематизация статей в подобных словарях проводится с позиций получателя речи, т.е. на семасиологической основе. Она может производиться и на ономасиологической основе, т.е. с позиций отправителя речи.

Специальные ономаσιологические (идеографические) словари до сих пор не получили распространения. Однако общезыковые идеографические словари во многих странах уже имеются. Лексический состав языка в таких словарях систематизируется в соответствии с определённой «картиной мира». С «картинами мира», лежащими в основе идеографических словарей Х. Касареса, М. Молинера, Ф. Дорнзайфа, Р. Халлига и В. Вартбурга, вы можете познакомиться по книгам В.В. Морковкина «Идеографические словари» (М., 1970) и Ю.Н. Караулова «Общая и русская идеография» (М., 1976). На мой взгляд, самой удачной является «картина мира», из которой исходил в своём идеографическом словаре немецкого языка Франц Дорнзайф (1-е изд. — 1934 г.). Вот основные рубрики этой «картины»:

1. Неорганический мир. Вещества.
2. Растительный и животный мир. Человек как физическая сущность.
3. Пространство. Положение в пространстве. Форма.
4. Величина. Масса. Число. Степень.
5. Существование. Отношение. Причинность.
6. Время.
7. Свет. Цвет. Звук. Температура. Вес. Состояние. Обоняние. Вкус.
8. Движение.
9. Желания и поступки.
10. Ощущения.
11. Чувства. Аффекты. Черты характера.
12. Мышление.
13. Знаки. Сообщение. Язык.
14. Письменность. Знание (наука).
15. Искусство и общественные отношения.
16. Инструменты. Техника.
17. Хозяйство.
18. Право. Этика.
19. Религия. Сверхъестественное.

В основе данной картины мира лежит эволюция неорганической материи в органическую, на базе которой развивалась психика, позволившая человечеству создать культуру. Правда, Ф. Дорнзайф вклинил внутрь своей идеографической схемы философскую лексику (3—6). Логичнее её поставить на первое место. Исходя из последовательного применения эволюционного принципа к систематизации терминов, мы можем представить картину мира следующим образом:

1. Универсальное (время, пространство, часть, целое, общее, индивидуальное и т.д.).
2. Физическая природа (земля, горы, реки и т.д.).
3. Жизнь (растения, животные и люди как биологические объекты).
4. Психика.
5. Культура (религия, наука, искусство, нравственность, политика, язык, пища, одежда, жилище, техника).

Термины, отражающие указанные группы явлений, составляют глобальную терминосистему, в состав которой входят частные терминосистемы. Значение идеографического словаря терминов невозможно переоценить. Дело в том, что такой словарь — самый экономный способ представления энциклопедического мировоззрения.

14. Лингвистическое искусствоведение. Языковые принципы реалистов и модернистов. Лингвоэстетическая теория М.М. Бахтина

Лингвистическое искусствоведение изучает вопросы, связанные с отношением искусства к языку. Оно занимает смежное положение между лингвистикой и искусствоведением в целом, но в особенности одним из его разделов — литературоведением.

Междисциплинарное положение лингвистического искусствоведения мешало формированию этого раздела внешней лингвистики в относительно самостоятельную науку. Его проблемы решались в рамках поэтики, стилистики и других филологических дисциплин. Неопределённость дисциплинарного статуса лингвис-

тического искусствоведения приводит к затруднениям, связанным с осмыслением его задач. Попытку выделить лингвистическое искусствоведение в особую науку предпринимал в свое время В.В. Виноградов. Однако и у него (см. его книгу «О языке художественной литературы». — М., 1959) предмет этой науки не выведен с достаточной отчётливостью.

Наибольших успехов в области лингвистического искусствоведения достиг М.М. Бахтин (см. его книги: «Проблемы поэтики Достоевского». — М., 1979; «Вопросы литературы и эстетики». — М., 1975; «Эстетика словесного творчества». — М., 1979). Опираясь на эти работы, мы можем сформулировать назначение лингвистического искусствоведения следующим образом: оно состоит в исследовании проблем, связанных с отношением к языку художественной литературы как со стороны отдельных писателей, так и со стороны различных литературных направлений (классицизма, романтизма, символизма и т.д.).

В качестве материала в лингвистическом искусствоведении выступают в первую очередь художественные произведения как таковые и лишь во вторую очередь суждения их авторов о языке художественных произведений. Эти суждения имеют лишь косвенное отношение к лингвистическому искусствоведению, поскольку его основная цель — выявление языковых принципов, из которых исходил тот или иной автор при написании своего произведения. Языковые принципы в конечном счёте объединяют художников слова в те или иные направления.

Остановимся здесь лишь на сопоставлении лингвоэстетических взглядов реалистов и модернистов. Основное различие между реалистами и модернистами состоит в том, что первые исходят из приоритета содержания художественного произведения над его формой (языком), тогда как другие отдают предпочтение форме художественного произведения перед его содержанием. Так, великий реалист Лев Толстой, по свидетельству В.Ф. Лазурского, даже у А.А. Фета усматривал издержки формализма. Прочитав вслух стихотворение

Говорили в древнем Риме.
Что в горах, в пещере темной
Богонравная Сивилла,
Вечно юная, живет,
Что ей все открыли боги,

Что в груди чужой сокрыто,
Что таит небесный свод.
Только избранным доступно
Хоть не самую богиню,
А священное жилище
Чародейки созерцать...
В ясном зеркале ты можешь,
Взор в глаза свои вперяя.
Ту богиню увидеть.
Неподвижна и безмолвна,
Для тебя единой зрима
На пороге чёрной двери, —
На неё тогда смотри!
Но, когда заслышишь песню,
Вдохновенную тобою, —
Эту дверь мне отопри!

Лев Николаевич спросил: «Ну, что это? Не понимаю, почему чёрная дверь, а не пунцовая? А ну, кто поймет, тому двугривенный дам» (Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников. М., 1960. Т. 2. С. 5).

Л. Толстой был готов отказать стихотворной речи в праве на существование. «Стихов не понимаю и не люблю, — говорил он; — это ребусы, к которым нужно давать разъяснения» (там же). Подобное отношение к поэзии писатель связывал с её формальными ограничениями, которые мешают передавать то или иное содержание. Л. Толстой говорил об «Анчаре» А.С. Пушкина: «По этому прекрасному стихотворению видно, как поэты связаны рифмой. Слово “*лыки*” понадобилось для рифмы к “*владыки*”, а какие лыки могут быть в пустыне?..» (там же).

Модернистов не пугает бессодержательность художественного произведения. В идеале они стремятся к абсолютизации художественного слова как такового. Так, футуристы А. Кручёных и В. Хлебников писали в 1913 г.: «До нас речетворцы слишком много разбирались в человеческой душе... Нет! Пусть же лучше проживут словом как таковым, а не собой» (цит. по: *Виноградов В.В.* О языке художественной литературы. — М., 1959. С. 116).

По части создания формалистических шедевров А. Кручёных, очевидно, превзошел всех своих собратьев-модернистов. Реализуя свои лингвоэстетические взгляды, он создал стихотворение «Глухонемой»:

Муломнгу улва
Глумов кул
Амул ягул валгу
За-ла-е
У гул волгала гыр
Марча.

Более содержателен Игорь Северянин. Он был мастером словосложения. Вот только некоторые примеры созданных им сложных слов: *женоклуб, грезифарс, электроробот, луносон, горлоспазмы, бронзольвы, сребротоны, белороза, бичелучье, цветоплеть, ветропросвист.*

В основе лингвоэстетической теории М.М. Бахтина лежит учение о двух принципах — монологизме (монофонизме) и диалогизме (полифонизме) художественного слова. Художник, который отдает предпочтение первому из этих принципов, видит в слове одностороннюю сущность, а именно — лишь средство выразить ту или иную мысль или то или иное чувство. Он не учитывает диалогического компонента художественного слова, т.е. не предполагает в нем ответ слушающего. Монологизм в конечном счёте игнорирует «равноправность сознаний в отношении к истине» (*Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. — М., 1979. С. 309.*)

Монологическое слово односторонне. Особенность художественного произведения, в котором на ведущее положение выдвигается монологический (или монофонический) принцип, состоит в том, что голос автора в нём в конечном счёте заглушает голоса его героев, поскольку автор в этом случае возвышается над своими героями как в интеллектуальном, так и в нравственном отношении. Он знает больше своих героев и лучше их. «Монологизм, — пишет М.М. Бахтин, — в пределе отрицает наличие вне себя другого равноправного и ответно-равноправного сознания, другого равноправного “Я” (ты). При монологическом подходе (в предельном или чистом виде) *другой* всецело остается только *объектом* сознания, а не другим сознанием. От него не ждут такого ответа, который мог бы все изменить в мире моего сознания. Монолог завершён и глух к чужому ответу, не ждет его и не признает за ним решающей силы. Монолог обходится без другого и потому в какой-то мере овеществляет всю действительность (т.е. относится и к человеку как к неодушевленной вещи. — *В.Д.*). Монолог претендует быть последним словом» (там же. с. 318).

Монологический тип отношения к художественному слову преобладал в истории литературы. Более того, этот тип занимает господствующее положение в мировой литературе до сих пор, хотя ещё у Ф.М. Достоевского был реализован диалогический (полифонический) принцип отношения к языку. Он видел в художественном слове двустороннюю сущность, т.е. усматривал в нём средство, с помощью которого говорящий не только что-либо выражает, но и предполагает в нём возможный ответ слушающего. Подобным образом художник-полифонист относится и к своему слову в произведении, за которым стоит его собственная точка зрения. Она выступает в полифоническом произведении как одна из точек зрения, равноправная с точками зрения его героев.

М.М. Бахтин писал: «В его (Ф.М. Достоевского. — В.Д.) произведениях появляется герой, голос которого построен так, как строится голос самого автора в романе обычного типа. Слово героя о себе самом и о мире так же полновесно, как обычное авторское слово; оно не подчинено объектному образу героя как одна из его характеристик, но и не служит рупором авторского голоса. Ему принадлежит исключительная самостоятельность; в структуре произведения оно звучит как бы рядом с авторским словом и особым образом сочетается с ним и с полноценными же голосами других героев» (*Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского.* — М., 1979. С. 7).

Автор полифонического произведения относится к своим героям как к равным. Не возвышается над ними ни в интеллектуальном, ни в нравственном отношении. Он признает самоценность любой точки зрения на мир. Вот почему М.М. Бахтин считал Ф.М. Достоевского «бескорыстным художником, который ничего не берёт от мира». И далее: «Такого последовательного антигедонизма нигде больше не найти» (*Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества.* — М., 1979. С. 311).

15. Лингвоэтика.

Основные признаки языковой нормы

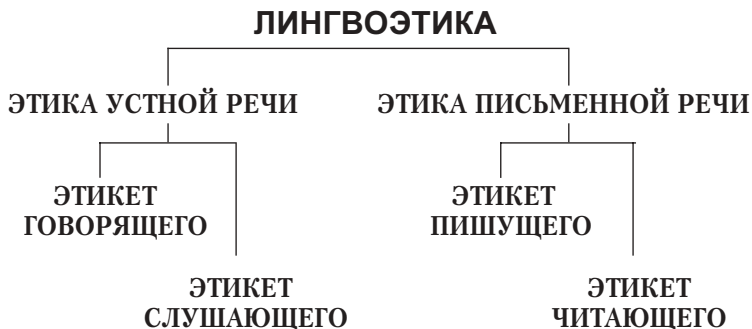
Лингвоэтика (культура речи) изучает проблемы, связанные с отношением этики к языку. Этика — наука о правильном, нормативном, нравственном отношении человека к действительности.

Эта наука имеет очень долгую историю (см.: Гусейнов А.А., Иррилиц Г. Краткая история этики. — М., 1987).

В зависимости от того, по отношению к какому виду объектов рассматривают правильное обращение, различают разные этические дисциплины. Одним из разделов этики является экология, она связана с изучением правильного обращения с природой. Лингвоэтика — наука о правильном обращении с языком. В понятие правильности вообще входит целый комплекс норм, с помощью которых человек должен регулировать свои отношения с миром. При этом под нормой понимают такой способ обращения с тем или иным предметом, который приносит наибольший общественный эффект. Скажем, правильным, нормативным является такое обращение рабочего со станком, которое позволяет ему изготавливать максимальное количество деталей.

Важнейшее значение в жизни общества имеет внутренняя этика, занимающаяся вопросами нравственного отношения человека к человеку. Доброта, любовь здесь есть главная норма. Она составляет основу общественной нравственности. Вот почему я считаю лучшим учением о нравственности учение Л.Н. Толстого, которое главным образом изложено в дневниках великого писателя и учителя. В основе его этики — категория доброго отношения человека к человеку. «Смешно писать такую всем известную истину в конце жизни, — писал Л.Н. Толстой в 1907 г., — а истина эта для меня, как я её теперь понимаю, скорее, чувствую, представляется совершенно новой. Истина эта в том, что надо всех любить и всю жизнь строить так, чтобы можно было всех любить» (Толстой Л.Н. Собр. Соч.: В 20 т. Т. 20. — М., 1965. С. 261).

Дисциплинарную структуру лингвистической этики мы можем представить следующим образом:

Каждый из указанных разделов лингвоэтики изучает соответственные речевые нормы — для говорящего, для слушающего, для пишущего и для читающего. Орфографические и пунктуационные правила относятся к правилам для пишущего, следовательно, они входят в этикет пишущего. А правила, связанные с логичностью, точностью, выразительностью речи относятся к этике устной речи. И т.д.

Лингвоэтика (или нормативная лингвистика) очень долго не отграничивалась от внутренней лингвистики. Вплоть до XVIII—XIX вв. грамматика определялась как искусство правильно пользоваться языком. В XIX—XX вв., прежде всего под влиянием сравнительно-исторического языкознания, произошло отграничение нормативной лингвистики от описательной (внутренней). Следует, однако, отметить, что некоторые разделы лингвоэтики развивались более или менее самостоятельно с древних времен. Это относится к этикету говорящего (риторике) и этикету пишущего (орфографии и пунктуации).

Если культура письменной речи постоянно преподавалась в школе, то культура устной речи стала возрождаться лишь в последнее время. На филологических факультетах в 80-х годах XX столетия начали читать в обязательном порядке культуру устной речи. В связи с этим появились учебники Б.Н. Головина и Л.Н. Скворцова «Основы культуры речи» (М., 1980) и «Теоретические основы культуры речи» (М., 1980).

Среди новых учебников по культуре русской речи назову здесь лишь некоторые:

1. *Голуб И.Б.* Русский язык и культура речи. — М., 2005.
2. *Ипполитова Н.А.* Русский язык и культура речи. — М., 2006.
3. *Дунев А.И.* Русский язык и культура речи. — М., 2007.
4. Культура русской речи: Учебник для вузов / Под ред. Л.К. Граудиной, Е.Н. Ширяева. — М., 2008.

В центре внимания лингвоэтики находятся языковые нормы, т.е. такие варианты языковых форм, которые признаются правильными для данного языка, взятого в определённый период его существования. Важными для языковой нормы считаются свойства устойчивости (традиционности), вариативности и изменчивости. Рассмотрим их в отдельности.

Устойчивость языковой нормы состоит в регулярной воспроизводимости того или иного варианта, который признаётся в языке в определённый период времени за правильный (нормативный, образцовый). Этим вариантом обычно становится такая языковая форма, которая употребляется большинством говорящих на данном языке.

Лингвисты, занимающиеся узакониванием тех или иных норм языка, не могут не считаться со степенью распространённости кодифицируемых языковых форм. В противном случае их нормативным установлениям никто не будет следовать. Они могут поставить себя в положение императора Павла I, который высочайше повелел стражу называть караулом, отряд — деташементом, исполнение — экзекуцией, объявление — публикацией, а действие — акцией.

Ориентация языковедов, устанавливающих языковые нормы, на устойчивость тех или иных языковых вариантов не означает, что все носители языка в культурно-речевом плане абсолютно равны. Люди, обладающие низкой речевой культурой, конечно, могут создавать образцы ненормативной, а не литературной речи. Может ли претендовать, например, на положение образцовой речи абиитуриентов в таких отрывках из их сочинений?

1. *«Бюрократизм — это такое явление у людей, потому что эти люди заменяют свое дело словами».*
2. *«Маяковский не мечтал о галифе, он мечтал о Родине. Поэтому в стихотворении “О дряни” он создал портрет Маркса и канарейки».*
3. *«А если человек будет одинок, то какая от него польза обществу? Что будет от него потом, когда он подрастет, выучится и станет инженером? Задача коллектива состоит в том, чтобы уберечь людей от такого одиночества. На различных предприятиях и учреждениях есть и развивается самодеятельность. Нужно создавать большую сеть кружков, спортивных комплексов, нужно понимать человека и помочь ему в трудную минуту».*

Понятно, что кодификаторы языковых норм ориентируются в своей деятельности на речь лингвистически образованных людей и прежде всего — на речь выдающихся художников слова. «Ка-

рамзин сам был грамматика, — писал в связи с этим В.Г. Белинский. — Пушкин тоже стоит любой из ваших грамматик» (цит. по: *Скворцов Л.Н.* Теоретические основы культуры речи. — М., 1980. С. 4). На месте Карамзина и Пушкина могут стоять и другие выдающиеся писатели. Например, И.А. Бунин. Не относится ли к литературно-языковым образцам, например, такой отрывок из его «Позднего часа»: «А потом ты проводила меня до калитки, и я сказал: “Если есть будущая жизнь и мы встретимся в ней, я встану там на колени и поцелую твои ноги за все, что ты дала мне на земле”».

Вариативность языковой нормы состоит в неединственности того или иного варианта, с помощью которого выражается определённое содержание. Нормативно-языковая вариативность существует на всех уровнях языка. Приведу некоторые примеры:

- фонетическая (*снег* — [с']нег; дожд']и — до[ж']и; *творог* — *творог*);
- словообразовательная (*львовцы* — *львовяне* — *львовчане*; *полтавцы* — *полтавчане*);
- лексическая (*кино* — *кинематограф*; *лингвистика* — *языкознание*);
- морфологическая (*тракторы* — *трактора*; *в отпуске* — *в отпуску*);
- синтаксическая (*замечания по адресу* — *замечания в адрес*; *ехать поездом* — *ехать в / на поезде*).

Нормативно-языковую вариативность не следует смешивать с аномально-языковой вариативностью, при которой один из вариантов не признается нормативным. Это относится в русском языке к различным акцентологическим вариантам слов *договор*, *квартил*, *обеспечение*, *цыган* и т.п.

Наличие в языке нормативной вариативности позволяет ему со временем менять свои нормы. Изменчивость языковой нормы состоит в том, что в определённый период времени некоторые нелитературные языковые варианты могут становиться литературными и наоборот. Изменчивости языковых норм способствуют два закона, действующие в языке, — закон экономии и закон аналогии.

Закон экономии языковых средств состоит в стремлении говорящих сокращать речевую избыточность. Зачем иметь несколько

языковых вариантов для выражения одного и того же содержания? В начале XX в. в русском языке существовала литературно-языковая вариативность между словами *самолёт* и *аэроплан*. В результате действия закона экономии победил первый вариант. О мощности данного закона свидетельствуют наблюдения американского лингвиста Д. Ципфа. По его подсчётам, современный английский сохранил из древнеанглийского языка 50% односложных слов, 20% — двусложных, 3% — трехсложных и лишь 1% — четырёхсложных. Эти данные убедительно показывают, что говорящие стремятся сохранять в языке в первую очередь более экономные языковые средства.

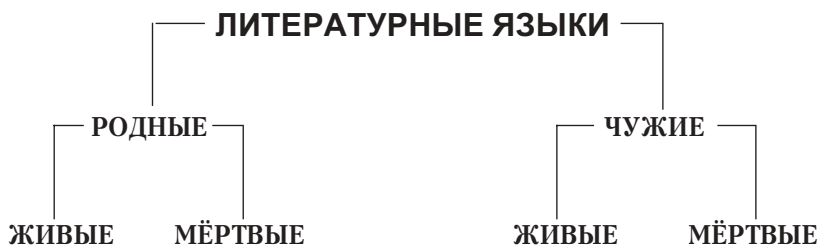
Изменение языковых норм происходит также и в результате действия закона языковой аналогии. Он состоит в том, что нелитературные языковые варианты могут переходить в литературные и наоборот по аналогии. Поясню это на следующем примере. В академическом словаре 1847 г. слова *аккомпанировать*, *блокировать*, *буксировать*, *копировать*, *рецензировать*, *форсировать* и т.п. приведены с ударением на последнем слоге (на *-Ать*). Ударение *-Ирывать* расценивалось, в отличие от современного русского языка, как ненормативное. Данные глаголы приобрели современное литературное звучание по аналогии с другими глаголами, которые имели литературное ударение на *-Ирывать* (*абстрагировать*, *автоматизировать*, *администрировать*, *агитировать*, *аргументировать* и т.п.).

Закон экономии языковых средств и закон языковой аналогии могут вступать в союз друг с другом. Известно, например, что в праславянском языке действовал закон открытого слога. Благодаря действию этого закона слова в праславянском стали короче за счёт утраты согласных на конце слогов. Можно предположить, что открытие слогов в праславянском было вызвано, с одной стороны, стремлением говорящих к экономии языковых средств, а с другой, это происходило по аналогии с другими открытыми слогами в этом языке.

16. Типология литературных языков

Литературный язык — та часть национального языка, которая представляет собою результат культурно-речевой обработки наци-

онального языка в целом. Существуют разные типы литературных языков. Прежде всего они подразделяются на родные и чужие, которые, в свою очередь, делятся на живые и мёртвые. Покажем это на такой схеме:

Рассмотрим каждый из этих типов литературных языков в отдельности.

- 1. Живые и родные.** Данный тип литературного языка возникает в результате культурно-речевой обработки живых и родных национальных языков. В качестве образца при этом может выступать либо устный язык, либо письменный.

Создание литературного языка, ориентированного на устную речь, может производиться либо на базе диалекта, либо на основе смеси диалектов (койне). Примером литературного языка первой разновидности является эрзянский (один из мордовских) литературный язык. По инициативе Д.В. Бубриха он был создан на базе диалекта села Козловки. Примеров литературного языка, создававшегося на базе койне, значительно больше. Это и восточно-славянский литературный язык (который создавался на базе киевского койне), это и древнерусский литературный язык (который создавался на основе московского койне), это и японский литературный язык (который создавался на базе койне города Эдо) и т.д.

Литературных языков, ориентированных на письменную форму национального языка, еще больше. Сюда относятся современные языки Западной Европы — французский, немецкий и др. Сюда же можно отнести и современный русский литературный язык.

2. **Мёртвые и родные.** К данному типу литературного языка относятся те языки, литературная обработка которых осуществлялась на базе родного, но, к периоду их создания, мёртвого языка. Приведу некоторые примеры таких литературных языков:
- вэньян в Китае, который служил литературным языком до недавнего времени, хотя живым этот язык был в VIII—XII вв.;
 - санскрит в Индии, который считается одним из литературных языков и в настоящее время. Он был живым ещё в I тысячелетии до н.э.;
 - бунго в Японии был живым в XIII—XIV вв. В качестве литературного языка использовался в недавнем прошлом;
 - грабар в Армении являлся литературным языком вплоть до XIX в., хотя живым он был в древности;
 - иврит в Израиле. Это возрождаемый древнееврейский язык — язык Библии.
3. **Живые и чужие.** Сюда относятся те литературные языки, которые могут рассматриваться как наследие колониального прошлого в странах Африки и Азии. В качестве литературного языка в Уганде, Кении, Танзании, Индии до сих пор используется английский, а в Заире, Камеруне и Мали — французский.
4. **Мёртвые и чужие.** К этому, последнему, типу литературного языка относятся те литературные языки, которые были для данного народа в данный период времени и чужими, и мёртвыми. Яркий пример этого типа литературного языка — латынь в западноевропейских странах в Средние века. Национальные языки в этих странах стали приобретать статус литературных лишь в эпоху Возрождения. Так, латынь была отменена Франциском I в 1539 г. В качестве литературного языка у южных и восточных славян в Средние века использовался старославянский язык, который был для них также мёртвым и чужим. Правда, сами славяне, по мнению Б.А. Успенского, не воспринимали его как неродной язык.

17. Лингвистическая политология. Виды языковой политики

Лингвистическая политология исследует вопросы, связанные с отношением политики к языку. Она находится на стыке науки о языке и науки о политике.

Что такое политика? Её можно определить как деятельность, которая направлена на защиту интересов тех или иных социальных групп, классов. Этой деятельностью занимаются в первую очередь политические партии и органы власти. Науку о политике у нас сравнительно недавно стали называть политологией. Она относится к числу древнейших, однако и до сих пор её, как правило, рассматривают как одну из философских дисциплин. Очевидно, её следует расценивать как относительно самостоятельную культурологическую дисциплину: политика — важнейший компонент культуры. Языковая политика — часть политики в целом.

Языковую политику обычно рассматривают в рамках так называемой социолингвистики (см.: *Белл Р.* Социолингвистика. — М., 1980; *Швейцер А.Д., Никольский Л.Б.* Введение в социолингвистику. — М., 1978). Однако предметная область социолингвистики чрезвычайно неопределённа. В неё включают не только лингвистическую политологию, но также лингвостилистику, лингвотехнику, диалектологию и т.п. (см.: *Дешериев Ю.Д.* Социальная лингвистика. — М., 1977, где в состав социолингвистики включены такие дисциплины, как проспективная социолингвистика, планирование языкового развития, ретроспективная социолингвистика, прикладная социолингвистика, интерлингвистика и др.). Обычно утверждается, что предмет социолингвистики — отношение «язык — общество», но что такое общество? Это слишком широкое понятие, в которое входят различные социумы, занимающиеся созданием материальных и духовных культурных ценностей. Если под социолингвистикой в таком случае понимать науку об отношении общества к языку, то эта наука сольется с лингвистической культурологией.

Нельзя расширять предметную область лингвокультурологии (социолингвистики) за счёт сужения аналогичной области внутренней лингвистики. Так, не следует, на мой взгляд, относить ко внешнелингвистическим дисциплинам диалектологию. Это внутрилингвистическая наука, поскольку диалекты входят в нацио-

нальный язык, а предмет внутренней лингвистики не может быть ограничен только литературным языком.

Виды языковой политики можно представить в следующей схеме:

Внешняя языковая политика связана с взаимоотношениями между различными государствами. Она существует в двух крайних формах — пуристической и антипуристической. Пуристы резко возражают против заимствований из других языков, а их противники, напротив, считают, что от заимствований любой язык всегда выигрывает, поскольку становится богаче. Пуристы, как правило, исходят из патриотических соображений, а антипуристы — из космополитических. В определённые периоды исторического развития борьба между пуристами и их противниками принимает очень острые формы. Таким был период начала XIX в. в России.

Пуристическую языковую политику в это время направлял Александр Семёнович Шишков (1754—1841). Он ориентировал развитие русского языка в сторону его исконных истоков, которые он видел в старославянском языке (см. его «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка», 1803). Исходя из данной установки, он перевёл на русский язык «Слово о полку Игореве» (1805).

В полемику с шишковцами вступили карамзинисты. Последние опирались на антипуристические установки Николая Михайловича Карамзина (1766—1826), отразившиеся в его повестях и в «Письмах русского путешественника». Сам Н.М. Карамзин внял критике шишковцев и при переиздании «Писем» в начале XIX в. отказался от многих заимствований, заменив их исконно русскими словами. Очевидна крайность позиций как пуристов, так и антипуристов. Истина находится посередине между ними.

Внутренняя языковая политика проводится в пределах одного и того же государства. Она также может осуществляться в антагонистической и неантагонистической формах. Первая из них характеризуется выдвиганием на положение государственного языка, удобного господствующему меньшинству, а другая, напротив, проводит языковую политику в интересах общественного большинства. Рассмотрим каждую из этих форм внутренней языковой политики на конкретных примерах.

Антагонистическую языковую политику проводили англичане в колониальной Индии. Еще в начале XVIII в. английские миссионеры христианства открыли ряд школ для индийцев, где обучение велось на английском языке. Это позволило британцам в дальнейшем распространять свой язык среди коренного населения Индии с помощью самого этого населения. Английский постепенно становился языком привилегированных индийцев. Как только распространенность английского стала более или менее достаточной, англичане объявили свой язык государственным языком Индии. Это случилось в 1835 г.

Приблизительно 100 лет понадобилось англичанам для огосударствления своего языка в Ост-Индской компании (колониальное название Индии). Каким же было отношение колониальных властей к языкам коренного населения этой страны? «Если английский в колониальной Индии, — пишет П.А. Баранников, — выступал прежде всего как язык правителей страны, если ему была открыта зелёная улица для заполнения все новых сфер общения подчинённого общества, то положение языков подчинённых народов было отнюдь не столь благоприятным. Они находились на положении пасынков, которым не дозволено проникать в ряд ответственных областей, они были лишены государственной поддержки, более того, представители колониальных властей по существу проводили политику языковой дискриминации...» (Баранников П.А. Проблемы хинди как национального языка. — Л., 1972. С. 140).

В 1947 г. Индия стала независимой. Английский язык, тем не менее, и до сих пор является одним из государственных языков в стране, хотя это язык бывших поработителей. Самым серьезным конкурентом английского языка в современной Индии является хинди. Однако английский до сих пор имеет превосходство над хинди. В чем тут дело? К государственному языку предъявляют

прежде всего два требования — во-первых, он должен иметь количественное превосходство над другими языками, а во-вторых, он должен и в качественном отношении превосходить другие, т.е. иметь богатую научную терминологию, художественную литературу и т.д. Именно по второму критерию хинди уступает английскому, хотя в количественном отношении превосходит его.

Примером неантагонистической формы внутренней языковой политики может служить политика, которую проводили в СССР в 20-е и 30-е годы. Несмотря на некоторые издержки, эта политика в целом была гуманной. В самом деле, русский язык стал в СССР языком межнационального общения не потому, что на этот счёт было принято соответствующее правительственное постановление (его не было). Он стал им потому, что на нём говорило большинство населения нашей страны. Кроме того, это язык высокой культуры. По отношению же к другим языкам проводилась политика «языкового строительства», под которым понималось создание графики для бесписьменных народов и усовершенствование имеющегося письма.

После 1917 г. в нашей стране, по данным М.И. Исаева (см. его книгу «О языках народов СССР». — М., 1978), письменность имели только 20 языков из 130. При этом 16 народов из названных 20 (узбеки, татары, казахи, азербайджанцы, таджики и др.) пользовались арабской графикой, которая проигрывает перед латиницей и кириллицей прежде всего из-за обилия диакритических знаков. Эти 16 народов сначала перешли на латиницу, а затем на кириллицу. Последняя замена связана с тем, что кириллица была ближе к русской азбуке, которую изучали в школе. Для народов, которые не имели своей письменности совсем, были созданы новые алфавиты. Со временем некоторые малочисленные народы утратили свою письменность (алеуты, ительмены, орочи, саамы, удэгейцы и др.). Их письменным языком стал русский.

На рубеже 80-х и 90-х годов мы наблюдали обострение проблем, связанных с языковой политикой в некоторых республиках — Литве, Эстонии, Молдавии и др. Это было с беспокойством воспринято и за пределами данных республик. Дело в том, что судьба некоторых национальных языков в СССР оказалась под угрозой их вытеснения русским. Вот почему многие республики поставили вопрос о принятии их национальных языков в качестве государственных. В Эстонии, Молдавии и других республиках были при-

няты соответственные законы. Это вызвало протест со стороны русскоязычного населения. В Молдавии дело дошло до забастовок. Очевидно, наиболее оптимальной является концепция двух государственных языков в нерусскоязычных территориальных образованиях — коренного и русского.

18. Лингвостилистика. Культурологический подход к решению проблемы языковых стилей

Лингвостилистика — наука о языковых стилях. Она занимает особое положение среди лингвокультурологических дисциплин. Это связано с тем, что изучение языковых стилей производится в контакте с религиоведением, искусствоведением, науковедением, этикой, политологией и другими культурологическими науками, поскольку любой языковой стиль принадлежит той или иной сфере культуры. В задачу лингвостилистики входит изучение стилистических особенностей религиозного, научного, художественного и т.п. общения.

Изучением стилистических особенностей языка занимались еще в Античности (Цицерон, Квинтилиан и др.). Античные истоки имеет и ломоносовская теория трех «штилей». В относительно самостоятельную науку лингвостилистика выделилась в начале XX в. Ведущую роль в этом сыграли работы К. Фосслера, Ш. Балли, Я. Мукаржовского и др.

Становление русской лингвостилистики связывают в первую очередь с работами В.В. Виноградова (см.: *Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика.* — М., 1963). Вот как определял он предметную область стилистики: «Стилистика общенародного национального языка охватывает все стороны языка (лексику, грамматику, фонетику), но рассматривает языковые явления не как внутренне связанные элементы целостной языковой структуры, но лишь с точки зрения функциональной дифференциации, соотношения и взаимодействия соотносительных синонимических средств выражения однородного значения, а также с точки зрения их связи с отдельными нормами речевого общения» (цит. по: *Кожина М.Н.* *Стилистика русского языка.* — М., 1977. С. 13).

В виноградовском определении предмета стилистики особого внимания заслуживает мысль о том, что стилистические особенности выявляются при описании средств выражения однородного содержания. Иными словами, что одно и то же содержание может выражаться в разных сферах общения (религиозной, научной, художественной и т.д.) с помощью различных стилистических средств. Такой подход к лингвостилистике можно определить как ономазиологический (от содержания к языку) и сравнительный. Современные представления о лингвостилистике отражены в работах М.Н. Кожинной, О.А. Крыловой, А.Н. Васильевой и других ученых. В центре внимания лингвостилистики находится проблема классификации языковых стилей и их описания.

М.Н. Кожина выделяет научный, официально-деловой, публицистический, художественный и разговорно-бытовой стили языка. У О.А. Крыловой же выделено только четыре языковых стиля — научный, официальный, газетно-публицистический и разговорно-бытовой. Другие исследователи дают свой перечень языковых стилей, который в чём-то совпадает с другими, а в чём-то от них отличается. Так, М.М. Михайлов выделяет следующие стили языка — разговорный, художественный, научный, публицистический, официально-деловой, парадно-риторический и судебный, В.П. Мурат — разговорно-литературный, поэтический, газетно-политический, официально-деловой, научный, профессионально-технический и просторечно-фамильярный.

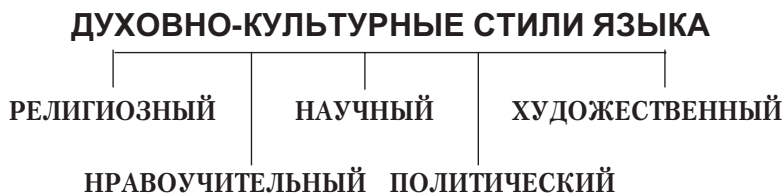
В связи с этим следует отметить, что со времён В.В. Виноградова лингвостилистика активно развивалась. В.В. Виноградов ещё не исходил в своих работах из какого-то чёткого списка языковых стилей. При анализе пушкинского «Медного всадника», в частности, он говорил о таких стилях, как «высокий славяно-русский эпический стиль», стиль, содержащий «скромную обиходно-бытовую образную направленность», стиль «непринужденно-разговорного слегка иронического сказа», стиль авторского повествования с атмосферой литературных ассоциаций, иронический стиль автора по отношению к социальному генезису героя и др. Состав стилей при этом не определялся строго, на единой классификационной основе.

В настоящее время говорят об определённом, ограниченном числе языковых стилей. В этом состоит заслуга послевиноградовской стилистики. Кроме того, по поводу тех классификаций, кото-

рые были приведены выше, можно сказать, что все они стихийно основаны на культурологической точке зрения, однако следуют ей не до конца последовательно. Суть культурологического подхода к классификации языковых стилей, культурологической точки зрения на проблему языковых стилей состоит в том, что в этом случае классифицируют языковые стили вслед за выделением основных компонентов культуры. Правомерность такого подхода естественна — в каждой сфере культуры используется свой языковой стиль.

Мы можем подразделить все стили языка прежде всего на две группы — материально-культурные и духовно-культурные. Первая из этих групп по существу не изучается, хотя в 30-е годы у нас предпринимались попытки их исследования (см.: *Иванов А., Якубинский Л.* Очерки по языку. — М., 1932. С. 85—123, где речь идёт о «языке крестьянства» и «языке пролетариата»; *Жирмунский В.* Национальный язык и социальные диалекты. — Л., 1936). В этой группе мы могли бы выделить, по крайней мере, стиль работников сельского хозяйства и стиль работников городской промышленности.

Классификацию духовно-культурных стилей языка можно изобразить схемой:

Каждый из этих стилей базируется на соответственной сфере культуры — религии, науке, искусстве слова, нравственности и политике. В связи с тем, что каждая сфера культуры внутренне дифференцирована, мы можем выделять те или иные подстили, или разновидности определенного стиля языка. Так, в рамках политического стиля можно выделить официально-деловой, публицистический и судебный подстили, а в рамках художественного стиля — поэтический, прозаический и драматический подстили. Кроме того, в пределах отдельных стилей могут выделяться их книжные и разговорные варианты. Так, в аудиториях лекторы

пользуются разговорным вариантом научного стиля языка, а в книгах, статьях и т.д. — книжным.

В рамках лингвостилистики могут быть выделены следующие дисциплины:

Синхроническая лингвостилистика исследует тот или иной стиль языка, взятый в определённый период времени. Диахроническая лингвостилистика изучает отдельный стиль языка в его истории. Сравнительно-историческая лингвостилистика занимается реконструкцией стилистико-жанровой структуры языка того или иного периода его развития. Наконец, сравнительно-типологическая лингвостилистика производит сравнение языковых стилей друг с другом, как они существуют в определённый период времени.

В настоящее время изучены главным образом в синхроническом плане научный, художественный и политический стили языка. Рассмотрим два первых в сопоставительном аспекте.

19. Сопоставительный анализ научного и художественного стилей языка

Любой языковой стиль можно изучать на всех уровнях языка — начиная со звукового и кончая текстуальным. На всех уровнях языковые стили могут и сравниваться. Мы попытаемся это показать на примере сравнения научного стиля языка с художественным на двух уровнях — текстуальном и лексическом.

Текстуальный уровень. Научный и художественный тексты противостоят друг другу прежде всего по степени субъективности.

В научном тексте она меньше, а в художественном — больше. «Конечно, — пишет А.Н. Васильева, — в действительности субъект (т.е. автор научного текста. — *В.Д.*) обычно не может абстрагироваться от всех несущественных в плане научной коммуникации черт своей личности, но принцип такого устранения является нормой (научного. — *В.Д.*) стиля» (*Васильева А.Н. Курс лекций по стилистике русского языка. — М., 1976. С. 22*). В отличие от учёного писателя, напротив, «во всяком художественном оформлении», по словам Н. Гартмана, «изображает прежде всего самого себя» (цит. по: *Соколов А.Н. Теория стиля. — М., 1968. С. 149*).

«Образ автора» В.В. Виноградов считал главным признаком стиля художественной речи. В подтверждение этому он приводил следующие слова Л.Н. Толстого: «Люди, мало чуткие к искусству, думают часто, что художественное произведение составляет одно целое, потому что в нём действуют одни и те же лица, потому что все построено на одной завязке или описывается жизнь одного человека. Это несправедливо. Это только так кажется поверхностному наблюдателю: цемент, который связывает всякое художественное произведение в одно целое и оттого производит иллюзию отражения жизни, есть не единство лиц и положений, а единство самобытного нравственного отношения автора к предмету... Что бы ни изображал художник: святых, разбойников, царей, лакеев, — мы ищем и видим только душу самого художника» (цит. по: *Виноградов В.В. О теории художественной речи. — М., 1971. С. 181*).

Степень присутствия автора и в художественном тексте может быть неодинаковой, хотя в любом случае художественный текст субъективнее научного. Это связано с тем, что художник воссоздает в своих произведениях не реальную, а художественную действительность. Художник, тем не менее, может создавать иллюзию своего полного отсутствия в произведении, абсолютной объективности, беспристрастности по отношению к изображаемому. К написанию совершенно «объективного» романа стремился Н.Г. Чернышевский, замышляя роман «Перл создания». Он хотел (цитирую самого Н.Г. Чернышевского) «написать роман чисто объективный, в котором не было бы никакого следа не только моих личных отношений, — даже никакого следа моих личных симпатий. В русской литературе нет ни одного такого романа.

“Онегин”, “Герой нашего времени” — вещи прямо субъективные; в “Мёртвых душах” нет личного портрета автора или портретов его знакомых, но также внесены личные симпатия автора, в них-то и сила впечатления, производимая этим романом. Мои действующие лица очень различны по выражению... Думайте о каждом лице, как хотите: каждое говорит за себя: “на вашей стороне полное право”, — судите об этих сталкивающихся притязаниях. Я не сужу. Эти лица хвалят друг друга, порицают друг друга, — мне нет дела до этого» (цит. по: *Виноградов В.В.* Язык художественной литературы. — М., 1958. С. 142). Н.Г. Чернышевский не реализовал своего замысла, однако подобный тип романа сумел создать Ф.М. Достоевский. Это полифонический (диалогический) тип, в отличие от монофонического (монологического) романа он позволяет свести до минимума степень авторского присутствия в художественном тексте.

Лексический уровень. Первое: научное слово абстрактнее художественного в связи с тем, что наука главным образом типизирует за счёт абстракций от индивидуальных признаков исследуемых объектов, тогда как художник типизирует с помощью указания на индивидуальные особенности изображаемых явлений. Так, в биологии речь идёт не о конкретных растениях или животных, а об их видах. А в художественных произведениях изображаются конкретные герои, конкретные обстоятельства. Только некоторым людям выпадает честь стать предметом научного исследования не только со стороны их видовых особенностей, но и индивидуальных черт (сюда относятся различные исторические личности).

Второе: в научном тексте реже, чем в художественном, используются слова в переносном значении. Иначе говоря, метафор и метонимий в художественных произведениях употребляется намного больше, чем в научных исследованиях. Для подтверждения этого приведу лишь один отрывок из стихотворения А.С. Пушкина, в котором нет ни одной строчки без метафоры:

И забываю мир — и в **сладкой** тишине
Я **сладко усыплен** моим воображеньем,
И **пробуждается** поэзия во мне:
Душа **стесняется** лирическим волненьем,
Трепещет и звучит, и ищет, как во сне,
Излиться наконец свободным проявленьем —
И тут ко мне идет незримый **рой гостей**,
Знакомцы давние, **плоды** мечты моей.

А можно взять любой отрывок из научного текста и проверить, много ли там метафор? Например: «Центральной категорией стилевой индивидуализации художественного текста является “образ автора” — центр художественного произведения, выражающий отношение автора к событиям, составляющим содержание текста, к идейному содержанию текста и проявляющийся в композиционном строении произведения, выборе языковых средств в соответствии с эстетическими канонами художественного текста» (Ю.В. Рождественский). Вопрос о метафорах становится риторическим. Никакого сравнения с художественной речью в этом отношении быть не может. Более того, в художественных текстах мы часто встречаемся с индивидуально-авторскими, окказиональными метафорами, тогда как в научных исследованиях они употребляются крайне редко. В научных метафорах связь с прямым значением обычно полностью утрачивается, в результате чего слова с переносным значением становятся деэтимологизированными. Так, мы уже не осознаем переносность таких лингвистических терминов, как *глухой звук*, *мягкий знак*, или таких биологических терминов, как *хрусталик глаза*, *стенки сосудов* и т.п.

Третье: отличие художественного стиля языка от научного состоит также и в том, что в этих стилях представлены разные виды специальной лексики. В художественной речи используются поэтизмы, а в научной — термины. Разумеется, в определённых случаях и писатели вводят в свои произведения те или иные термины, однако это делается не с научными, а с художественными намерениями. Можно сказать, что термины под пером писателя или поэта начинают выполнять не научные, художественные задачи. Мы имеем дело здесь со стилистической транспозицией, когда стилистические средства одного рода используются в функции другого. Так, в «Спутниках» В. Пановой использовано 50 медицинских терминов (*ампутация*, *наркоз*, *процедура* и т.п.), цель которых — воссоздать атмосферу военного госпиталя в данном произведении, но не более того.

Поэтические слова могут иногда употребляться в научных текстах, однако в них они явно утрачивают свою художественную прелесть. Так, если поэтизмы *перси* и *ланиты* перенести в учебник старославянского языка, то они обесцветятся как поэтические

слова, зато в контексте художественного произведения их поэтичность не вызывает сомнений. Возьмите, например, пушкинское: *«...и перси, полные томленья», «Дианы грудь, ланиты Флоры прелестны, милые друзья, но ножка милой Терпсихоры прелестней чем-то для меня».*

20. Лингвотехника. Типология технически опосредованной речи

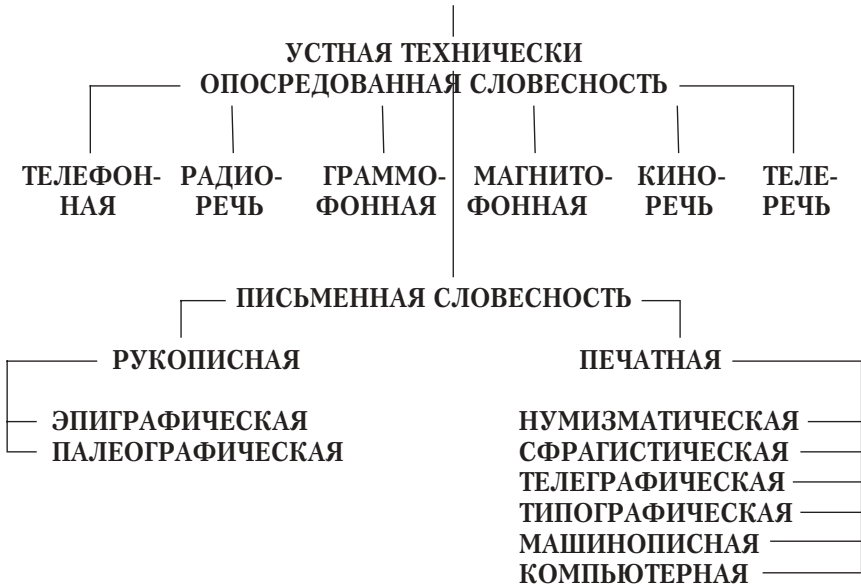
Лингвотехника изучает вопросы, связанные с отношением техники к языку. Дело в том, что в достаточно большом числе случаев речевое общение опосредуется теми или иными техническими средствами. В качестве таких средств могут использоваться ручки и авторучки, телефоны и магнитофоны, проигрыватели и телевизоры.

В задачу лингвотехники входит систематизация и описание различных вариантов языка, связанных с использованием тех или иных технических средств. Эти варианты могут быть названы техническими. Совокупность же их составляет техническую структуру языка.

Как единая наука лингвотехника в настоящее время лишь формируется. Первая попытка системного изложения лингвотехники была предпринята Ю.В. Рождественским в книге «Введение в общую филологию» (М., 1979). Что же касается отдельных технических вариантов языка, то изучение их велось многими исследователями. Так, изучению письменной речи посвящены книги С.А. Рейсера «Палеография и текстология Нового времени» (М., 1970) и И. Фридриха «История письма» (М., 1979). Ещё раньше вышла книга В.А. Истрина «Развитие письма» (М., 1961). История книжной письменности описана в работе И.Е. Баренбаума «История книги» (М., 1984). В сборнике статей московских авторов «Предмет семиотики» под ред. М.В. Алексева. (М., 1975) вы можете найти описание различных вариантов устной технически опосредованной речи.

Техническая структура современных языков может быть представлена схемой:

ТЕХНИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЯЗЫКА

Техническая речь существует в устной и письменной формах. В устную технически опосредованную словесность входят прежде всего четыре разновидности — телефонная, радиотрансляционная, граммофонная и магнитофонная. Сюда же примыкает кино- и телеречь, однако данные виды речи имеют отношение и к письменной речи, поскольку в кино и на телевидении используется также и письмо.

Письменная словесность подразделяется на рукописную и печатную. Каждая из них состоит из нескольких разновидностей. Рукописная словесность подразделяется на эпиграфическую и палеографическую. Разница между ними состоит в том, что первая осуществляется на неписчих материалах, а другая — на писчих. В печатную речь входит шесть видов технической словесности — нумизматическая (на монетах), сфрагистическая (на печатях), телеграфическая, типографическая, машинописная и компьютерная. С каждым из указанных видов технической речи связан соответственный раздел лингвотехники.

По новейшим научным данным, эпиграфическая словесность появилась у древних шумеров ещё в IV—III тысячелетиях до н.э.

Шумеры создали клинописное письмо. Несколько позднее в Древнем Египте было создано иероглифическое письмо. Самым древним памятником египетской эпиграфики является Палермский камень. На нём описаны события 1-й половины III тысячелетия до н.э. «Плита была с обеих сторон разграфлена как бухгалтерская ведомость. Прежде всего обе стороны плиты были разделены на несколько продольных полос — ярусов, или рядов, между которыми были оставлены равные промежутки (так сказать, «междурядья»). Каждый ряд был разделён вертикальными линиями на прямоугольники, в которые записывались данные» (Хрестоматия по истории древнего Востока. — М., 1963. С. 15). Текст данного памятника приведён в упомянутой хрестоматии на стр. 16—24. Вот фрагмент из этого текста (расшифровка древнеегипетской иероглифики была осуществлена ещё в 1822 г. французским учёным Ф. Шампильоном):

В царствование царя Снефру: «(Рождение) двух детей царя. Постройка из дерева меру (сорт хвойного растения. — *В. Д.*) — судна «Слава Обоих Земель» в 100 локтей и 60 царских ладей о 16 (веслах?)...

Приведение 7000 пленных, 200 000 (голов) крупного и мелкого скота» (там же., с. 19).

Египетская эпиграфика осуществлялась не только на камнях, но также и на стенах храмов, гробниц и т.п. неписчих материалах. В качестве такого материала у древних китайцев использовались панцири черепах и кости животных. Эпиграфические надписи широко используются и сейчас. «Сфера современной эпиграфики, — пишет Ю.В. Рождественский, — чрезвычайно многообразна, — это таблицы с указанием остановок транспорта, надписи, регулирующие движение транспорта и пешеходов, вывески с названием учреждений, предприятий, магазинов и т.д. В домах практически все предметы быта помечены теми или иными товарными знаками, содержащими надписи; вся производственная и бытовая техника несёт на себе надписи и схемы, содержащие описания конструкций и правил пользования этой техникой» (*Рождественский Ю.В.* Введение в общую филологию. — М., 1979. С. 52).

Палеографическая словесность осуществляется на материалах, которые специально создаются для письма и с помощью тех или иных орудий ручного письма. В качестве писчих материалов использовались грифельные доски, восковые таблицы, береста, па-

пирус, пергамент и т.д. Бумага была изобретена китайцами во II в. В качестве орудий письма применялись черы, металлические писалы, тростниковые калямы, птичьи перья, ручки и т.д. Благодаря палеографической письменности до нашего времени дошли бесценные памятники древней литературы.

Главными очагами рукописной литературы стали страны Востока (Иран, Индия, Китай) и Средиземноморья (Греция, Рим и т.д.). Древнейшим памятником религиозной письменности Ирана является «Авеста», записанная Зороастром (Заратустрой) в VI в. до н.э. «Авеста» — основа зороастризма (авестизма, маздаизма, огнепоклонства). В этой религии чётко проводится граница между добром и злом. Верховным богом добра является Ахура-Мазда (Ормузд), а богом зла — Ангра-Майнью (Ариман). Всё доброе в мире связывалось с Ормуздом, а злое — с Ариманом. Так, покойники считались порождением зла, поэтому их не хоронили, а бросали на съедение животным.

Древнейшим памятником рукописной литературы Индии являются «Веды». Это основа индуизма, который был оформлен письменно к VI в. до н.э. Он включает индуистскую мифологию («Ригведу» и «Самоведу») и индуистскую обрядологию («Яджурведу» и «Атхарваведу»). «Веды» служили источником для зарождения древнеиндийской научной и художественной литературы. Одной из философских школ в Индии была Йога, создателем которой считается Гаутама (Будда), личность которого в дальнейшем обожествили. Учение Будды представляет собою главным образом глубокую этическую теорию. Об этой теории можно судить по «Дхаммападе» — одной из частей буддийского канона «Трипитаки» (Трёх корзин). Вот некоторые высказывания Будды из «Дхаммапады»:

1. *«Старо это присловье, о Атула, и в ходу оно не только в наше время: они порицают сидящего спокойно, они порицают многоречивого, и того, кто говорит в меру, порицают они».*
2. *«Если странствующий не встретит подобного себе или лучшего, пусть укрепитя он в одиночестве: с глупцами не бывает дружбы».*
3. *«И не было, и не будет, и теперь нет человека, который достоин только порицаний или только похвалы».*

4. *«Сдержанность зрения — хороша. Сдержанность слуха — хороша. Сдержанность обоняния — хороша. Сдержанность языка — хороша. Сдержанность тела — хороша. Сдержанность мысли — хороша. Сдержанность во всем хороша».*
5. *«Я называю брахманом того, кто среди взволнованных остается невзволнованным, среди поднимающих палку — спокойным, среди привязанных к миру — свободным от привязанностей».*
6. *«Но трудно жить тому, кто скромн, кто всегда ищет чистое, кто беспристрастен, хладнокровен, прозорлив, чья жизнь чиста».*

Древнюю китайскую рукописную литературу принято делить на доконфуцианскую («И-цзин» — Книга перемен, «Ши-цзин» — Книга песен и др.) и конфуцианскую, основу которой составляют высказывания Конфуция («Учитесь так, будто вы боитесь потерять знания»; «Не делай людям того, чего не желаешь себе»; «Я часто целые дни не ем и целые ночи не сплю, — все думаю. Но от этого нет пользы. Лучше учиться»; «Осторожный человек редко ошибается»).

Широкой известностью пользуется древнегреческая рукописная художественная и философская литература. Среди философских школ древней Греции выделяют ионийцев (Фалеса, Анаксимандра, Анаксимена, Гераклита), пифагорейцев (Пифагора, Алкмеона, Филолая), элейцев (Парменида, Зенона, Эмпедокла, Анаксагора), софистов (Протагора, Левкиппа, Демокрита), Платона, Аристотеля и стоиков (Клеанфа, Хрисиппа).

К древнейшим техническим вариантам языка относятся надписи на монетах, изучаемые нумизматикой, и надписи на печатях, изучаемые сфрагистикой. Последние используются с целью подтверждения подлинности того или иного документа, а первые указывают на меру стоимости, дату и место изготовления той или иной монеты.

Среди оставшихся разновидностей печатной речи центральное положение занимает типографическая словесность, поскольку от неё производны телеграфическая и машинописная речь. Если с созданием эпиграфической и палеографической словесности связана первая лингвотехническая революция, то с развитием типографи-

ческой словесности — вторая. Она произошла благодаря изобретению печатного станка в VII—VIII вв. Печатный станок позволил тиражировать один и тот же текст в большом числе экземпляров. Типографическая словесность в дальнейшем стала развиваться в двух формах — литературной и журналистской. Разница между ними состоит в степени оперативности: журналистика призвана реагировать на злобу дня.

В связи с развитием различных форм письменной речи появились её особые институты — почта, канцелярия и библиотека. Назначение этих институтов состоит в передаче, получении и хранении письменных текстов.

Третью революцию в техническом оснащении речевого общения следует связывать с изобретением тех технических средств, которые опосредуют устную речь. Сюда относятся те виды технической речи, которые существуют благодаря изобретению телефона, радио, проигрывателя, магнитофона, киноустановки, телевизора. Первенцем лингвотехники является телефон. Он был изобретён в США Грэмом Беллом в 1876 г. Через 12-метровый проводник он сообщил своему помощнику в соседнюю комнату: «Идите сюда, мистер Уотсон, вы мне нужны». Эта обычная фраза получила известность. Телевидение — порождение лингвотехнической революции в области устной речи. Достоинство телевидения перед другими лингвотехническими средствами состоит в том, что по телевизору могут передаваться на огромные расстояния и звуковые, и визуальные сообщения. Лингвотехническая революция продолжается. Так, во всём мире стремительно развивается видеотехника.

Благодаря созданию широкой сети лингвотехнических средств в современном обществе, как ни странно, возникла проблема информационной перенасыщенности. К сожалению, средства массовой информации далеко не всегда обладают действительно ценной информацией, хотя в разные периоды в жизни общества это и бывает по-разному. Академик Н.И. Конрад писал: «Вы знаете, что уже не раз на различных международных форумах говорили об опасности, таящейся в современной системе массовых коммуникаций — системе, образуемой радио, телевидением, кинопередачами, массовой газетной и журнальной печатью... Все мы в той или иной степени охвачены этими коммуникациями, находимся в их власти. Например, меня может совсем не интересовать, как некая звезда

фигурного катания метет своей взбитой шевелюрой лёд на катке в Любляне или в Вене, но я всё-таки смотрю: действует гипноз телевизора. И что удивительней всего — я даже начинаю привыкать к этому гипнозу» (цит. по: Предмет семиотики / Под ред. М.В. Алексеева. — М., 1975. С. 21).

21. Лингвокибернетика. Классификация лингвокибернетических машин

Лингвокибернетика — наука, исследующая вопросы, связанные с отношением кибернетики к языку. Она занимает смежное положение между лингвистикой и кибернетикой. Возникновение последней связывают с появлением книги американского математика Норберта Винера «Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине» (1948). Довольно быстро кибернетика завоевала прочное место в ряду других наук. Её можно сравнить, как ни странно, с растениеводством и животноводством. В самом деле, эти науки связаны с выведением новых сортов растений и новых пород животных. Кибернетика же связана с созданием компьютеров, которые в конечном счёте представляют собою технические аналоги человека.

Между растениеводством и животноводством, с одной стороны, и кибернетикой, с другой, имеется существенная разница. Она состоит в том, что кибернетика «выводит» искусственных людей (роботов) на материале физической материи, тогда как новые растения и животные выводятся на основе скрещивания живых растений и животных. Между прочим, в прошлом существовала «наука», которая стремилась выводить новые породы людей (!) на естественной основе. Её назвали евгеникой. Кибернетика — физическая евгеника, т.е. наука о создании искусственных людей на физической основе.

Создание искусственного человека предполагает моделирование искусственного интеллекта. Как только это было осознано, появилась потребность в соединении кибернетики с лингвистикой, поскольку искусственный интеллект представляет собою кибернетическую модель человеческого мышления, а оно осуществляется с помощью языка. Соединение усилий лингвистов и кибернетиков

произошло приблизительно к концу 50-х годов. С этого момента перед лингвокибернетикой стоят две основные задачи:

- 1) создание программно-поисковых языков;
- 2) инженерное воплощение этих языков в принадлежность компьютера.

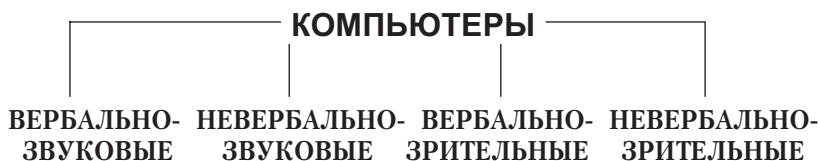
В качестве основы для создания первых программно-поисковых языков в начале 60-х годов пытались использовать генеративную (порождающую) грамматику американского лингвиста Н. Хомского. Эта грамматика была сориентирована не столько на деятельность человека, сколько на операции машины. Иначе говоря, в её основе лежало уподобление говорящего компьютеру. Вот как любил выражаться автор этой грамматики: «Предположим, мы имеем машину, способную принимать одно из конечного числа различных внутренних состояний, и пусть эта машина при переходе из одного состояния в другое вырабатывает определённый символ (скажем, английское слово)... Всякий язык, который может быть порождён такого рода машиной, мы назовём языком с конечным числом состояний; самую машину мы можем назвать грамматикой с конечным числом состояний» (Новое в лингвистике. Вып. 2. — М., 1962. С. 422—423).

Под влиянием генеративной грамматики А.В. Гладкий и И.А. Мельчук написали книгу «Элементы математической лингвистики» (М., 1967), в которой делалась попытка приспособить грамматику Н. Хомского к кибернетическим целям. Но эта попытка не имела успеха — генеративная грамматика оказалась не по плечу первым компьютерам. Инженерное воплощение в 60-х годах нашли более элементарные программно-поисковые языки — «Пусто-непусто», «Кристалл», «Бит» и т.п.

Первые практические успехи лингвокибернетики позволили создать кафедры прикладной и математической лингвистики при некоторых университетах (у нас — при Московском и Ленинградском). Появились работы по математической лингвистике. Наибольшую известность приобрела книга Р.Г. Пиотровского, К.Б. Бектаева, А.А. Пиотровского «Математическая лингвистика». В ней предпринята попытка математического описания языка. Свойства языка описываются в математических терминах. Но математическая терминология была выработана главным образом на материале изучения физических объектов. Вот почему язык как

объект культурологический в целом не поддается математической интерпретации. В настоящее время математические методы используются в языкознании в ограниченной мере. Дело также и в том, что математический аппарат сам по себе ещё не даёт возможности приращивать лингвистические знания. Он лишь перелагает на математический язык уже имеющиеся знания в этой области.

Каковы виды лингвокибернетических машин? Мы можем разделить компьютеры на четыре типа:

Рассмотрим каждый из этих типов лингвокибернетических машин в отдельности.

Вербально-звуковые компьютеры. Машины этого типа являются аналогами говорящего человека — в них используются программно-поисковые языки в словесной (вербальной) и звуковой (устной) формах. Примером такого рода компьютеров может служить машина «Программар», описанная в книге американского учёного Терри Винограда «Программа, понимающая естественный язык» (М., 1976). Эта машина в состоянии вести диалог с программистом и выполнять некоторые простые операции. Приведу отрывок из диалога данного компьютера с программистом в переводе с английского:

- *Подними большой красный кубик.*
- *О'кэй (Действует).*
- *Возьми пирамиду.*
- *Я не понимаю, какую пирамиду вы имеете в виду.*
- *Найди кубик, который находится выше, чем тот, что ты держишь, и поставь его в ящик (Система действует).*
- *Что содержится в ящике?*
- *Голубая пирамида и голубой кубик.*
- *Зачем ты освободил этот кубик?*
- *Чтобы поставить его на большой зеленый куб...*
- *Зачем ты это сделал?*
- *Потому что вы просили меня об этом.*

Как видим, «Программар» подобен ребёнку лет 4–5. В настоящее время компьютеры повзрослели.

Невербально-звуковые компьютеры. Данный тип лингвокибернетических машин использует «язык» в звуковой, но невербальной форме. Сюда относятся музыкальные компьютеры. Среди них есть и свои композиторы, и свои исполнители, и свои музыковеды. Разумеется, сочиняют, исполняют и анализируют музыку эти компьютеры по программам, составленным человеком.

Вербально-зрительные компьютеры. Сюда относятся машины, способные переводить текст с одного языка на другой. Первый машинный перевод был осуществлен в США в 1954 г. (с русского на английский). В следующем году в СССР был произведен обратный перевод. В настоящее время машине доступны переводы достаточно больших технических текстов, однако художественные тексты ей оказываются не под силу. В чем дело? Основные трудности здесь связаны с омонимией и полисемией. Приведу в связи с этим такой пример. Президент Эйзенхауэр дал машине для перевода на русский английскую поговорку *Out of sight, out of mind* «С глаз долой, из сердца вон». Машина выдала: «Невидимый идиом». Поговорку *The spirit is willing, but the flesh is weak* «Дух силен, а плоть слаба» машина перевела: «Водка держится хорошо, а мясо испортилось».

Невербально-зрительные компьютеры. Сюда относятся машины, которые используют зрительные символы. Эти символы, с одной стороны, представляют собою условные математические знаки, а с другой — сокращения слов. Такие символы используются в языках Бейсик, ФОРТРАН и т.п. Например, в Бейсике используются символы INPUT — оператор ввода с клавиатуры, FOR — оператор цикла, который позволяет машине выполнять определённые операции заданное число раз. Каждая машина этого типа предполагает работу с программистом, который задает машине программу, а затем в контакт с нею могут вступать другие люди — они должны выполнять требования, заложенные в программе. Этими людьми могут быть, например, учащиеся.

Все современные лингвокибернетические устройства являются программными. Это значит, что они могут хранить, перерабатывать и выдавать информацию, которую в них вложил программист. Иначе говоря, современные компьютеры не могут создавать новой информации, увеличивать знания. Оптимистически настро-

енные кибернетики, тем не менее, считают, что в будущем могут быть созданы познающие компьютеры. К ним относится А.В. Тимофеев. Он писал: «Говоря об интеллекте роботов, вряд ли можно сомневаться в том, что источником многих понятий и представлений для них послужил окружающий мир. Но, однажды постигнутые, эти понятия и представления... могут начать развиваться и совершенно независимо (от человека. — В.Д.)» (Тимофеев А.В. Роботы и искусственный интеллект. — М., 1978. С. 27).

22. Лингвистическая гносеология. Общегносеологическая структура языкознания

Если лингвистическая онтология направлена на изучение языка как такового, то лингвистическая гносеология изучает способы познания языка. Иначе её можно назвать теорией познания языка. В нашей литературе в этом случае обычно говорят о «методах лингвистических исследований» (см. один из сборников московских авторов, вышедших под общим названием «Общее языкознание» под редакцией Б.А. Серебренникова в Москве в 1973 г.). Лингвогносеологическим проблемам посвящены следующие книги:

1. *Философские основы зарубежных направлений в языкознании* / Под ред. В.З. Панфилова. — М., 1977.
2. *Будагов Р.А.* Борьба идей и направлений в языкознании нашего времени. — М., 1978.
3. *Панфилов В.З.* Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. — М., 1982.
4. *Серебренников Б.А.* О материалистическом подходе к явлениям языка. — М., 1983.
5. *Роль человеческого фактора в языке* / Под ред. Б.А. Серебренникова. — М., 1988.

Наряду с лингвистической гносеологией существует столько же теорий познания и других, неязыковых, объектов — физических, биологических, психологических и т.д. Их объединяет то, что все они учат начинающих исследователей применять те или иные

способы познания соответственных объектов. Такого рода теории познания являются частнонаучными, поскольку они имеют отношение только к отдельным наукам.

Наряду с частными гносеологиями, в состав которых входит и лингвистическая гносеология, существует также общенаучная, философская гносеология. Её можно назвать общей, поскольку она является теорией познания любого — физического, биологического и т.д. — объекта. Соотношение между общей и частной гносеологией — это соотношение общего и отдельного. Иначе говоря, любая частная гносеология включает в себя и философскую гносеологию, где общегносеологические принципы получают разработку на соответственном материале. Так, в лингвистическую гносеологию входит общая гносеология как раздел, в котором общегносеологические принципы исследуются на материале языка. Совокупность этих принципов (подходов, способов познания), организованная в определённую систему, составляет общегносеологическую структуру языкознания. Система познавательных принципов, которые используются при изучении языка как такового, составляет частногносеологическую структуру языкознания.

Философская гносеология выработала целую систему способов познания. Я предлагаю систематизировать их с помощью следующей таблицы:

	Абсолютизм	Релятивизм	
Идеализм	1	3	5
Материализм	2	4	6
	Метафизика		Диалектика

В основе этой системы гносеологических направлений лежат три противопоставления:

- А: материализм — идеализм,
- Б: метафизика — диалектика,
- В: абсолютизм — релятивизм.

Материалистический способ познания исходит из положения о том, что объективная действительность существует независимо от субъекта познания, а следовательно, материалист в процессе по-

знания постоянно держит в поле своего внимания и ту часть действительности, которая ему неизвестна. Идеалист же сводит объект познания к тому, что ему о нём известно. Он игнорирует ту часть действительности, которая находится за пределами его познания. Не случайно крайней формой идеализма является солипсизм, который исходит из утверждения о том, что весь мир есть лишь мое представление о нём. Языковед-идеалист сводит все языковые явления к тому материалу, который ему известен, тогда как языковед-материалист всегда осознает ограниченность его собственных знаний о языке.

Метафизический способ познания можно определить как способ, при котором субъект познания позволяет себе впадать в крайности — над ним начинает господствовать либо абсолютизм, либо релятивизм. В основе абсолютизма как гносеологического принципа лежит логика «или — или», а в основе релятивизма — логика «и — и». Для абсолютиста какой-либо человек либо добр, либо зол, а что сверх того, то от лукавого. Для релятивиста же он и добр, и зол.

Диалектик поднимается над односторонностью абсолютиста и релятивиста, находя окончательный ответ. Так, в языке имеются элементы как собственно языковые, так и неязыковые (в нём содержатся физические, психические и прочие компоненты). Как относится к этому факту абсолютист? Он отрицает наличие относительной границы между языковыми и неязыковыми явлениями, возводя между ними непреодолимую преграду. Релятивист же, напротив, стирает границы между языком и окружающей его действительностью — физической, биологической и т.д. Диалектик, признавая в языке единство и борьбу языкового и неязыкового, исходит в конечном счёте из положения о том, что между языком и неязыковой действительностью существует относительная граница.

Цифры в нашей таблице обозначают шесть гносеологических направлений, каждое из которых совмещает в себе некоторую комбинацию идеализма и абсолютизма (1), материализма и абсолютизма (2) и т.д. В конечном счёте мы можем выделить следующие гносеологические направления:

- 1) идеалистический абсолютизм;
- 2) материалистический абсолютизм;

- 3) идеалистический релятивизм;
- 4) материалистический релятивизм;
- 5) идеалистическая диалектика;
- 6) материалистическая диалектика.

Рассмотрим каждое из этих направлений в отдельности на примере методологических позиций философов и лингвистов.

Идеалистический абсолютизм. Последовательным идеалистом-абсолютистом был немецкий философ И. Фихте (1762—1814). Как сторонник идеалистического способа познания он писал: «...внутренний смысл и душа моей философии состоит в том, что человек не имеет вообще ничего, кроме опыта; человек приходит ко всему... только через опыт» (*Фихте И.* Ясное как солнце сообщение мировой публике о подлинной сущности новейшей философии. — М., 1937. С. 11). Как сторонник абсолютистского способа познания он указывал: «Как раз из абсолютного противоположения вытекает весь механизм человеческого духа; и этот механизм не может быть объяснён иначе как через некоторое абсолютное противоположение» (там же, с. 209). «Абсолютное противоположение» — это не что иное, как логика «или — или», которая основывается на абсолютном противопоставлении А и не-А.

Довольно последовательным сторонником идеалистического абсолютизма в языкознании был Ф. де Соссюр (1857—1913). Как идеалист он учил исходить только из известного исследователю языкового опыта, а как абсолютист строил свою концепцию на абсолютном противоположении языка и неязыковой действительности, языка и речи, синхронии и диахронии, внутренней лингвистики и внешней. Он стремился освободить язык от каких-либо противоположностей — неязыковых, речевых и индивидуальных. В результате этого рассматривал язык как нечто автономное от окружающей действительности, в котором отсутствуют асистемность, диахроничность, «внеязыковость» и индивидуальность (асоциальность), а представлены только системность, синхроничность, «языковость» и социальность. Зато речи Ф. де Соссюр приписывал асистемность, диахроничность, «безъязыковость» и индивидуальность. Становятся понятными в связи с этим такие его высказывания, как «язык, т.е. нечто социальное по существу и независимое от индивида» или «в речи нет ничего коллективного» и т.п. — см. его «Труды по языкознанию» (М., 1977).

Материалистический абсолютизм. Представителем данного гносеологического направления в философии был Д. Локк (1632—1704). Сущность материалистического способа познания он выразил в следующих словах: «Объём нашего познания не охватывает не только всех реально существующих вещей, но даже и области наших собственных идей» (Антология мировой философии: В 4 т. / Под ред. В.В. Соколова. — М., 1970. Т. 2. С. 434). Но Д. Локк был также и приверженцем абсолютистской логики, которую иначе называют аристотелевской, или формальной. Он писал: «Итак, невозможно, чтобы одно и то же вместе было и не было присуще одному и тому же» (там же, с. 412). Или: «Итак, невозможно, чтобы вместе было правильно сказать про одно и то же, что оно и является человеком, и не является человеком» (там же, с. 416). Д. Локк был яростным противником признания противоположностей в предмете исследования. Он писал: «Вообще люди ... утверждающие возможность противоречия, уничтожают сущность и суть бытия» (там же, с. 417).

Материалистическую и абсолютистскую позиции в языкознании занимал американский учёный Л. Блумфильд (1887—1949). Материалистическая тенденция в его наследии заявляет о себе всюду, где его автор не сводит язык к его собственному представлению о нём. Абсолютистская же тенденция в его лингвистических представлениях связана с тем, что их автор, как и Ф. де Соссюр, стремился обособить языковые явления от неязыковых чересчур резко. Если Ф. де Соссюр стремился это сделать за счёт имманентизации языковой системы, то Л. Блумфильд — за счёт возведения в подлинный объект лингвистики речевой цепочки, которая соединяет говорящего и слушающего в процессе общения. Это сказалось на выдвигании на первый план синтагматических отношений в языке за счёт парадигматических.

Идеалистический релятивизм. Из данного гносеологического принципа исходил в своих работах известный немецкий философ И. Кант (1724—1804), разработавший теорию антиномий (противоречий). Философ усматривал противоречия в объективных явлениях. Тем самым он признавал релятивный момент в познании, однако он не доводил разрешение антиномий до конца, возлагая при этом надежду на априорный (чистый) рассудок. «Обычное нежничанье с вещами, — писал в связи с этим Г. Гегель, — забывается лишь о том, чтобы они не противоречили себе, забывает...

что таким путем противоречие не разрешается, а переносится лишь в другое место, в субъективную или внешнюю рефлексию» (*Гегель Г.* Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. — М., 1981. С. 121).

Идеалистический релятивизм отразился и в лингвистической концепции К. Фосслера (1872 — 1949), стремившегося свести язык к художественному творчеству. Идеалистическая позиция проявилась у него в том, что он исходил исключительно из эстетической природы языка. В свою очередь, релятивизм в концепции Фосслера выразился в преувеличении сходства между языком и искусством. Он писал: «Если идеалистическое определение — язык есть духовное выражение — правильно, то тогда история языкового развития есть не что иное, как история духовных форм выражения, следовательно, история искусства в самом широком смысле этого слова» (*Звегинцев В.А.* Хрестоматия по истории языкознания XIX—XX веков. — М., 1956. С. 121).

Материалистический релятивизм. На позициях данного гносеологического направления стоял известный немецкий философ Л. Фейербах (1804 — 1872). Материализм в его взглядах выразился в том, что он не сводил внешний, объективный мир к внутреннему, субъективному. Релятивизм же Л. Фейербаха состоит в его увлечении, связанном с уподоблением Бога человеку, которое привело его к стиранию границ между Богом и человеком. Он не мог перешагнуть через этот релятивный момент к абсолютному, т.е. и к противопоставлению Бога человеку. «Сущность Бога, — писал Л. Фейербах, — есть человеческая сущность... Главная наша задача выполнена. Мы свели всемирную, сверхъестественную сущность Бога к составным частям существа человеческого» (*Антология мировой философии.* Т. 3. — М., 1971. С. 448).

С позиций материалистического релятивизма исходил в своих лингвистических исследованиях немецкий языковед А. Шляйхер (1821 — 1868). Он, хотя и не сводил объективный мир к субъективному, но до такой степени увлекся уподоблением языков живым организмам, что в некоторых случаях перестал замечать разницу между ними (так, он считал, что в языковой истории действует закон борьбы за существование, придавал чрезмерное значение климатическому фактору в изменении языков и т.д.).

Идеалистическая диалектика. Зарождение данного гносеологического направления связывают с сократовскими диалогами

Платона, в которых Сократ выслушивал спорящих, принимал противоположные суждения, а затем, в результате изучения вопроса, о котором шла речь, приходил к окончательному выводу. Это и называлось диалектикой — искусством вести беседу. На непревзойденную высоту диалектико-идеалистический метод познания был поднят Г. Гегелем (1770—1831). В сжатом виде он изложен лишь в трёх параграфах (80—82) его краткой «Науки логики» (М., 1975. С. 202—213).

Первый момент диалектического метода познания является абсолютным («рассудочным»). В этот момент противоположности рассматриваются в их «борьбе», как абсолютные противоположности (по формуле $A \neq \text{не } A$). Отец и сын, например, в этот момент рассматриваются как совершенно разные люди. Следующий момент в диалектическом познании — релятивный («диалектический»), когда противоположности рассматриваются в единстве, граница между ними стирается по формуле $A = \text{не } A$. Отец и сын в нашем примере уравниваются — внимание исследователя сосредоточивается на том, что их объединяет. Третий момент диалектического познания — новая ступень в исследовании предмета. Это диалектический момент как таковой. Г. Гегель называл его «спекулятивным». Опираясь на тщательное изучение исследуемого предмета, которое предполагает и обращение к его истории, субъект познания приходит к окончательному выводу о том, какой момент — абсолютный или релятивный — преобладает в этом предмете (по формуле $A \neq \text{не } A$, $A = \text{не } A$, в конечном счете $A \neq \text{не } A$ или $A = \text{не } A$). В случае с отцом выявляется, что именно в нем преобладает то, что объединяет его с сыном, или, напротив, разъединяет. Вывод может быть разным. Это должно показать конкретное исследование. Истина всегда конкретна. Если мы придём к верному выводу, будем материалистами, а если ошибемся — идеалистами. Г. Гегель в конечном счёте ошибался, поскольку рассматривал объективный мир как развёртывание некоей абсолютной идеи (т.е. Бога).

На позициях идеалистической диалектики стояли неогумбольдтианцы (Э. Сэпир, Б. Уорф, Л. Вайсгербер и др.). Они признавали отношение между языком и мышлением как абсолютное и релятивное, при котором признавалось и взаимное их влияние друг на друга. Однако неогумбольдтианцы приходили к неверно-

му выводу о том, что доминирующим в этом влиянии является язык, а не мышление.

Материалистическая диалектика. Главным трудом по теории материалистической диалектики считают «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса. Вот как он описывал познавательную деятельность абсолютиста («метафизика»): «Для метафизика вещи и их мысленные отражения, понятия, суть отдельные, неизменные, застывшие, раз навсегда данные предметы, подлежащие исследованию один после другого и один независимо от другого. Он мыслит сплошными непосредственными противоположностями, речь его состоит из: «да-да», «нет-нет», «а что сверх того, то от лукавого» (Энгельс Ф. Анти-Дюринг. — М., 1973. С. 17). И там же далее: «Для него вещь или существует, или не существует, и точно так же вещь не может быть самой собой и в то же время иной. Положительное и отрицательное абсолютно исключают друг друга, причина и следствие по отношению друг к другу тоже находятся в застывшей противоположности». В первой цитате речь идёт об абсолютистском способе познания, а во втором он противопоставляется диалектическому на уровне релятивного момента в познании (в причине есть следствие и наоборот, в положительном есть отрицательное и наоборот и т.д.).

В третий момент диалектического мышления субъект познания приходит к окончательному выводу о доминирующей природе изучаемого явления (где в конечном счёте причина, а где следствие?). Для конечного вывода необходимо исследовать предмет познания всесторонне, в связи с другими предметами и его историей. Характеризуя этот процесс, Ф. Энгельс писал: «Для диалектики же, для которой существенно то, что она берёт вещи и их умственные отражения в их взаимной связи, в их сцеплении, в их движении, в их возникновении и исчезновении...» (там же, с. 18).

Процесс перехода одного явления в другое объясняется в диалектике с помощью учения о трёх законах — единства и борьбы противоположностей, перехода количественных изменений в качественные и отрицания отрицания. Так, жизнь всегда существует в единстве и борьбе со своей противоположностью — смертью. Приходит время, и в этой борьбе смерть одерживает верх над жизнью. Иначе говоря, наступает время, когда жизнь переходит в свою противоположность. Этот переход связан с тем, что смерть входит в жизнь в виде болезней, в результате увеличения которых, как

правило, жизнь и меняет свое качество. Тем самым происходит отрицание отрицания, т.е. смерть отрицает свое отрицание — жизнь.

После 1917 г. в отечественном языкознании предпринимают попытки переосмыслить теорию языка с диалектико-материалистических позиций. Эти попытки, однако, не имели большого успеха. С конца 20-х годов вплоть до 50-х на господствующее положение выдвинулись «яфетидология» и «новое учение о языке» Н.Я. Марра. Эти теории оказались вульгарно марксистскими. Их автор чересчур прямолинейно выводил языковые закономерности из общественных (так, различные типы языков — корнеизолирующий, агглютинативный и т.п. — он связывал с определенными типами общественно-экономических формаций — первобытно-общинной, рабовладельческой и т.п.). В этом сказался явный релятивизм в отношении к проблеме «язык и общество». В начале 50-х годов марризм был повергнут. Однако диалектико-материалистическое языкознание до сих пор не создано, хотя такие попытки предпринимали у нас Р.А. Будагов, Б.А. Серебренников, В.З. Панфилов и др.

23. Лингвистическая гносеология. Частногносеологическая структура языкознания

Частногносеологическую структуру языкознания составляет система подходов к изучению языка, которая имеет непосредственное отношение к языкознанию. Следовательно, эта система связана со спецификой языка как такового. Основу частногносеологической структуры языкознания составляют четыре дихотомии подходов:

- 1. Специальный — сравнительный.**
- 2. Синхронический — диахронический.**
- 3. Семасиологический — ономасиологический.**
- 4. Структурный — функциональный.**

Каждый из этих подходов имеет свою историю. Наука о языке начиналась по преимуществу со специального подхода, при кото-

ром предметом исследования становится отдельный язык. У древних греков это был их родной язык, а у древних римлян, например, — латынь. Результатом подобного изучения языка становятся главным образом специальные грамматики — русского, китайского, японского или какого-либо другого языка.

В XIX в. на лидирующее положение в западноевропейском языкознании выдвинулся сравнительный подход, при котором в качестве предмета исследования выступает уже несколько языков (как минимум два), сравниваемых между собою. Сравнительный метод в языкознании существует в двух формах — сравнительно-исторической (компаративистской) и типологической. В первом случае сравниваются языки, произошедшие от одного праязыка (напр., славянские), а во втором — языки, родство между которыми вовсе не обязательно. Перед компаративистикой и типологией стоят разные задачи. Первая сравнивает родственные языки для восстановления их праязыка, а другая — для выявления общих и различных черт в сравниваемых языках. Основателями сравнительно-исторического языкознания в первой половине XIX в. стали Ф. Бопп, Я. Гримм и Р. Раск, а основателем лингвистической типологии обычно считают В. Гумбольдта, хотя уже в грамматике Пор-Рояля (XVII в.) французский сравнивался с латинским.

В начале XX в. активным пропагандистом разграничения синхронического и диахронического подходов к изучению языка стал Ф. де Соссюр (1857—1913). При синхроническом подходе в качестве предмета исследования принимается язык, взятый в тот или иной (напр., современный) период его развития, а при диахроническом — прослеживается его история. Так, грамматики современного русского языка являются синхроническими, а исторические грамматики — диахроническими. Прежде синхронические грамматики называли описательными, а диахронические — историческими. Важность разграничения данных типов исследований не подлежит сомнению. Приведу лишь один пример. Есть ли суффикс в слове *пир*? С синхронической точки зрения — нет, а с диахронической — есть, поскольку в истории нашего языка это слово осознавалось как родственное с *пить*.

К изучению языковых явлений можно подходить либо с точки зрения слушающего, либо с точки зрения говорящего. Первая из них называется семасиологической, а другая — ономасиологической. Термины «семасиология» и «ономасиология» традици-

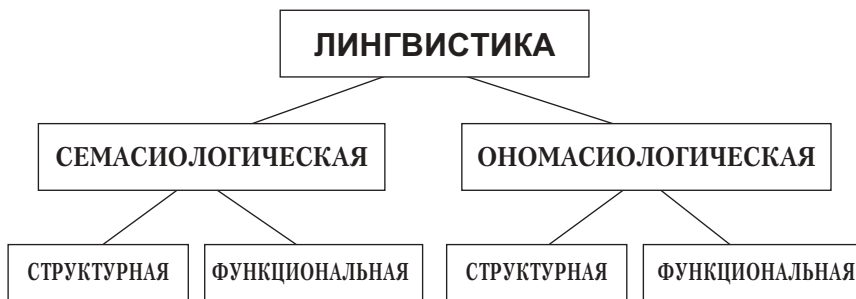
онно употребляются для обозначения двух разделов лексикологии, первый из которых предполагает точку зрения слушающего (*слово* → *вещь*), а другой — точку зрения говорящего (*вещь* → *слово*). Разграничение указанных разделов лексикологии началось ещё на рубеже XIX—XX вв. Традиционная лексикология была по преимуществу семасиологической. Австрийский языковед Г. Шухардт заложил основы лексической ономазиологии. С начала 60-х гг. XX в. термины «семасиология» и «ономазиология» начинают употребляться в широком смысле, т.е. распространяются не только на лексикологию, но также на словообразование, морфологию, синтаксис и лингвистику текста. Сначала это произошло в работах чешских языковедов И. Филиппа, М. Докулила и Я. Кухаржа, а затем и в работах советских, французских и других исследователей (у В.Г. Гака, Е.С. Кубряковой, Н.А. Слюсаревой, Ж. Стефанини, Б. Потье и др.). В результате стало возможным говорить о семасиологической и ономазиологической грамматиках.

Семасиологический подход к изучению языка предполагает, что исследователь, избравший его, становится на точку зрения слушающего (получателя речи) при описании языковых явлений, а ономазиологический подход принимает за ведущую точку зрения говорящего (отправителя речи). Необходимость в разграничении данных подходов обусловлена тем, что речевая деятельность слушающего и говорящего не может быть одинаковой. Вот почему, например, грамматика, исходящая из потребностей слушающего, и грамматика, исходящая из потребностей говорящего, — разные грамматики. Первую Л.В. Щерба называл «пассивной», а другую — «активной». Мы будем называть их семасиологической и ономазиологической соответственно.

Формулу семасиологического подхода к изучению языка можно изобразить следующей цепочкой: **речь** → **языковая система / языковая форма** → **внеязыковое содержание**. Это значит, что семасиологический подход к изучению языка опирается на деятельность слушающего, который сначала слышит речь, которую ему передает говорящий и на основе которой в его сознании формируется языковая система; используя эту систему, слушающий понимает языковые формы, передаваемые ему говорящим, т.е. соотносит их с определённым внеязыковым содержанием.

Формулу ономаσιологического подхода к изучению языка можно изобразить другой цепочкой: **внеязыковое содержание** \longrightarrow **языковая форма / языковая система** \longrightarrow **речь**. Это значит, что данный подход опирается на деятельность говорящего. Последний в качестве отправного пункта имеет перед собою некое внеязыковое содержание, которое в процессе своей речевой деятельности он переводит в определённую языковую форму, выбирая её из языковой системы, находящейся в его распоряжении, и переводя её из системно-языкового состояния в речевое.

Дихотомия «семасиологический подход — ономаσιологический» тесно связана с четвертой из рассматриваемых гносеологических дихотомий — «структурный подход — функциональный». Вторая конкретизирует первую. Соотношение между указанными дихотомиями может быть представлено следующей схемой:

В итоге мы получаем четыре типа лингвистических описаний — структурно-семасиологический, функционально-семасиологический, структурно-ономаσιологический и функционально-ономаσιологический. Первый из них сосредоточивает внимание на изучении перехода «*речь* \longrightarrow *языковая система*», второй — перехода «*языковая форма* \longrightarrow *внеязыковое содержание*», третий — перехода «*внеязыковое содержание* \longrightarrow *языковая форма*» и четвёртый — перехода «*языковая система* \longrightarrow *речь*».

СТРУКТУРНО-СЕМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ ТИП ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

Данный тип описания языковых явлений сосредоточивает внимание на той стадии речевой деятельности слушающего, которая

предполагает перевод речевых представлений в языковые. Система последних составляет не что иное, как языковую систему, которая является результатом обобщений, произведённых говорящими над речью. Поскольку эти обобщения осуществляются в направлении «от формы к смыслу», первичными в языковой системе являются формальные (семасиологические) структуры языка, т.е. структуры, которые создаются на основе формального сходства между речевыми единицами. К ним относятся, например, части речи. Объединение слов в ту или иную часть речи осуществляется в первую очередь по формальным критериям: существительные имеют свою систему формальных показателей — окончаний, прилагательные — свою, глаголы — свою и т.д.

Наряду с формальными в языке имеются и содержательные структуры. Отличие между ними состоит в том, что в первых ведущую роль играют формальные критерии, а во вторых — содержательные. Так, любая часть речи — это разновидность морфологической формальной структуры, но если в ту или иную структуру языка мы включим слова, которые относятся по форме к разным частям речи, мы получим содержательную языковую структуру. Это произойдет, например, если к существительным мы присоединим все субстантивированные прилагательные, причастия, наречия и другие несубстантивные слова. Формальные структуры языка имеют меньшую протяженность, чем содержательные, поскольку в состав вторых входит несколько первых. Так, в состав субстанциальной морфологической структуры (в её основе лежит категория субстанции) входит несколько частей речи, т.е. несколько формальных морфологических структур. Следовательно, такую структуру мы должны отнести к содержательным.

В задачу структурно-семасиологической лингвистики входит систематизация формальных структур языка — как словообразовательных, так и фразообразовательных, куда входят лексические, морфологические и синтаксические структуры. В области словообразования к формальным структурам относятся производные основы, объединённые тем или иным способом словообразования — префиксацией, суффиксацией и т.д. В области лексики к таким структурам относятся синонимы, гиперонимы (родовые наименования), гипонимы (видовые наименования) и т.п. структуры. В области морфологии это части речи, а в области синтаксиса — структурные схемы предложения.

Примером структурно-семасиологической модели языка является лингвистическая теория Л. Ельмслева, в основе которой лежит переход «*текст* → *система*». Датский учёный выдвинул на первый план в своей теории задачу моделирования языковой системы как абстрактной структуры, в основе которой лежит анализ текста. Единицы текста (речи) при таком подходе предстают как варианты языковых единиц. Это представление о соотношении речевых и языковых единиц стало общепринятым в современной лингвистике. Используя его, мы представляем себе язык в виде иерархически организованной системы языковых уровней, каждый из которых включает в себя однотипные единицы языка. Любая языковая единица при этом — результат обобщения соответственных единиц речи.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ ТИП ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

Если структурно-семасиологическая лингвистика занимается систематизацией формальных структур языка, которая осуществляется в направлении «*речь* → *языковая система*», то цель функционально-семасиологического описания — показать, как эти структуры функционируют в речевой деятельности слушающего, которая осуществляется в направлении «*языковая форма* → *внеязыковое содержание*». Иначе говоря, в центре внимания функционально-семасиологической лингвистики находится процесс понимания чужой речи.

Понимание значения той или иной речевой единицы происходит с помощью значения соответственной языковой единицы. Переход «*языковое значение* → *речевое значение*» составляет первичную ступень функционирования языковых единиц. Есть такие языковые единицы, функционирование которых ограничивается данной ступенью. Сюда относятся морфологические показатели рода, числа и падежа у прилагательных и рода, числа и лица у глагольных форм, поскольку они не соотносятся с реальным внеязыковым содержанием в данном случае (это происходит, когда речь идёт о существительных). В самом деле, что обозначает, например, прилагательное? Качественный признак. А имеет ли он пол? Конечно, нет. Следовательно, категория рода у прилагатель-

ного формальна. Функционирование её показателей ограничивается переходом «языковое значение → речевое значение».

Вторичную ступень функционирования языковой единицы составляет новый переход — от речевого значения к мысли. Есть языковые единицы, которые ограничивают свою функциональную сферу данным переходом. Таковы слова *русалка, леший, Зевс* и т.п. Они не соотносятся с объективным внеязыковым содержанием, хотя и имеют некоторую реальную основу. Наконец, третичную ступень функционирования языковой единицы составляет переход «мысль → внеязыковое содержание (объект)».

Большинство языковых единиц имеет все три ступени функционирования, однако одни и те же языковые единицы могут иметь разные зоны функционирования. Так, практически любая лексема может использоваться в художественных произведениях, где она функционирует в первичной и вторичной сферах речепонимания, поскольку художественная действительность — это плод воображения художника. Вместе с тем в обычном общении лексемы соотносятся с внеязыковым содержанием как таковым, т.е. имеют три сферы функционирования.

Одна и та же языковая единица может иметь не только разные функциональные зоны, она может соотноситься с разным содержанием. Это её свойство называется многозначностью (или полисемией). Традиционная лингвистика уделяла больше внимания изучению лексической транспозиции, т.е. случаев употребления в переносном смысле лексических единиц. Однако транспонироваться могут и другие единицы — словообразовательные, морфологические и синтаксические. Так, прямое значение суффикса *-тель* — производитель действия (*учитель, писатель* и т.п.). В словах же *выключатель, обогреватель* и т.п. этот суффикс употреблён в переносном смысле.

Морфологическая транспозиция существует либо в виде употребления одной части речи в значении другой (прилагательные *больной, новенькая*, например, в значении существительных), либо в виде употребления в переносном смысле различных морфологических форм (например, форм сослагательного наклонения в значении повелительного: *Сходил бы ты погулять*). С синтаксической транспозицией мы имеем дело, когда один член предложения используется в значении другого: вместо подлежащего — дополнение (*Мне холодно*) или обстоятельство (*Здесь холодно*).

В качестве примера функционально-семасиологической концепции языка можно привести теорию Д. Ферса. Главную цель своей теории английский учёный видел в том, чтобы выработать аппарат исследования всего многообразия употреблений языковых единиц в речи (контексте). Поскольку все случаи контекстуального употребления той или иной единицы языка учесть невозможно, Д. Ферс должен был выработать понятие типичных контекстов, в которых встречаются определённые единицы языка.

СТРУКТУРНО-ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ ТИП ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

Структурно-ономасиологическая лингвистика связана с систематизацией содержательных структур языка в направлении «*внеязыковое содержание* → *языковая форма*». Она отражает тот период в речевой деятельности говорящего, когда он стоит перед проблемой выбора тех или иных средств языка, служащих для выражения некоторого содержания. При этом однотипное содержание может быть выражено, как правило, с помощью целого комплекса языковых средств. Совокупность таких средств составляет содержательную (ономасиологическую) структуру языка.

В основе содержательной структуры языка лежит определённая ономасиологическая категория. Так, если исходить из категории субстанции, то мы будем иметь дело с субстанциальной структурой языка, куда войдут не только существительные, но и другие, субстантивированные, части речи. Последние — результат употребления несубстантивных частей речи в значении существительного.

Содержательные структуры языка состоят из двух зон — нетранспозиционной и транспозиционной. В первую входят единицы, взятые со стороны их прямых значений, а во вторую — единицы, рассматриваемые со стороны их переносных значений. В структурно-ономасиологической лингвистике исследуются условия употребления тех или иных языковых единиц в переносном смысле. Так, субстантивация в русском языке происходит по определённым образцам (например, существует образец «притяжательное прилагательное + наречие»: *механиково «как никак», слесарево «завтра»* и т.п.). Зато некоторые прилагательные могут

субстантивироваться и без непосредственной контекстуальной поддержки («*больной*», «*новенькая*» и т.п. прилагательные в значении существительного).

Существует два типа структурно-ономасиологических исследований: межуровневый и стратификационный (одноуровневый). В первом случае мы имеем дело с такими содержательными структурами языка, в состав которых входят единицы разных уровней языка. Первым систематизированным опытом межуровневой грамматики стала книга Ф. Брюно «Мысль и язык» (1922). В этой грамматике описана структура французского языка, в основе которой лежит, например, категория неопределённости. В эту структуру включались не только морфологические единицы (артикли), но и другие, неморфологические, средства французского языка.

Стратификационная структурно-ономасиологическая модель языка представлена у Л. Вайсгербера в его «грамматике, сориентированной на содержание» (3-е изд. — 1962). В данном типе грамматики ведётся систематизация таких содержательных структур, которые включают в себя единицы лишь одного уровня. Так, в грамматике Л. Вайсгербера описаны словообразовательные, лексические, морфологические и синтаксические содержательные структуры немецкого языка.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ ТИП ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

В основе данного типа описания лежит тот этап в речевой деятельности говорящего, когда единицы языка, выбранные им для создаваемой речевой единицы, переводятся в единицы речи. Этот этап обычно называют актуализацией, имея в виду актуализацию языковых единиц в речевые. Иначе этот процесс можно назвать фразообразованием. Рассмотрим его на примере создания нового предложения.

Процесс фразообразования включает в себя три периода актуализации — лексический, морфологический и синтаксический. Первый из них состоит в отборе лексем для создаваемого предложения, второй — в переводе этих лексем в словоформы и третий — в стемматизации и линеаризации предложения. Под стеммой предложения понимают такое состояние создаваемого предло-

жения, которое предшествует его линейному состоянию. Традиционная грамматика ставила в центр стеммы подлежащее, последователи Л. Теньера — глагольный предикат.

В качестве примера функционально-ономасиологической модели языка можно привести «психомеханику» Г. Гийома. Главную задачу своей лингвистической теории французский учёный видел в том, чтобы описать внутренний механизм перехода языка в речь (дискурс). Этот переход он называл актом языковой деятельности. Все языковые явления в его теории описываются в связи с данным актом. Вот как сам Г. Гийом писал по этому поводу: «Чтобы совершить акт языковой деятельности, я обращаюсь к языку, который существует в моём сознании как нечто устойчивое... Акт языковой деятельности имеет завершение в дискурсе — мимолетной конструкции моего духа, реализуемой посредством речи и вызванной мимолетной потребностью выражения» (*Guillaume G. Grammaire particulière du français et grammaire générale.* — Quebec, 1973. P. 12).

24. Дисциплинарная структура фонетики

На вопрос, какова дисциплинарная структура внутренней лингвистики, в целом существуют разные ответы. Мы представим дисциплинарную структуру в виде следующей схемы:

Фонетика (в широком смысле этого термина) — наука о звуковом строе языка, грамматика — о его грамматическом строе и лингвистика — о текстуальном. Основной единицей фонетики является звук, грамматики — слово и предложение, а лингвистики текста — текст. Данное представление о дисциплинарной структуре внутренней лингвистики, таким образом, исходит из выделения трёх кардинальных ярусов языка — звукового, грамматического и текстуального. Каждый из них имеет свои подъярусы (уровни). От состава этих уровней зависит внутренняя дисциплинарная структура фонетики, грамматики и лингвистики текста. Мы рас-

смотрим в лекциях только те вопросы, которые связаны с дисциплинарной структурой фонетики и грамматики.

Дисциплинарная структура фонетики базируется на шести уровнях звукового строя языка — фонетическом, фонологическом, морфонологическом, силлабическом (слоговом), акцентологическом и мелодическом (интонационном). Отсюда — шесть дисциплин, входящих в фонетику: фонетика (в узком смысле этого термина), фонология, морфонология, силлабика, акцентология и мелодика.

Фонетика — наука о звуках речи, фонология — о фонемах, морфонология — о морфонемах, силлабика — о слогах, акцентология — об ударениях и мелодика — об интонации. Звуки, фонемы и морфемы — представляют собой мельчайшие сегменты звукового строя языка. Поэтому фонетика, фонология и морфонология относятся к числу сегментных фонетических дисциплин. Зато и другие дисциплины — силлабика, акцентология и мелодика — изучают сверхсегментные звуковые единицы, в связи с чем эти науки относят к суперсегментным (просодическим) фонетическим дисциплинам. Рассмотрим каждую из названных фонетических наук в отдельности.

ФОНЕТИКА В УЗКОМ СМЫСЛЕ ТЕРМИНА

Фонетика (в узком смысле термина) — это наука о звуках речи. Под звуками речи понимают мельчайшие элементы речи, которые производятся с помощью органов артикуляции и воспринимаются с помощью органов слуха. К описанию звуков речи, таким образом, можно подходить либо с точки зрения говорящего (в этом случае мы будем иметь дело с артикуляционной классификацией звуков), либо с точки зрения слушающего (в этом случае мы будем иметь дело с акустической классификацией звуков). Первая из указанных классификаций берёт за основу артикуляционные признаки звуков (место, способ образования и т.д.), вторая — акустические признаки звуков (частоту колебаний, длительность звучания и т.п.). Большую практическую значимость представляют артикуляционные классификации звуков.

Обычно при классификации звуков в первую очередь учитываются те артикуляционные признаки звуков, которые связаны со

степенью раствора рта (или подъёма образования) и с местом сближения языка с верхним нёбом (или рядом образования). В связи с тем, что произношение звуков в любом языке не может обойтись без участия рта, мы можем говорить об универсальных классификациях звуков речи. При этом реальные звуки речи в тех или иных языках «заполняют» лишь некоторые позиции в таких классификациях. Другие же позиции остаются незаполненными — лакунными. Рассмотрим здесь универсальную классификацию гласных звуков. Она учитывает только степень подъёма и место образования этих звуков. Прежде всего выделяется пять звуковых зон по подъёму, а именно:

1) зона *i* ; 2) зона *u* ; 3) зона *e* ; 4) зона *o* ; 5) зона *a*.

При произношении звуков первой зоны язык поднимается максимально, т.е. приближается к верхнему нёбу настолько, насколько это возможно при произношении гласных. При произношении звуков пятой зоны, напротив, такое сближение минимально. Остальные зоны подъёма занимают промежуточное положение между двумя крайними зонами.

В свою очередь, по месту (ряду) образования гласные могут быть разделены на передние и задние. В первом случае образование звука осуществляется ближе к губам, во втором — ближе к маленькому язычку. Звуки каждого ряда мы можем также разбить по степени — первой и второй. В результате этого мы получим четыре зоны образования гласных звуков по ряду: передние 1-й степени (Π^1), передние 2-й степени (Π^2), задние первой степени (\mathcal{Z}^1) и задние второй степени (\mathcal{Z}^2). В итоге мы получим такую классификацию гласных:

		Ряд			
		Π^1	Π^2	\mathcal{Z}^1	\mathcal{Z}^2
Подъём	1				
	2				
	3				
	4				
	5				

Универсальная классификация гласных включает в себя 20 звуковых позиций по подъёму и ряду. Многообразие гласных в разных языках связано с тем, что каждая позиция может внутри себя смещаться в ту или иную сторону по подъёму и / или по ряду. Это происходит и в одном и том же языке. Так, звук [a] перед заднеязычными согласными становится более задним, чем перед переднеязычными (ср. «рак» и «рад»). Однако позиции звуковых типов мы определить можем. Так, основные типы звуков русского языка заполняют следующие позиции:

i			y
			u
		e	
		o	
		a	

А во французском:

i			
y		u	
e	ɛ	ɛ	
∅	oe	oē	o ð
	a	ã	

Как видим, во французском языке занято больше позиций для гласных звуковых типов. Это произошло не только за счёт носовых, но и за счёт большей заполненности гласных по ряду — у зоны «e» и зоны «o».

ФОНОЛОГИЯ

Фонология — наука о фонемах. Понятие фонемы от понятия звука отличается тем, что является не только физическим, но и функционально-семантическим. Может возникнуть вопрос: а мо-

жем ли мы подходить к изучению звуковой стороны языка не только с физической, но и со смысловой стороны? Какой смысл имеют звуки [д], [р] и т.п. сами по себе? Никакого. Но если рассматривать звуки в составе значимых компонентов речи, то станет ясно, что они совместно друг с другом участвуют в передаче определённого смысла. Именно поэтому и говорят о смыслоразличительной функции звуков. Так, если от слова *стол* отнять первый звук, получится другое слово — *тол*. Если же мы отнимем от него последний звук, то опять получим новое слово — *сто*. Вывод: звуки речи можно рассматривать не только как физические, но и как функционально-семантические единицы.

Понятие звука — это обобщение ряда физически похожих звуков, а понятие фонемы — обобщение ряда не только физически, но и функционально похожих звуков. Почему разные звуки в словах *стол* [о] и *стола* [а] мы можем обобщить в одну фонему? Потому, во-первых, что они в чем-то похожи физически, а во-вторых, они похожи функционально, т.е. выполняют одну и ту же смыслоразличительную функцию, поскольку участвуют в передаче одной и той же идеи — идеи стола.

Учитывая физическую и функциональную близость между речевыми звуками, исследователи устанавливают состав фонем в исследуемом языке и классифицируют их. Обычно при классификации фонем исходят из тех же — артикуляционных или акустических — критериев, что и при классификации звуков.

МОРФОНОЛОГИЯ

Морфонология — наука о морфонемах. Что такое морфонема? Запишите слова: *рука*, *руке*, *ручка*. Корневая морфема реализуется в них алломорфами [рук], [рук'] и [руч]. Какими звуками отличаются эти алломорфы? [к — к' — ч]. Какие звуки — варианты одной фонемы? [к] и [к']. А звук [ч]? Мы не можем считать его вариантом фонемы [к], поскольку он слишком отличается от вариантов этой фонемы по своим физическим характеристикам. Но можем ли мы обобщить ряд звуков [к], [к'] и [ч] на основе функционального сходства? Да, так как они оформляют одну и ту же морфему. В результате этого мы и получим морфемную [к — ч].

Морфонема — обобщение ряда разных фонем, имеющих функциональное сходство. Наличие в языке вариантов разных фонем

объясняется исторически. Вот почему морфонологические чередования звуков иначе называют историческими. В задачу морфонологии того или иного языка входит систематизация различных типов чередований. Так, морфонологические чередования могут систематизироваться в связи с типом морфемы. В этом случае мы можем выделить префиксальные (*де-милитаризация — дез-информация*), корневые (*нога — ножка*) и суффиксальные (*летчик — экскаватор-щик*) морфонологические чередования.

Морфонологические чередования могут подразделяться также на парадигматические (например, в английских словоформах *foot — feet* «нога — ноги») и синтагматические (*бегу — бежишь*). В первом случае речь идёт о чередованиях внутри морфов, а втором на стыке морфов (на морфемном шве).

Морфонологические чередования могут быть равночленными и неравночленными. В последнем случае звук чередуется либо с нулем звука (*лоб — лба*), либо с двумя звуками (*любить — люблю*).

СИЛЛАБИКА

Силлабика — наука о слогах. Эта наука относится к числу древнейших, однако и до сих пор в вопросах слогоделения среди исследователей весьма часто нет единства. Как делить на слоги слова *бочка, латша, лства* и т.п.? *Боч-ка* или *бо-чка*? *Ла-пша* или *лап-ша*? *Лист-ва, лис-тва* или *ли-ства*?

Существует много теорий слогоделения — традиционная (в слове столько слогов, сколько гласных), экспираторная (слог интерпретируется в этой теории как толчок выдыхаемого воздуха), сонорная (слог истолковывается здесь как речевой элемент, который выделяется за счёт наиболее звучного компонента), эксплозивно-импловивная (слог начинается с раскрытия рта и кончается его закрытием) и др.

Мне представляется наиболее удачной в применении к русскому языку теория слогоделения Л.В. Бондарко (см. её книгу «Звуковой строй современного русского языка». — М., 1977). Опираясь на экспериментальные данные, она пришла к выводу о том, что в русской живой речи в делении её на слоги действует тенденция к открытому слогу. Открытым называется слог, который

оканчивается на гласный. По этой теории мы должны делить вышеприведенные слова следующим образом: *ла-пша, ли-ства* и *бо-чка*. Но деление отдельных слов на слоги является искусственным, поскольку в живой речи мы имеем дело не с отдельными словами, а с целой совокупностью слов. Вот почему слогоделение нужно проводить на материале фраз, а не отдельных, вырванных из контекста словоформ.

Опираясь на теорию Л.В. Бондарко, мы должны следующим образом произвести слогоделение пушкинской фразы «*Я вас любил, любовь еще, быть может, в душе моей угасла не совсем*» // *Я-ва-слю-бил* // *лю-бо-вье-ще/бы-тьмо-жет/вду-ше-мо-ей-у-гасла-не-со-всем*//. Исключения из тенденции к открытому слогу составляют случаи, где речь идет о йоте (*вой-на, май-ка, зазнайство*), а также о конечных слогах фраз (в «*лю-бил*», «*бы-тьмо-жет*», «*со-всем*»).

АКЦЕНТОЛОГИЯ

Акцентология — наука об ударениях. Мы привыкли думать, что существует лишь один вид ударений — на слове. На самом деле следует различать три носителя разных типов ударений — слоги, такты и фразы. В соответствии с ними выделяют и три типа ударений — слоговое, тактовое и фразовое, которое, в свою очередь, может быть эмфатическим (эмоциональным) или логическим (рациональным). Мы можем определить такт как фонетическое слово, а фразу — как фонетическую синтаксическую конструкцию.

Между слогами в живой речи в рамках такта представлены паузы минимальной протяженности. Паузы межфразовые имеют максимальную протяженность в рамках сложного синтаксического образования (фрагмента текста или текста в целом). Межтактовые паузы занимают промежуточное положение между слоговыми и межфразовыми. С помощью слоговых, тактовых и фразовых ударений говорящий ритмизирует свою речь, т.е. паузирует её. Вот как это будет выглядеть на строчке из А.С. Пушкина «*но пусть она вас больше не тревожит*»: //но//пу//сть//на//ва//сбо//льше//не//тре//во//жит//. Три косых линии обозначают межфразовую паузу, две — межтактовую и одна — межслоговую. В дан-

ном отрывке — одна фраза, четыре полных такта и один (в начале) неполный, во втором, третьем и пятом тактах по два слога, а в четвёртом — четыре. Межтактовая пауза проходит перед ударением. Его носителем может быть лишь слог, но говорящий может усилить ударение за счёт эмоционального или логического выделения, и тогда данное ударение становится носителем ещё и эмпатического или логического ударения. Так, в приведённой фразе можно логически выделить любой полный такт.

Тактовые ударения могут быть сильными и слабыми. Последние делятся на проклитические и энклитические. Пример первого (оно слабее основного в такте перед сильным): *на стол, супе-робложка, машиностроение*. Пример другого (оно стоит в такте после сильного): *на гору, за уши, под руки*.

Тактовое (словесное) ударение может быть постоянным и подвижным. В первом случае оно не зависит от изменения слова по формам (*читал, читала, читали* и т.д.), а во втором оно меняет свою позицию в разных словоформах (*взял — взяла, понял — поняла, город — города, ум — умы*).

МЕЛОДИКА

Мелодика — наука об интонации. Основным носителем интонации является фраза (фонетический аналог словосочетания или предложения). Главным компонентом интонации является тон. Интонационный рисунок у той или иной фразы возникает в первую очередь благодаря изменению (повышению или понижению) тона, с которым она произносится. Чтобы понять, что такое тон, нужно обратиться к песне. В ней повышение и понижение тона представлено в яркой, выразительной форме. Возьмите, например, первую строчку известной песни «*Вставай, страна огромная*» и вы увидите, как резко поднимается вверх тон на ударных слогах и как низко опускается в неударных. Подобное движение имеется и в обычной речи, но не в такой яркой форме, как в песне. Мы можем поэтому определить интонацию как зародышевый аналог музыки, которая сопровождает нашу речь.

Кроме тона, в интонацию входят три других, неосновных, компонента — ударение, темп и тембр речи. Ударение создаёт тот или иной ритм произносимой фразы. В стихах это свойство обычной

речи выражено активнее. Темп состоит в скорости, с которой проносится слово и осуществляется паузирование речи. Тембр, наконец, состоит в придании нашей речи индивидуального характера и в выражении различного эмоционального отношения к описываемой действительности, к слушающему и к самому себе со стороны говорящего. Это отношение может быть самым разнообразным: презрительным, недоверчивым, раздраженным и т.д. — с одной стороны, и любовным, уверенным, радостным и т.д. — с другой.

25. Дисциплинарная структура грамматики

Мы будем исходить из следующей дисциплинарной структуры грамматики:

Грамматика включает в себя две большие науки — словообразование и фразообразование. Основной единицей словообразования является слово, основной единицей фразообразования — предложение. С позиции говорящего мы можем следующим образом определить предметы исследования данных наук: словообразование исследует вопросы, связанные с созданием новых слов, а фразообразование — с созданием новых предложений.

Процессы создания слов и предложений в какой-то мере однотипны (изоморфны, одноструктурны), чем объясняется симметричность дисциплинарных структур словообразования и фразообразования. Это отражено и в наименованиях словообразовательных дисциплин: *изолексикология* — подобна лексикологии,

изоморфология — подобна морфологии, *изосинтаксис* — подобен синтаксису. Симметричность дисциплинарных структур словообразования и фразообразования основывается на гипотезе об относительном изоморфизме, имеющемся между фразообразовательными и словообразовательными единицами.

На наличие сходства, существующего между словообразовательными и фразообразовательными («синтаксическими») единицами, указывал ещё в 1904 г. польский учёный Ян Розвадовский в книге «Словообразование и значение слова». Он настаивал на том, что при создании слов и предложений (а также и словосочетаний) действует один и тот же закон — закон «двойного членения». Сущность его он видел в универсальности субъектно-предикатных операций, совершаемых говорящим в процессе разных видов речевой деятельности. Он считал, например, что данные операции говорящий совершает не только при создании предложения *Sonne scheint* «Солнце светит» и словосочетания *Schein der Sonne* «свет солнца», но и при создании слова *Sonnenschein* «солнечный свет». Во всех этих случаях солнце — субъект, а светить — предикат.

В наше время на наличие изоморфизма между словами и предложениями указывал чешский языковед Милош Докулил. Он писал: «Нет никакого сомнения в том, что между строением мотивированного слова и синтаксической конструкцией существует глубокое родство... Как в структуре слова, так и в структуре предложения мы имеем дело с двучленными (в своей основе) структурами смысловых единиц, которые связаны друг с другом как определяемое (субъект. — *В.Д.*) и определяющее (предикат. — *В.Д.*)» (цит. по: *Даниленко В.П.* Ономаσιологическое направление в грамматике. 2-е изд. — М., 2007. С. 276). Далее он доказывал изоморфизм слова и предложения на примере подобия, имеющегося между словом «*учитель*» и предложением «*Он учит*». В слове «*учитель*» суффикс эквивалентен субъекту (*Он*), а корень — предикату (*учит*).

Мы будем основывать гипотезу о словообразовательно-фразообразовательном изоморфизме на корреляции фразообразовательных и словообразовательных единиц:

- 1) лексема — морфема,
- 2) формообразовательные основы и средства — словообразовательные основы и средства,
- 3) предложение — слово.

На данной корреляции основывается и соответствие между дисциплинарными структурами фразообразования и словообразования: **лексикология — изолексикология, морфология — изоморфология, синтаксис — изосинтаксис**. Каждая из этих пар имеет дело с аналогичным периодом речевой деятельности говорящего — фразообразовательной и словообразовательной.

По аналогии с лексикологией мы выделяем первую словообразовательную дисциплину — изолексикологию. В плане речевой деятельности говорящего (а мы берем именно этот план) она занимается изучением вопросов, связанных с первым, лексическим, периодом фразообразовательной деятельности говорящего, т.е. деятельности, направленной на создание предложения. Данный период предполагает отбор лексем для создаваемого предложения. В свою очередь, изолексикология изучает вопросы, связанные с первым периодом словообразовательной деятельности говорящего. Назначение этого периода — отбор морфем для создаваемого слова. Но морфемы, как правило, не существуют вне слов, в которых они встречаются. Вот почему говорящий должен мысленно отчленять те или иные морфемы, с помощью которых он намеревается назвать обозначаемые вещи, от слов, в которых они встречаются. Так, при создании слова *наездник* говорящий отобрал морфемы *на-*, *езд-* и *-ник*. Эти морфемы он мог вычленил из такого рода слов, как *накрыть*, *настелить*, *ездить*, *езда*, *путник*, *шутник* и т.п.

Ономасиологическая морфология изучает вопросы, связанные со вторым периодом фразообразования. Усилия говорящего в этот период направлены на отбор формообразовательных основ и формообразовательных средств. Подобным образом дело обстоит и с изоморфологией. Эта наука исследует проблемы, связанные со вторым периодом словообразования. Усилия говорящего в это время направлены на создание производящих основ и словообразовательных средств. Ведущую роль в производящей основе играет корневая морфема. Но она первоначально поступает в сознание говорящего в составе некоторой лексемы. Перед автором нового слова стоит задача деморфологизации этой лексемы, т.е. освобождения её от морфологического средства. Так, при создании слова *наездник* говорящий избрал производящее слово *ездить*. Чтобы получить производящую основу, ему потребовалось освободить эту лексему от морфологического средства *-ить*. Подобным обра-

зом говорящий отсоединял для образования данного слова и словообразовательное средство. Оно здесь комплексное: *на-* + *-ник*. В данный период словообразования он начинает оперировать словообразовательными компонентами уже как автономными образованиями — вне их связи с соответственными словами.

Ономасиологический синтаксис изучает вопросы, связанные с третьим периодом фразообразования, когда говорящий завершает процессы, связанные с соединением формообразовательных основ с формообразовательными средствами. Подобным образом дело обстоит и с третьим разделом словообразования — изосинтаксисом. Он исследует проблемы, связанные с соединением словообразовательных основ со словообразовательными средствами. Если во фразообразовательной деятельности говорящий пользуется определёнными синтаксическими моделями, то в словообразовании — определёнными словообразовательными моделями. Так, слово *наездник* могло быть создано по модели слова *всадник*.

Итак, гипотеза об относительном изоморфизме фразообразования со словообразованием позволяет представить дисциплинарную структуру словообразования по аналогии с подобной структурой фразообразования. Если в состав фразообразовательных дисциплин мы будем включать лексикологию, морфологию и синтаксис, то в состав словообразовательных дисциплин — изолексикологию, изоморфологию и изосинтаксис.

26. Лексикология.

Структурно-ономасиологический аспект

Структурно-ономасиологическая лексикология занимается систематизацией лексических содержательных структур. Этот процесс осуществляется в направлении «от внеязыкового содержания к языковым формам». В основе той или иной лексической содержательной структуры лежит определённая ономасиологическая категория. Это и понятно: структурный аспект ономасиологической лексикологии связан с описанием того момента во фразообразовательной деятельности говорящего, когда он осуществляет отбор лексем, служащих для наименования тех или иных компонентов описываемой ситуации. Каждый из таких компонентов может быть обозначен с помощью целого комплекса лексических средств.

Подобные комплексы мы и называем лексическими содержательными структурами языка.

В практике речевого общения говорящий отбирает ту или иную лексему для создаваемого предложения из такого рода структур. Задача исследователя состоит здесь в том, чтобы привести в систему данные структуры. Для этого необходимо решить, по крайней мере, три основных вопроса:

1. Какие ономаσιологические категории должны быть положены в основу лексических содержательных структур?
2. Как систематизировать эти категории, а вслед за ними и связанные с ними структуры языка?
3. Каким образом располагать лексические единицы в рамках отдельных лексико-ономаσιологических структур?

Л. Вайсгербер предлагал систематизировать лексические средства языка в соответствии с картиной мира. Задачи лексикологии при таком подходе совпадают с задачами идеографии. Но лексикология не ставит перед собою задач, связанных с описанием всего словаря. Очевидно, в лексикологии лексические средства языка должны классифицироваться в соответствии с наиболее фундаментальными ономаσιологическими категориями. Их состав ещё далеко не выяснен, но подступы к их выявлению мы уже можем сделать.

Наиболее фундаментальными, очевидно, являются категории, лежащие в основе частей речи. Вот почему во многих языках были выработаны специальные формальные показатели тех слов, которые обозначают субстанции, процессы, атрибуты, обстоятельства и отношения. Возникает вопрос: можем ли мы рассматривать данные категории не только как морфологические, но и как лексические? Да, можем. Дело в том, что лексический период фразирования связан с отбором лексем для создаваемого предложения, а они, как правило, берутся в начальных морфологических формах (их нет только у морфологически неизменяемых слов). Вот почему в основу классификации лексики могут быть положены те же категории, что и в основу частей речи. Однако внутреннее членение этих категорий и связанных с ними структур языка в лексикологии является особым.

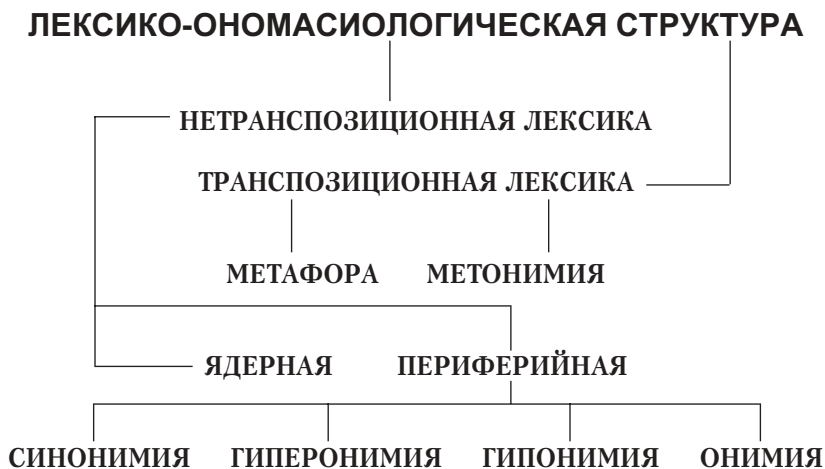
В качестве базовых ономаσιологических категорий в лексикологии могут быть выделены следующие категории: субстанция,

процесс, атрибут, обстоятельство и отношение. Каждая из них соотносится с соответственной лексической структурой — субстанциальной, процессуальной, атрибутивной, обстоятельственной и релятивной. Если в морфологии подобные структуры делятся на внутренние группировки на морфологических основаниях, то в лексикологии это должно делаться на лексических основаниях. Так, субстанциальные лексические структуры могут делиться на одушевлённые и неодушевлённые. Категория одушевлённости / неодушевлённости традиционно рассматривается как морфологическая. Несмотря на то что её выражение в языке в какой-то мере связано с морфологическими средствами языка, в конечном счёте её следует признать лексической, поскольку основными её носителями являются не морфологические показатели, а лексические. Подобным образом мы должны отнестись и к категории нарицательности / собственности. Она также лишь по ошибочной традиции приписывается к числу морфологических, хотя по средствам своего выражения это вполне лексическая категория.

Отнесение категории одушевлённости / неодушевлённости к числу лексических избавит нас от такой несуразности, как признание собирательных существительных (типа *семья, учительство, пролетариат* и т.п.) неодушевлёнными. К числу лексических также следует относить и категорию абстрактности / конкретности. Основания те же, что и в отношении предшествующих категорий. То, что все эти категории на протяжении веков рассматривались в морфологии, есть результат поглощения лексикологии морфологией.

Внутренняя систематизация лексических средств языка может осуществляться также и в соотнесении их с категориями агенса (т.е. производителя действия) и пациенса (объекта действия). Одушевлённые лексемы могут использоваться для обозначения как агенса, так и пациенса (*мальчик читает — вижу мальчика*). Но неодушевлённые лексемы используются, как правило, для обозначения пациенса. Исключения составляют случаи олицетворения (*дождь идет, ставни поют*). Употребление неодушевлённых существительных в агентивном значении становится возможным благодаря их контекстуальной близости к глаголам, которые обычно обозначают действия одушевлённых субстанций (*море смеется, ветер воет*).

В рамках отдельных лексико-ономасиологических структур языка лексические единицы могут располагаться следующим образом:

Таково строение типичной лексической содержательной структуры. Прежде всего в ней выделяются зоны нетранспозиционной и транспозиционной лексики. В первом случае мы имеем дело с прямым значением слов, а во втором — с переносным. Нетранспозиционную зону возглавляет ядерная лексема (например, *писатель*), затем следует периферийная лексика. Сначала следуют синонимы к ядерной лексеме (*сочинитель* — к лексеме *писатель*), гиперонимы, т.е. родовые наименования (*автор, художник*). В составе гиперонимов могут оказаться лексемы, которые находятся в идеографическом словаре далеко от ядерной лексемы (*гений, гуманист, романтик, фантазёр, старик, вольнодумец* и т.д.). Далее следуют гипонимы — слова, которые находятся с ядерной лексемой в видовых отношениях (*прозаик, поэт, романист, новеллист, драматург, фантаст* и т.п.). Завершает периферийную лексику онимия, т.е. имена собственные. На этом месте может оказаться и имя И.А. Бунина, и имя М.М. Зощенко и т.д. Зона транспозиционного употребления слов — метафорического и метонимийного — предполагает возможность использовать для обозначения данного предмета слова, которые близки к прямым наименованиям по сходству значений, а также по их смежности (на-

пример, писателя можно назвать *магом, чудотворцем, инженером души человеческих*).

Задачи структурно-ономасиологической лексикологии состоят в описании лишь фундаментальных лексических структур языка содержательного типа. Их систематизация направлена на установление отношений между типичными разновидностями данных структур. В ней даётся описание не конкретных содержательных структур, а их типового строения. В конкретных речевых актах мы имеем дело с бесконечным многообразием их реализации.

27. Лексикология.

Функционально-ономасиологический аспект

В задачу функционально-ономасиологической лексикологии входит исследование вопросов, связанных с функционированием лексических содержательных структур языка в первый период речевой деятельности говорящего, направленной на создание предложения. Эти вопросы возникают в процессе построения так называемой лексической стеммы предложения и её преобразования в лексическую синтагму. Остановимся на характеристике этих понятий.

В основе лексической стеммы лежит ситуация, описываемая предложением. Наиболее типичной является ситуация, в которой представлено три компонента — агенс, действие и пациенс. Эти компоненты — объективная основа исходной стеммы предложения. Она может становиться расширенной за счёт включения определений и обстоятельств.

Между лексемами, отобранными говорящим для наименования основных компонентов описываемой ситуации, говорящий устанавливает определённые иерархические отношения. Ведущая роль в этом принадлежит лексическому предикату. Лексическим называют сказуемое, ещё не оформленное морфологически. Его морфологизация происходит во второй период фразообразования.

В первый период центральная роль в акте стеммообразования принадлежит, как мы указали, предикату. Почему? Очевидно, потому, что предикат обычно, обозначает действие, а оно выступает

в качестве связующего звена между агенсом и пациенсом. Не случайно у глаголов довольно яркими являются валентные свойства. Так, глагол *расчёсывать* требует субъекта действия и его объекта, т.е. он бивалентен. Глагол *идти*, в свою очередь, моновалентен, поскольку требует распространения лишь за счёт обозначения субъекта действия. Исходя из валентности глагола, мы можем выделить два типа исходных лексических стемм:

1. Моновалентный глагол — субстантив первого актанта (агенса).
2. Бивалентный глагол — субстантив первого актанта (агенса) + субстантив второго актанта (пациенса).

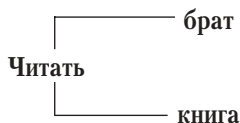
Первый тип исходной лексической стеммы лежит в основе предложений, в которых глагол обозначает безобъектный процесс (*стоять, слепнуть, спать* и т.п.), а существительное — первый актант. Второй тип исходной лексической стеммы лежит в основе предложений, в которых глагол указывает на объектный процесс (*видеть, веселить, белить* и т.п.), а существительные — на первый и второй актанты.

Развёртывание исходных стемм осуществляется за счёт определений и обстоятельств. Первые зависят от существительных, а другие — от глаголов. Лексическая стемма — результат лишь первоначального осмысления отношений, имеющих между компонентами описываемой ситуации. Новый шаг в этом говорящий делает в процессе линеаризации лексической стеммы.

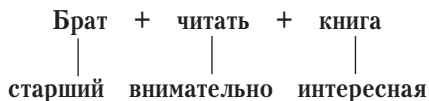
Если в процессе построения лексической стеммы в центре внимания говорящего находится процесс, то в акте перестройки лексической стеммы в лексическую синтагму точка зрения говорящего перемещается с процесса на агенс и затем движется к пациенсу. В основе лексической синтагмы лежит естественный ход ситуации — от источника действия к действию и его объекту. Если мы проследим этот этап на примере предложения *Брат читает книгу*, то лексическая синтагма выглядит таким образом:

Брат + читать + книга

Лексическая синтагма — результат преобразования лексической стеммы:

Развёртывание исходной стеммы осуществляется за счёт второстепенных членов:

Построением лексической синтагмы завершается первый период фразообразования. Мы можем выделить в нём две фазы. Первая из них — построение лексической стеммы. Центральная роль здесь принадлежит предикату. К данной фразе применима предикатоцентрическая (вербоцентрическая) теория стеммообразования. Второй момент — перевод лексической стеммы в лексическую синтагму, где ведущую роль играет субстантив второго актанта.

28. Морфология. Структурно-ономасиологический аспект

Структурно-ономасиологическая морфология занимается систематизацией морфологических содержательных структур языка, функционирование которых осуществляется во второй период речевой деятельности говорящего, направленной на создание нового предложения. В основе этих структур лежат категории, выводимые из значения частей речи и их акциденций — рода, числа, падежа, времени и т.п. К основным общеморфологическим категориям относятся категории субстанции, процесса, атрибута, обстоятельства и отношения. В соответствии с ними могут быть выделены и основные морфолого-ономасиологические структуры — субстанциальные, процессуальные, атрибутивные, обстоятельственные и релятивные.

В состав субстанциальной морфолого-ономасиологической структуры входят не только существительные, но и субстантивированные глаголы, прилагательные, наречия и другие части речи.

Каждая часть речи — это формально-морфологическая (или морфолого-семасиологическая) структура. Вот почему содержательно-морфологическая (морфолого-ономасиологическая) структура включает в себя несколько формальных морфологических структур языка. В задачу структурного раздела ономасиологической морфологии входит описание основных зон морфологических содержательных структур. Остановимся на вопросе о строении нетранспозиционной зоны субстанциональной морфолого-ономасиологической структуры.

В первую очередь в указанной структуре помещаются производные существительные (*рука, нож* и т.п.). Затем располагаются существительные, которые обозначают субстанции через их отношение к другим субстанциям (*ручка, ножик* и т.п.), поскольку эти существительные, как и производные, передают идею субстанции как таковую. Если производные существительные составляют ядерную область нетранспозиционной зоны описываемой структуры, то существительные *ручка, ножик* и т.п. начинают периферию данной зоны. За ними следуют существительные, которые не передают идею субстанции в чистом виде. К ним относятся отглагольные (*учитель, путаник* и т.п.), отаггективные (*старик, крепьши* и т.п.) и другие существительные, образованные от несубстантивных частей речи. В их значениях представлен не только семантический компонент, связанный с обозначением субстанций, но и семантический компонент, связанный с обозначением других явлений (процессов, атрибутов и т.д.). Выходит, что подобные существительные в какой-то мере сближаются с глаголами, прилагательными и другими несубстантивными частями речи. Вот почему мы относим их к периферийной области нетранспозиционной зоны субстанциональной морфолого-ономасиологической структуры.

Обратимся теперь к характеристике транспозиционной зоны данной структуры. Если мы ведём речь об описании морфологических средств языка, используемых в определённый (например, современный) период времени, мы не должны помещать в эту зону существительные, переносное значение которых уже не сознаётся говорящими в этот период. Так, существительное *столовая* в современном русском языке уже не воспринимается как прилагательное. Возникает вопрос: какие же существительные должны быть отнесены к транспозиционной зоне субстанциональной

морфолого-ономасиологической структуры? Те, которые мы осознаем как метафоры или метонимии. В задачу структурно-ономасиологической морфологии входит изучение правил, связанных с переносным употреблением частей речи.

Чтобы субстантивация несубстантивных частей речи стала возможной, говорящему необходимо употребить их в той синтаксической позиции, которая обычно закрепляется за существительными. Такой, в частности, является позиция подлежащего. В ней могут субстантивироваться, как известно, все части речи. При этом используются те или иные образцы субстантивации. Они представляют собою обобщения однотипных случаев субстантивации. Так, в одну модель субстантивации входят выражения «механиково “как никак”» и «сантехниково “завтра”», построенные по одной модели, — «прилагательное притяжательное + наречие субстантивированное». В составе транспозиционной зоны анализируемой структуры должны помещаться не конкретные субстантивированные части речи, а их типы.

Наряду с отдельными словами, субстантивации могут подвергаться и словосочетания. Они выступают в этом случае как аналоги отдельных слов (*Зоологи подсчитали, что в этой пещере живёт около сорока тысяч мышей*). Более того, субстантивироваться могут даже предложения («*Гони в шею*» звучало в его ушах сладкой мелодией. А. Чехов). Субстантивированные выражения встречаются не только в позиции подлежащего, но и дополнения. Например, *Надо жить спокойнее, умнее, надо сначала устроить хорошее, удобное сегодня, а потом уж исподволь готовить ещё лучшее завтра*. Для подкрепления субстантивной функции наречий здесь использованы определения (*хорошее, удобное, лучшее*).

Процессуальные, атрибутивные и другие морфолого-ономасиологические структуры имеют организацию, подобную организации субстанциальной структуры. Так, нетранспозиционную зону процессуальной структуры составляют глаголы, употребляемые в прямом значении. Ядерное положение среди них занимают непроизводные глаголы (*писать, мыть*), а также глаголы, обозначающие процессы через процессы же (*переписывать, домыкать*). На периферийном положении находятся глаголы, которые связаны с выражением не только процесса, но и идеи

субстанции (*трубить, боронить*), идеи атрибута (*стареть, пуствовать*) и т.д.

Нетранспозиционную зону атрибутивной структуры составляют прилагательные, употребляемые в прямом смысле. Центральное положение среди них занимают непроизводные прилагательные (*слабый, молодой*), а также те, которые связаны с обозначением атрибутов через атрибуты же (*слабоватый, молоденький*). На периферийном положении здесь находятся прилагательные, которые выражают идею атрибута вместе с идеей субстанции (*орлиный, дачный*), идеей процесса (*колкий, шаткий*). Каждая из указанных структур имеет не только нетранспозиционную, но и транспозиционную зоны. Так, атрибуты могут обозначаться с помощью не только прилагательных, но и существительных (*книга учителя*), глаголов (*желание спать*) и наречий (*рубаха навыпуск*).

Наряду с общеморфологическими (частеречными) содержательными структурами в морфологии изучаются и частноморфологические содержательные структуры. В их основе лежат категории пола, числа, отношения, времени и т.д. В ономаσιологической грамматике описываются не только нетранспозиционные, но и транспозиционные средства их выражения. Так, при описании морфологических средств, служащих в русском языке для выражения прошедшего времени, речь ведётся не только о глагольных формах прошедшего времени, но и о формах настоящего времени (*Иду я вчера по улице...*) и будущего (*Придет, бывало, ко мне и сидит молча*).

Подобным образом дело обстоит и с выражением других категорий. Формы сослагательного наклонения, в частности, могут употребляться в значении повелительного (*Поговорил бы ты с ним*) и наоборот (*Щепотки волосков лиса не пожалей — остался б хвост у ней*. И. Крылов). С другой стороны, формы повелительного наклонения могут использоваться в изъявительном значении (*Пошёл! Пошли!*) и наоборот (*Про жизнь пустынную как сладко ни пиши, а в одиночестве способен жить не всякий*. И. Крылов).

Результатом структурно-ономаσιологического описания морфологических средств языка является система морфологических содержательных структур. Именно из такого рода структур гово-

рящий выбирает то или иное морфологическое средство при переводе лексем в словоформы.

29. Морфология. Функционально-ономасиологический аспект

Функционально-ономасиологическая морфология занимается изучением проблем, связанных с функционированием морфологических содержательных структур языка. Это происходит во второй период фразообразования, когда говорящий осуществляет перевод лексической синтагмы в морфологическую. Иначе говоря, в этот период начинается перевод некоторых лексем в морфологические формы. Данный процесс называется морфологизацией. Но лексемы поступают в распоряжение говорящего в первый период фразообразования в начальных морфологических формах. Вот почему процессу морфологизации предшествует противоположный процесс — деморфологизация. Мы можем, таким образом, подразделить второй период фразообразования на две фазы — деморфологизации и морфологизации.

Под деморфологизацией понимается освобождение членов лексической синтагмы от их морфологических показателей. Не всегда такое освобождение необходимо. В нём нет необходимости, во-первых, в том случае, когда члены лексической синтагмы переводятся в члены морфологической синтагмы в их начальной форме, а во-вторых, когда это касается морфологически неизменяемых лексем. Так, не требует морфологического переоформления лексическое подлежащее, если во второй период фразообразования оно переводится в подлежащее морфологическое. Это происходит, когда говорящий делает выбор на активной конструкции. В этом случае морфологически закрепляется та точка зрения на описываемую ситуацию, которую говорящий имел в процессе построения лексической синтагмы:

Брат + читать + книга —> Брат читает книгу.

Иная ситуация возникает, когда говорящий меняет свою точку зрения на описываемую ситуацию и избирает пассивную конструкцию (*Книга читается братом*). Зато в этом случае

выпадает из акта деморфологизации и морфологизации лексема *книга*.

Деморфологизация может быть простой и сложной. В первом случае мы имеем дело с освобождением лексемы лишь от одного морфологического показателя (*рука* — *рук-*, *красный* — *красн-*, *мыть* — *мы-*, *ярко* — *ярк-*). Во втором случае лексема освобождается от нескольких морфологических формантов (*решить* — *реш-*, *выигрывать* — *выигр-*). В процесс деморфологизации в отдельных случаях вовлекаются изменения, которые касаются формообразовательных основ, что ярко видно в случае с супплетивизмами. Особенность данного способа формообразования состоит в замене исходной морфологической основы на новую (например, от *класть* — *положить*). Процесс подготовки лексемы к морфологизации здесь оказывается осложнённым.

Морфологизацией называется процесс присоединения формообразовательного средства к формообразовательной основе. Как и деморфологизация, она может быть простой и сложной. В первом случае формообразовательное средство включает лишь один морфологический показатель, а во втором — два и более (ср.: *рук-* — *рука*, *-и*, *-е* и т.д.; *мы-* — *моющий*, *-его*, *-ему* и т.д.).

В морфологический период фразообразования не все лексемы подвергаются морфологизации полностью. Некоторые из них морфологизируются лишь частично, а некоторые подвергаются этому процессу в новый, третий, период фразообразования. Вот почему мы можем выделить три разновидности морфологизации — две собственно морфологических (полная и частичная) и одну синтаксическую. Рассмотрим их подробнее.

Полной морфологизации во второй период фразообразования подвергается лексема-подлежащее. Потому что своими морфологическими значениями подлежащая лексема отражает действительные свойства описываемого предмета. Частичная морфологизация осуществляется с лексемами, которые избираются говорящим для выражения сказуемого и дополнения. Почему это так?

Некоторые семантические компоненты сказуемых и дополнений отражают реальные, объективные свойства описываемых явлений. Эти компоненты формируются в морфологический период фразообразования, но другие компоненты не отражают объективных свойств обозначаемых явлений, а являются результатом синтаксического согласования или управления. Пос-

ледние формируются в синтаксический период фразообразования. Вот почему в морфологический период фразообразования сказуемое и дополнение морфологизируются лишь частично, в синтаксический же период их морфологизация завершается полностью.

Какие именно семантические компоненты морфологических значений у данных членов предложения формируются в морфологический период фразообразования? У сказуемого это вид, время, наклонение и залог. Другие компоненты его значения — лицо, число и род — формируются в синтаксический период фразообразования. Они являются результатом согласования сказуемой лексемы с подлежащей. Иначе говоря, категории лица, числа и рода у глагола не являются собственно морфологическими. Они имеют синтаксическую природу. Их содержание связано со свойствами предмета, обозначаемого подлежащим, а не действия, которое обычно обозначается с помощью глагольного сказуемого. В свою очередь, у дополнения на морфологический и синтаксический периоды фразообразования приходится формирование падежного значения. С одной стороны, оно отражает объективные свойства описываемой действительности, а с другой, они представляют собою результат управления со стороны глагольного предиката.

Полностью в синтаксический период фразообразования морфологизируются адъективные определения и адвербиальные обстоятельства. Это связано, во-первых, с тем, что, в отличие от подлежащих, сказуемых и дополнений, они относятся к факультативным членам предложения, а во-вторых, адъективные определения своими значениями рода, числа и падежа не отражают объективных свойств описываемых качеств, но являются результатом согласования с определяемым существительным. Выходит, что категории рода, числа и падежа у прилагательных не являются собственно морфологическими. Они имеют синтаксическую природу.

Результатом морфологической деятельности говорящего является морфологическая синтагма. Она предполагает полную морфологизацию подлежащей лексемы, частичную морфологизацию сказуемой лексемы и лексемы-дополнения:

Брат + читает (вид, время, наклонение, залог) + **книгу** (род, число и отчасти падеж).

30. Синтаксис.

Структурно-ономасиологический аспект

Структурно-ономасиологический синтаксис занимается систематизацией синтаксических содержательных структур, функционирование которых происходит в третий период фразообразования. Как и в любую другую содержательную структуру языка, в синтактико-ономасиологическую структуру входит несколько синтаксических структур формального типа. Последние у нас часто называют структурными схемами предложения. Их состав довольно полно описан в двух последних академических грамматиках русского языка — 1970 и 1980 годов. Содержательные же структуры языка в синтаксисе обычно называют смысловыми структурами предложения. Описание их в нашей науке лишь начато, хотя имеется достаточно исследований в этой области. Это и «Очерки синтаксиса современного итальянского языка» Т.Б. Алисовой (М., 1971), и «Проблемы системного описания синтаксиса» О.И. Москальской (М., 1974), и «Семантико-синтаксическая организация предложения» В.В. Богданова (Л., 1977), и др.

Отправным пунктом ономасиологической классификации предложений является тот или иной тип ситуации. Так, в основе ономасиологической классификации простых предложений лежат определённые типы элементарных ситуаций. В состав таких ситуаций могут входить либо субстанции, либо процессы, либо те и другие вместе. По числу компонентов элементарные ситуации могут быть однокомпонентными, двукомпонентными и т.д. Однокомпонентные ситуации обозначаются с помощью односоставных предложений, а многокомпонентные — с помощью двусоставных. Односоставные предложения подразделяются на субстанциальные (*Ночь. Улица. Фонарь. Аптека. А. Блок*) и процессуальные (*Смеркается. Светает. Нездоровится*).

К основным типам двусоставных предложений относятся предложения субстанциально-процессуальные (*Поезд идёт. Мне холодно*) и субстанциально-процессуально-субстанциальные (*Ветер угул лодку. Папа зашёл в магазин*). В основе предложений первого типа лежит ситуация «субстанция + процесс», в основе пред-

ложений второго типа — ситуация «субстанция + процесс + субстанция».

Ономасиологическая классификация предложений исходит не только из количества субстанций и/или процессов, но и из их качества. Так, субстанциально-процессуальные предложения могут быть подразделены на подтипы в соответствии с разными видами субстанций и процессов, а также с их разными комбинациями. Субстанции могут быть агенсами, пациенсами и агенсами, которые одновременно являются и пациенсами, предметами характеристики и т.д., а процессы — действиями, состояниями, характеристиками и т.п. Исходя из этих видов субстанций и процессов и их комбинаций, мы можем выделить семь типов субстанциально-процессуальных ситуаций и соответствующих им синтактико-ономасиологических структур русского языка:

1. Агенса + действие: агентивно-акциальная структура (*Бабушка гуляет. Он стал работать. Приехало много гостей*).
2. Агенса + состояние: агентивно-статуальная структура (*Он спит. Отец хочет отдохнуть. Ему хочется прилечь*).
3. Пациенса + действие: пациентно-акциальная структура (*Бойца ранило. У меня кашель. Город горел*).
4. Пациенса + состояние: пациентно-статуальная структура (*Мне холодно. Ему нездоровится. Меня тошнит. У меня тоска. Он в горе*).
5. Агенса / пациенса + действие: агентивно / пациентно-акциальная структура (*Мальчик моется. Они целуются. Ребенок плачет. В публичке смех. Мать в слезах*).
6. Агенса / пациенса + состояние: агентивно / пациентно-статуальная структура (*Отец сердится. Они радуются. Им весело*).
7. Предмет + характеристика: предметно-кваликативная структура (*Он ленив. Повреждение исправлено. Он учитель. Он сидит голодный /-ым/. Собаки кусаются. Роптать — грех. Жить — значит любить*).

Эта классификация показывает, что в каждой из семи синтактико-ономасиологических структур имеется несколько синтактико-семасиологических структур. Возьмите, например, последнюю

ономасиологическую структуру. В ней имеется больше всего формальных синтаксических структур, т.е. предложений, которые реализуют разные структурные схемы. В составе той или иной синтактико-ономасиологической структуры представлены не только те конструкции, которые выступают в своём прямом смысле, но и конструкции, выступающие в переносном значении. Так, в последней структуре имеется возвратная конструкция (*Собаки кусаются*). Эта конструкция в своём прямом значении описывает ситуацию № 5 (агентивно / пациентно-акциальную), однако в составе структуры № 7 она выступает в переносном смысле. Перед нами случай употребления возвратной конструкции в предметно-кваликативном значении. Таким образом, и в области структурно-ономасиологического синтаксиса мы имеем дело с двумя зонами синтактико-ономасиологических структур — нетранспозиционной и транспозиционной. Более того, для каждого типа ситуации можно выделить ядерную конструкцию. В нашей классификации эти конструкции стоят на первом месте. Все это говорит об однотипности строения разноуровневых содержательных структур языка.

На примере субстанциально-процессуальных предложений мы рассмотрели, каким образом осуществляется классификация предложений в структурно-ономасиологическом синтаксисе. В основе этой классификации лежит определённый тип описываемой ситуации, как отправной пункт данной классификации. От него мы продвигаемся к различным формальным синтаксическим конструкциям, которые обслуживают описание данного типа ситуации. Совокупность этих конструкций и составляет синтактико-ономасиологическую (синтаксическую содержательную) структуру языка, связанную с обозначением данного типа ситуации. В задачу структурно-ономасиологического синтаксиса входит систематизация такого рода структур.

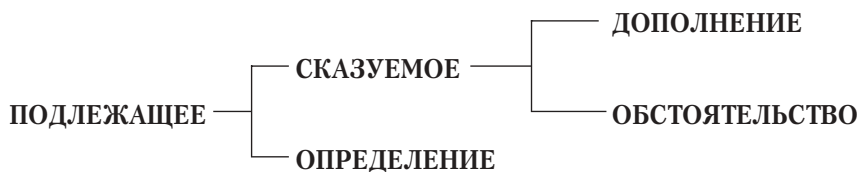
31. Синтаксис. Функционально-ономасиологический аспект

Функционально-ономасиологический синтаксис изучает проблемы, связанные с функционированием содержательных синтак-

сических структур языка в речевой деятельности говорящего, направленной на создание предложения. Это происходит в третий, заключительный, период фразообразования, имеющий две основные фазы. Первая из них связана с построением синтаксической стеммы, а вторая — с её линейризацией (т.е. установлением порядка слов в предложении). Рассмотрим эти фазы синтаксического периода фразообразования.

Процесс стеммообразования в синтаксический период фразообразования завершает морфологизацию тех членов предложения, которые входили в морфологическую синтагму. Вспомним, что в морфологический период фразообразования полностью морфологизируется только подлежащее, тогда как другие члены создаваемого предложения подвергаются лишь частичной морфологизации или не морфологизируются вовсе. В синтаксический период фразообразования завершают морфологизацию сказуемые и дополнения и полностью морфологизируются адъективные определения и наречные обстоятельства.

В центре синтаксической стеммы находится подлежащее (синтаксический субъект), а значит, в процессе фразообразования происходит смена предикатоцентрической точки зрения на субъектоцентрическую. Эти теории стеммообразования не следует рассматривать как взаимоисключающие. Предикатоцентрическая теория верна в приложении к лексическому периоду фразообразования, а субъектоцентрическая — к синтаксическому. Можно представить синтаксическую стемму следующим образом:

Подлежащее в рассматриваемый период возглавляет процесс стеммообразования. От него зависят сказуемое и определение, а от сказуемого, в свою очередь, зависят дополнение и обстоятельство.

Созданием синтаксической стеммы заканчивается первая фаза синтаксического периода фразообразования. На второй фазе этого периода осуществляется линейризация синтаксической стеммы. В

качестве основных факторов словорасположения следует рассматривать стемматический («грамматический» в традиционной терминологии) и фактор актуального членения.

Стемматический фактор словоупорядка закрепляет в предложении те зависимости, которые имеются в синтаксической стемме. Следовательно, он требует поставить подлежащее перед сказуемым, а дополнение — после сказуемого. Связь определений и обстоятельств с подлежащим не является непосредственной — с определением она опосредуется сказуемым, а с обстоятельством — через сказуемое и дополнение. Вот почему положение определения и обстоятельства в предложении является менее определённым, чем положение сказуемого и дополнения. Иначе говоря, действие стемматического фактора на определения и обстоятельства является менее сильным, чем на сказуемое и дополнение. Вот почему в разных языках положение определения по отношению к подлежащему может быть разным — в русском оно стоит обычно перед подлежащим, а во французском — после. Подобным образом и обстоятельство часто стоит в начале предложения или перед сказуемым. Однако наиболее типичен такой «грамматический» словоупорядок: *определение — подлежащее — обстоятельство — сказуемое — дополнение*. На конкретном примере это выглядит так: *Старший брат увлечённо читает книгу*.

Фактор актуального членения предложения может не вступать в противоречие со стемматическим. Это происходит, например, в том случае, если подлежащее выражает тему, а сказуемое и дополнение — рему (*Что делает брат? Брат / читает книгу*). Но чаще всего между данными факторами возникает противоречие, которое может разрешаться в пользу актуального членения, если говорящий избирает для выражения актуального членения именно словоупорядок, а не логическое ударение. Так, фактор актуального членения одерживает верх над стемматическим, если говорящий выражает рему с помощью дополнения постановкой его на первое место (*Что читает брат? Книгу / читает брат*). Но если говорящий выражает актуальное членение с помощью логического ударения, то он оставляет в силе действие стемматического фактора словоупорядка (*Что читает брат? Брат читает / книгу*).

В связи с тем, что актуальное членение осуществляется не только с помощью словоупорядка (когда рема ставится перед те-

мой), но и при помощи других средств — в первую очередь с помощью логического ударения, — учение об актуальном членении предложения занимает в какой-то мере автономное положение по отношению к учению о словопорядке.

В настоящее время существует много теорий актуального членения (или функциональной перспективы) предложения. Широкую известность получили теории, созданные на родине В. Матезиуса — в Чехословакии. Это теории Яна Фирбаса и Франтишка Данеша.

Я. Фирбас назвал свою теорию актуального членения предложения теорией коммуникативного динамизма. Эта теория исходит из того, что разные члены предложения обладают разной степенью коммуникативного динамизма (СКД). Те члены, которые выражают рематическую информацию, обладают более высокой СКД, а те, что выражают тематическую информацию, — менее высокой. Причем между ними есть и промежуточные по степени выражения темо-регатической информации члены предложения. В основу определения различных степеней коммуникативного динамизма у Я. Фирбаса положена роль того или иного компонента в описываемой ситуации («сцене»). Предмет, появляющийся на сцене, обычно обозначается подлежащим, которое выражает наибольшую степень коммуникативного динамизма. Это рема в чистом виде. Появление предмета обычно обозначается с помощью сказуемого. Оно передает менее высокую СКД. Это промежуточный между ремой и темой член предложения. Далее обычно следует член предложения, который обозначает обстоятельство (самое сцену или «кулису»). Данный член предложения выражает наименьшую СКД и, следовательно, составляет тему как таковую. Все это можно увидеть на предложении *Мальчик вошел в комнату* (Р—Р/Т—Т).

Теория Я. Фирбаса полностью отходит от интерпретации темы и ремы как таких членов предложения, которые несут известную и неизвестную информацию. Данная теория по существу отказывается от контекстуального критерия актуального членения, из которого исходил В. Матезиус вслед за А. Вейлем. Она полностью опирается на ситуативный критерий. Более удачной, на мой взгляд, является теория Ф. Данеша, которая опирается на контекстуальный критерий актуального членения.

Теория Ф. Данеша может быть названа теорией идентификации известной информации. В соответствии с нею та часть текста, которая предшествует данному элементу текста, обозначается как K_1 и принимается за выражение известного (или тематической информации). Оставшаяся часть текста обозначается как K_2 и принимается за выражение неизвестного и нового. Иначе говоря, в K_2 мы имеем дело с новыми темами и ремами, которые лишь программируются говорящим, но ещё не стали реальностью. Понятно, что в процессе текста граница между двумя указанными контекстами продвигается вперёд.

Такой подход к описанию актуального членения предложения позволяет увидеть отсутствие резкой границы между тематической (известной) и рематической (неизвестной) информацией. Так, предмет, названный в K_1 , обозначается темой, но если в K_2 он выражается синонимом? Это означает, что данный член предложения содержит и тематическую, и рематическую информацию. Чего больше? Очевидно, первой. А ведь он может быть назван не только с помощью синонима, но и с помощью местоимения, имени собственного, гиперонима, гипонима, метафоры и т.д. Как здесь быть? Снова совмещение нового и старого, неизвестного и известного. Мы наблюдаем здесь проникновение теории актуального членения предложения в теорию компонентного анализа значения. Необходимо проделать компонентный анализ значений данных слов, чтобы определить, чего в них больше — тематической или рематической информации.

Итак, функционально-ономасиологический синтаксис завершает ономасиологическое фразообразование в целом. Он описывает основные фазы синтаксического периода фразообразования — стемматическую и линейную. К последней примыкает актуальное членение создаваемого предложения.

32. Лингвистика текста.

Семасиологический и ономасиологический аспекты

Известно, что филология зародилась как наука об истолковании устаревших текстов (гомеровских в Греции, ведических в Ин-

дии и т.д.), однако со временем текст как объект лингвистического исследования перестал существовать. Только в XX в. текст начинает вводиться в состав лингвистических единиц. Науку о тексте стали называть по-разному: лингвистикой текста, текстолингвистикой, транслингвистикой, гиперсинтаксисом, грамматикой текста, синтаксисом текста и т.д. Вычленение лингвистики текста как относительно самостоятельной лингвистической дисциплины приходится приблизительно на 60—70-е годы XX в. «Стремительное развитие лингвистики текста, — писала Т.М. Николаева в предисловии к 8-му выпуску сборника «Новое в зарубежной лингвистике» (М., 1978), полностью посвященному лингвистике текста, — связано с целым комплексом изменений в лингвистических ценностях, задачах и позитивных программных установках. Можно говорить об атмосфере некоторого “бума” вокруг этой области, которую иные считают уже не областью, а фундаментом, базой лингвистики в целом» (указ. соч. с. 5). В конце 70-х и в 80-х годах вышло много работ по лингвистике текста и у нас:

1. Синтаксис текста / Под ред. Г.А. Золотовой. — М., 1979.
2. *Москальская О.И.* Грамматика текста. — М., 1981.
3. Аспекты общей и частной лингвистической теории текста / Под ред. Н.А. Слюсаревой, Ф.М. Березина и Н.Н. Трошина. — М., 1982.
4. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. — М., 1981.

Существует много определений текста. Создание определений любых лингвистических единиц довольно сложно, поскольку между ними нет резкой границы. Предположим, что вам пришла записка. В ней — только один знак *I*, что в переводе с латинского означает «*Иди*». Что это за лингвистическая единица? Текст? Текст. Предложение? Предложение. Слово? Слово. Морфема? Морфема. Фонема? Да. Этот пример показывает, что между лингвистическими единицами нет непреодолимой пропасти. Тем не менее относительная граница между ними всё-таки существует. Так, текст — это, как правило, совокупность нескольких предложений, связанных между собой единой тематикой.

Текст может изучаться с семасиологической и ономасиологической точек зрения. В первом случае за исходную принимается позиция слушающего, во втором — позиция говорящего. Семасиологическая лингвистика текста во многом обязана своим развитием немецкому учёному Вольфгангу Дресслеру. В 1973 г. вышло его *Einführung in die Textlinguistik* «Введение в лингвистику текста» (см. реферат на него в сб. «Проблемы теории текста». — М., 1978. С. 55—73). Многие воспринимают эту книгу как научное обоснование лингвистики текста в качестве самостоятельной науки.

В. Дресслер ставил прежде всего задачу описать формальную устроенность текста. Вместе с тем он стал подразделять лингвистику текста на ряд дисциплин, каждой из которых отводился свой предмет исследования. К этим дисциплинам он относил семантику текста (изучает значение текста), прагматику текста (изучает функции текста во внеязыковом контексте), фонетику текста (изучает текст с его звуковой стороны). Сюда же присоединялся синтаксис текста, который, по его мнению, должен изучать способы выражения различного содержания с помощью определенных текстуальных средств. Эту дисциплину можно расценивать как ономасиологическую.

В области семасиологической лингвистики текста работают такие исследователи, как М. Пфютце, З. Шмидт, В. Кох, С. Хэрис, К. Кожевникова, а также Г.Я. Солганик, Л.М. Лосева и др. Укажу здесь лишь на две книги:

1. *Солганик Г.Я.* Синтаксическая стилистика. — М., 1973.
2. *Лосева Л.М.* Как строится текст. — М., 1980.

В области ономасиологической лингвистики текста работают такие ученые, как Ф. Данеш, Я. Корженский, Г.А. Золотова, Н.Д. Арутюнова и др. Рассмотрим семасиологический и ономасиологический аспекты лингвистики текста в отдельности.

СЕМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЛИНГВИСТИКИ ТЕКСТА

Формальная устроенность текста может исследоваться с синтетической (интегральной) и аналитической (дифференциальной)

точек зрения. В первом случае речь идёт об исследовании текста в целом, а во втором — об исследовании внутритекстуальных единиц. К последним обычно относят предложение, сложное синтаксическое целое (ССЦ), абзац, фрагмент, главу, часть и т.п. единицы текста. Главной категорией синтетической лингвистики текста является связность (когерентность, когезия). В самом деле, без связности нет текста. Покажем это на примере:

Назначенные на сегодня поэтические чтения отменяются. Жил на селе одинокий старик. У сороки есть прозвище — белобока.

Мы не можем считать эту цепочку предложений текстом, потому что в ней нет главного — связности между предложениями. Исследовать связность текста — значит изучать те средства, которые скрепляют текст, делают его единым целым.

Г.Я. Солганик предложил подразделить связующие средства в тексте на три типа — цепной связи, параллельной связи и присоединительной связи. Первый из них является основным. Он предполагает осуществление связи в тексте с помощью лексических повторов, местоимений, синонимов и т.п. способов, при которых отдельные элементы в тексте «цепляются» за другие. Поясню это на примерах. Прочитайте текст:

1. *Однажды Дворжак со своим другом на пути из Праги в Вену проезжал южно-чешские озера, и его друг сделал замечание о том, что очень много комаров.*
2. *Дворжак отозвался на это замечание только по прибытии в Вену.*
3. *Он сказал: «Это всё пруды».*

В этом тексте три предложения. Связь между 1 и 2 предложениями осуществлена с помощью лексического повтора (*Дворжак — Дворжак*). А связь между 2 и 3 предложениями реализована за счёт местоимённой связи (*Дворжак — он*). Но можно было бы продолжить этот текст и использовать при этом для обозначения чешского композитора различные синонимы (в самом широком смысле этого термина — включая гиперонимы, гипонимы, метафоры и другие наименования). У М. Булгакова Воланд, например, назван таким рядом имен: *неизвестный, незнакомец, заграничный гость, иноземец, интурист, подошедший, владелец портсигара, больной, полоумный немец, заграничный чудак, уче-*

ный, профессор, консультант. Во всех этих случаях мы имеем дело с цепной текстуальной связью.

Параллельный тип текстуальной связи осуществляется за счёт подобных синтаксических конструкций. Так, подобные конструкции использованы у Н.В. Гоголя: *Последний день перед Рождеством прошёл. Зимняя, ясная ночь наступила. Глянули звёзды.*

Особую разновидность параллельной связи в тексте составляет анафорический параллелизм. Он состоит в подкреплении конструктивного подobia лексическим повтором:

Горы — символ родины.

Горы — идеальное мерило человеческого величия, мудрости, чистоты и мужества.

Присоединительный тип текстуальной связи состоит в разрыве предложений, реализующих один тип предложения. Разрыв может осуществляться между главной и придаточной частями сложного предложения. Например, у И. Тургенева: *В Киеве он прожил целых двенадцать лет. Оттого он так хорошо говорит по-русски.*

Разрыв предложения между отдельными членами простого предложения также иногда встречается в текстах: *Кружкин болен. Упорно. Злостно. Длительно.*

Среди внутритекстуальных единиц наиболее изученной является сложное синтаксическое целое (ССЦ). Л.М. Лосева следующим образом определяет ССЦ: «Каждое ССЦ — это рассказ в миниатюре — со своим началом, развитием действий и концовкой» (указ. соч. с. 63). Иначе говоря, ССЦ — это часть текста, которая посвящена описанию какой-либо микротемы. Л.М. Лосева утверждает, что ССЦ на 86% совпадают с абзацами в тексте. Выходит, таким образом, что по отношению к абзацам мы можем подразделять ССЦ на одноабзацные, внутриабзацные и многоабзацные. Какими являются ССЦ в приводимом ниже отрывке из текста А.П. Чехова?

1. *Надя уже сильно тосковала и каждый день думала о матери и о бабушке, думала о Сае.*
2. *Письма из дому приходили тихие, добрые, и, казалось, всё уже было прощено и забыто.*

3. *В мае после экзаменов она, здоровая, веселая, поехала домой и на пути остановилась в Москве, чтобы, повидаться с Сашей.*
4. *Он был всё такой же...*

Далее идут предложения, посвященные другой микротеме — Саше. Как видим, эти два ССЦ являются внутриабзачными.

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЛИНГВИСТИКИ ТЕКСТА

Данный аспект лингвистики текста связан с объяснением процесса построения нового текста. Бесспорно, этот процесс чрезвычайно сложен, тем более, если речь идёт о большом тексте. Н.Д. Арутюновой удалось создать теорию, которая довольно просто объясняет данный процесс. На примере этой теории ознакомимся с ономасиологическим аспектом лингвистики текста.

Номинативная теория текста Н.Д. Арутюновой построена на выделении четырёх видов номинации — интродуктивной (вводной), идентифицирующей (уподобляющей), атрибутивной (или предикативной) и апеллятивной (с помощью обращений).

Интродуктивная номинация включает наименования предметов мысли в тексте впервые. Так, в предложении *У нас в роте был один солдат* интродуктивную функцию осуществляет слово *солдат*, поскольку в дальнейшем речь пойдет о нём.

Идентифицирующая номинация — повторная номинация уже названного предмета мысли в тексте. В английском языке для интродуктивной номинации используется обычно неопределённый артикль, а для идентифицирующей — определённый: *I saw a girl. The girl was pale* «Я увидел девушку (интродуктивное имя). Девушка (идентифицирующее имя) была бледной».

Атрибутивная номинация — обозначение признаков у предметов описания в тексте. Каждый предмет может быть описан с помощью бесконечного числа наименований, поскольку его свойства и отношения с миром являются бесконечными. Любой предмет, по выражению Н.Д. Арутюновой, обладает потенциальной гетерономинативностью, т.е. может быть описан бесчисленным количеством наименований.

Четвёртый тип номинации занимает особое положение в тексте. Он состоит в различных обращениях автора текста к его получателю (*дорогой, солнышко, мерзавец, негодяй* и т.д.).

С помощью первых трех видов номинации Н.Д. Арутюнова описывает механизм построения нового текста: интродуктивное имя называет предмет описания в тексте впервые, идентифицирующее делает это на протяжении текста, а атрибутивное указывает на тот или иной признак этого предмета.

**ИСТОРИЯ
ЯЗЫКОЗНАНИЯ**

1. Языкознание в Античности. Зарождение семасиологического подхода к изучению языка

Подобно тому как в истории философии выделяют два ведущих направления — материализм и идеализм, в истории языкознания можно выделить семасиологическое и ономасиологическое направления. Для первого из них было характерно выдвижение на первый план позиции получателя речи, а для второго — позиции отправителя речи.

Зарождение семасиологического направления в древности было связано с необходимостью в истолковании устаревших текстов. В Индии это были «Веды», в Китае — книги «И цзин» (Книга перемен), «Ши цзин» (Книга песен) и «Шу цзин» (Книга преданий), а в Греции — гомеровские поэмы.

Первые языковеды в Индии были, как правило, брахманами. Они и занимались в основном истолкованием ведических текстов, представляющих собою собрание индуистских мифов. Перед ними также стояли задачи, связанные с необходимостью в нормировании литературного языка. Этот язык они называли «обработанный» (санскрит). Ведический же язык расценивался как эталон для формирующегося санскрита. Эталонное положение ведического языка в данной ситуации объяснялось просто — он считался языком богов.

На научную высоту древнеиндийское языкознание поднялось благодаря самому знаменитому индийскому языковеду — Панини (годы жизни точно не известны; предполагают, что он жил где-то в VII—II вв. до н.э.). Ему принадлежит книга, получившая широкую известность, — «Восьмикнижие». Этот труд содержит сведения по фонетике, морфологии, синтаксису и другим разделам санскритской грамматики. Своеобразие фонетической классификации у Панини состоит в том, что гласные и согласные классифицировались им в одной системе критериев. Так, по степени близости языка к пассивным органам все звуки делились на пять групп —

звуки полного контакта, легкого контакта, закрытые, полузакрытые и открытые. В области морфологии Панини выделял четыре части речи — имя, глагол, предлог и частицу. Синтаксические правила выглядят у него как комбинаторика словоформ, признаваемая за нормативную.

Истолкованием устаревших текстов в Китае занимались в древности философы. Эту работу возглавил Кун Фу-цзы (Конфуций), живший с 551 до 479 г. до н.э. В комментариях конфуцианцев обнаруживаются первые подступы к разработке лингвистической науки в Китае. Приблизительно к III в. она становится у древних китайцев на твёрдую почву. Своеобразие древнекитайского языкознания состоит в том, что оно было по преимуществу лексикографическим. Наибольшую известность приобрели четыре древнекитайских словаря — «Эръя» (III в.), «Фан янь» (I в. до н.э. — I в.), «Шо вэнь» (I—II вв.) и «Ши мин» (II в.). Словари «Эръя» и «Шо вэнь» были идеографическими, т.е. являлись той разновидностью толковых словарей, статьи в которых помещаются не по алфавиту, а по близости идей. Слова в этих словарях группируются в соответствии с картиной мира. Отсутствие алфавитных словарей объясняется особенностью их иероглифической графики. «Фан янь» — диалектологический словарь. Составитель этого словаря Ян Сюн к литературным словам добавлял диалектные. «Ши мин» — этимологический словарь. Его составитель Лю Си устанавливал главным образом ложные этимологии: *Жи (солнце) — ши (полный)*, *Юэ (луна) — цюэ (ущербный)*, *Дун (зима) — чжун (конец)*.

«Большая часть этих объяснений, — писал С.Е. Яхонтов, — явно притянута за уши» (Яхонтов С.Е. История языкознания в Китае // История лингвистических учений. Древний мир / Под ред. А.В. Десницкой и С.Д. Кацнельсона. — Л., 1980. С. 99).

Истоки семасиологического направления в греческом языкознании восходят к александрийским филологам. Самыми выдающимися представителями александрийцев считают Дионисия Фракийского (II—I вв. до н.э.) и Аполлония Дискола (II в. до н.э.). Остановимся на краткой характеристике их грамматического наследия в отдельности.

Работа Дионисия «Грамматическое искусство» была сориентирована на деятельность получателя речи. С этой, семасиологической, точки зрения Дионисий подходил и к определению граммати-

ки. Он писал: «Грамматика есть осведомленность (эмпирия) в большей части того, что говорится у поэтов и прозаиков» (*Фрейденберг О.М.* Античные теории языка и стиля. — М., 1936. С. 105). Грамматика при таком подходе сливается с литературоведением. Её задачи оказываются направленными на формирование у учащихся филологической эрудиции. Однако основное внимание в грамматике Дионисия уделено описанию частей речи и их акциденций (свойств). Его грамматика явно морфологоцентрична. Это означает, что словообразование и лексикология в ней поглощены морфологией.

Словообразовательные и лексикологические категории в грамматике Дионисия, как и его римского последователя Элия Дона-та, ставились в один ряд с морфологическими. Так, вместе с морфологическими категориями рода, числа, падежа у имён усматривались категории «образа» и «вида». Первая из них является словообразовательной, а другая — по преимуществу лексической. К «образам» имени Дионисий относил три словообразовательные формы имен существительных — простую (*Мемнон*) и две сложных (*Агамемнон*, *Агамемнонид*). Под «видами» слов греческий грамматист часто имел в виду их омонимы, синонимы, антонимы, гиперонимы и т.д.

Главная заслуга Дионисия в создании учения о частях речи и их акциденциях. Дионисий выделил восемь частей речи. При этом он опирался уже на определённую традицию. Стоик Хрисипп, в частности, различал пять частей речи — имя нарицательное, имя собственное, глагол, союз и артикль. В этой классификации лексические критерии ещё не отграничены четко от морфологических. Этим объясняется тот факт, что Хрисипп рассматривал имена нарицательные и собственные как особые части речи, а между тем с морфологической точки зрения они не отличаются. Разница между ними лексическая, а не морфологическая.

Дионисий проводил разграничение частей речи главным образом на собственно морфологической основе. Он выделил следующие части речи: имя (куда включались не только существительные, но прилагательные и числительные), глагол, причастие, артикль, местоимение, предлог, наречие (куда включались частицы и междометия, а не только наречия) и союз. Как видим, эта классификация составила основу традиционного деления слов по частям речи в европейской грамматике. Не случайно Ф.Ф. Зелинский

писал: «Грамматика Дионисия Фракийского является матерью всех европейских грамматик с русской включительно» (цит. по: История лингвистических учений. Древний мир // Под ред. А.В. Десницкой и С.Д. Кацнельсона. — Л., 1980. С. 233). Посмотрим, как Дионисий определял и охарактеризовывал самостоятельные части речи.

Имя определялось как «склоняемая часть речи, обозначающая тело или вещь (бестелесную), например, камень, воспитание» (там же, с. 216). У имён выделялись категории рода, числа и падежа. Род подразделялся на мужской, женский и средний; число — на единственное, двойственное и множественное; падеж — на именительный, родительный, дательный, винительный и звательный. Глагол у Дионисия определяется как «беспадежная часть речи, которая может принимать времена, лица, числа и выражает действие или страдание» (там же, с. 219). Кроме времени, лица, числа и залога, к акциденциям глагола Дионисий относил пять наклонений (изъявительное, повелительное, сослагательное, желательное и неопределённое) и два вида (однократный и многократный: *ходил — хаживал*). «Причастие, — пишет Дионисий, — это слово, имеющее свойства глаголов и имен. Оно обладает теми же признаками, что имя и глагол, кроме лиц и наклонений» (там же, с. 220). Местоимения в описываемой грамматике определялись как слова, которые употребляются вместо имён, а наречия — как «несклоняемая часть речи, которая характеризует глагол и добавляет что-либо к нему» (там же, с. 221).

Работа Аполлония Дискола «Синтаксис частей речи» посвящена описанию сочетаемостных (валентных) свойств различных частей речи. В центре внимания исследователя при таком подходе оказываются не предложения, а словосочетания. Аполлоний исследовал сочетания артиклей, местоимений, глаголов, предлогов и других частей речи друг с другом, отмечая при этом правильные и неправильные словосочетания. Несмотря на то, что синтаксис у Аполлония морфологоцентричен, он способствовал выдвиганию синтаксиса на положение ведущей грамматической науки. Однако морфология ещё долгое время занимала центральное место в европейской грамматике.

Морфологоцентризм был весьма характерен для работ римских последователей александрийцев. Наибольшую известность среди них приобрели Элий Донат и Присциан. У последнего мы

обнаруживаем подытоживание того, что было сделано в грамматике не только греками, но и римлянами. В его курсе грамматики (VI в.) представлены фонетика, морфология и синтаксис. Присциан был весьма авторитетен в Средние века. Не менее популярен был и Донат.

«Грамматическое искусство» Доната (IV в.) включало две части — «Малое руководство» (*Ars minor*) и «Большое руководство» (*Ars maior*). Последнее предназначалось для углубленного изучения латинской грамматики, а первое — для её начального изучения. Оно было написано в диалогической форме. Вот некоторые выдержки из него:

- *Сколько частей речи?*
- *Восемь.*
- *Какие?*
- *Имя, местоимение, глагол, наречие, причастие, союз, предлог, междометие.*
- *Сколько акциденций у имени?*
- *Шесть.*
- *Какие?*
- *Качество, сравнение, род, число, фигура, падеж...*
- *Сколько падежей у имени?*
- *Шесть.*
- *Какие?*
- *Номинатив, генитив, датив, аккузатив, вокатив, аблатив.*

Александрийцы вместе с их римскими последователями выработали те грамматические представления, которые легли в основу традиционной семасиологической грамматики.

2. Языкознание в Античности. Зарождение ономаσιологического подхода к изучению языка

Зарождение ономаσιологического направления в грамматике связано в Европе с греческой философией языка. Особенно большую роль в этом сыграли **Платон** и **Аристотель**. Платон особое внимание в своем «Кратиле» уделял вопросам словообразования. Главная его забота заключалась в том, чтобы направить процессы

словообразования в гносеологические рамки. Вот почему он считал, что законодатель слова (т.е. автор нового слова) должен советоваться с философом («диалектиком»). Он писал: «А законодатель, видимо, должен делать имя под присмотром диалектика, если он намерен как следует устанавливать имя...» (*Платон. Соч. В 3 т. Т. 1. — М., 1968. С. 425*). «Диалектик» должен следить, чтобы новое слово создавалось в соответствии с природой обозначаемой вещи.

Аристотель больше интересовался проблемами фразообразования, чем словообразования. Грамматические представления вырабатывались у него в процессе философских занятий. Свою главную задачу он видел в разработке учения о бытии (онтологии) и того раздела гносеологии, который называют вслед за Г. Гегелем формальной логикой. Исследуя онтологические категории (сущности, количества, качества, отношения, места, времени и т.п.), Аристотель нередко обращался к средствам их языкового выражения и тем самым поступал как ономастиолог. Так, описывая категорию качества, он говорил: «Качества допускают большую и меньшую степень. Об одном белом говорят, что оно более бело или менее бело, чем другое... Сущность же никак не называется сущностью в большей или в меньшей мере» (*Аристотель. Соч.: В 4 т. — М., 1976. Т. 1. С. 77; 60*).

Описывая процесс суждения, Аристотель в какой-то мере приблизился к проблемам фразообразования. Это связано с тем, что процесс суждения может расцениваться как компонент фразообразовательной деятельности говорящего. Не случайно логические категории субъекта и предиката суждения, разработанные философом, на грамматической почве превратились в дальнейшем в категории подлежащего и сказуемого. Можно сказать, что Аристотель стоит у истоков учения о главных членах предложения.

Аристотелевские рассуждения о субъекте и предикате приобретали фразообразовательную ориентацию в тех случаях, когда он говорил о различных средствах языкового выражения данных категорий. Он указывал, что они могут выражаться словами в прямом и переносном значениях. В частности, в «Поэтике» мы обнаруживаем довольно основательное объяснение полисемии, которую Аристотель ещё не отличал от омонимии, включая последнюю в первую. У него имеются зачатки разработки не только лексических, но и морфологических категорий. Так, противопоставление

имени и глагола им проводилось не только на логической основе (в связи с их отношением к субъекту и предикату суждения), но и на собственно морфологической. Он противопоставлял имя и глагол по наличию / отсутствию морфологической категории времени. В «Поэтике» читаем: «Имя есть звук сложный, значащий, без признака времени... Глагол есть звук сложный, значащий, с признаком времени...» (Аристотель и античная литература / Под ред. М.Л. Гаспарова. — М., 1978. С. 145).

Если Аристотель ещё не выделял грамматику как особую науку, то римский учёный **Марк Теренций Варрон** (116—27 до н.э.) в своих лингвистических работах опирался уже на достаточно богатую к его времени грамматическую традицию. Он предпринял наиболее серьёзную попытку собственно лингвистического применения ономазиологического подхода к изучению языка в древности.

Лингвистическое мышление Варрона было ономазиологическим, каузальным и историческим. При этом ономазиологизм, каузальность (или причинность) и историзм (или диахронизм) тесно взаимосвязаны в его концепции. Факты современного языка римский грамматист стремился объяснять в связи с тем, как они возникли в языке. Отправным пунктом такого рода объяснений при этом он делал внеязыковое содержание, от которого продвигался к языковым формам его выражения. В отличие от своих предшественников Варрон исследовал проблему происхождения языка не только на уровне словообразования, но и на уровне формообразования (словоизменения). Иначе говоря, он стремился показать не только процесс создания новых слов, но и процесс образования новых словоформ.

К словообразованию и формообразованию Варрон подходил главным образом с исторической точки зрения, но к синтаксису — с описательной (синхронической). Он писал: «...речь по природе троична, и первая часть её — как слова были установлены для вещей, вторая — каким образом они, отклонившись от этих последних, приобрели различия; третья — как они, разумно соединяясь между собой, выражают мысль» (*Фрейденберг О.М.* Античные теории языка и стиля. — М., 1936. С. 80). К сожалению, из главного труда Варрона «О латинском языке» до нас дошли разделы, посвященные в основном словообразованию и морфологии.

В области словообразования Варрон выступал и как семасиолог, и как ономасиолог. С семасиологической точки зрения он подходил к теории этимологического анализа. Эту теорию он строил на предостережениях, адресованных этимологу, против возможных трудностей в его исследовательской деятельности. Они связаны:

- 1) с полным исчезновением некоторых слов из языка;
- 2) с изменением звуковой стороны у отдельных слов;
- 3) с появлением нового значения у того или иного слова при утрате старого;
- 4) с наличием заимствованной лексики;
- 5) с ошибками тех, кто создавал первые слова.

Эти предостережения, как видим, сохраняют в целом своё значение и сейчас (возьмите, например, слово *Кощей*. По внешнему облику напрашивается этимология — от *кость*, но на самом деле это слово заимствовано из тюркских языков, где оно имело значение *раб*. Это четвёртое предостережение Варрона). Указанные предостережения, вместе с тем, не помогли их автору избежать множества ложных этимологий. Так, *vinum* «вино», *vita* «жизнь», *video* «вижу» он возводил к *vis* «сила». Вино создает иллюзию силы; там, где жизнь, там и сила; зрение дает силу. Это ложные этимологии.

К описанию словообразовательных типов Варрон стремился подходить со структурно-ономасиологической точки зрения. Он исходил при этом из таких, в частности, категорий, как «целое» и «часть». В один словообразовательный тип попадали такие пары, как *homo* «человек» — *homunculus* «человечек» и *caput* «голова» — *capitulum* «головка», поскольку они находятся в отношении «целое — часть». Подобные категории у Варрона ещё выступают как основание для объединения лишь некоторых словообразовательных единиц, поэтому о развёрнутой ономасиологической классификации словообразовательных явлений языка говорить пока не приходится. Мы обнаруживаем у него лишь начало, зародыш этой классификации.

Варрон называл словообразование «произвольным склонением», противопоставляя его формообразованию («естественному

склонению»). Вот как он объяснял это: «Произвольное — это такое, когда каждый склоняет, как ему вздумалось. Так, например, если три человека купили в Эфесе по одному рабу, то бывает, что один склоняет имя от того, кто продал, от Артемидора, и называет Артемой; другой — от страны, где купил, от Ионии — Ионом; третий по Эфесу — Эфесием; а иной от другой какой-нибудь вещи» (*Фрейдберг О.М.* Античные теории языка и стиля. — М., 1936. С. 83). Стало быть, словообразование потому произвольно, что один и тот же предмет можно назвать по-разному, исходя из неодинаковых производящих слов. Формообразование же характеризуется постоянством, большей независимостью от говорящих, чем словообразование. «Естественным склонением, — писал Варрон, — я называю такое, которое возникает не от воли отдельных людей, а от общего согласия. Таким образом все, установив имена, одинаково склоняют их падежи и одинаково говорят: *этому Артему, этого Иона, этого Эфесия*, так же и в других падежах» (там же. с. 83). В отдельных случаях Варрон усматривал «произвол» и в словоизменении. Это, по его мнению, происходит, когда вместо одной морфологической формы употребляют несколько (ср. русские формы *«зимой»* и *«зимую»*).

У Варрона мы находим первую попытку структурно-ономасиологической классификации частей речи. Он делил все слова на четыре класса: имена (их объединяет наличие падежа), глаголы (их объединяет наличие времени), причастия (их объединяет наличие падежа и времени) и прочие слова, у которых нет ни падежа, ни времени. На первый взгляд кажется, что перед нами обычная ономасиологическая классификация частей речи, которая предполагает в качестве исходных некоторые ономасиологические категории, позволяющие объединять в один класс разные части речи. Действительно, у Варрона такая попытка имеется: в имена включены существительные, прилагательные, местоимения и числительные, однако содержательная природа категории, которая их объединяет, ещё остается у Варрона очень неопределённой (падеж интерпретировался как «отклонение вещи»). Во второй класс слов включались лишь глаголы. Третий класс также остается формально узким — в него входят только причастия. В основе четвёртого класса, наконец, вообще нет никакой содержательной категории. Попытка межуровневой классификации час-

тей речи на ономасиологической основе оказалась у Варрона в целом неудачной.

Более удачными были попытки римского учёного применить ономасиологический подход к изучению частных морфологических категорий. Так, исходя из категории пола, он обращал внимание на то, что в латинском языке нет строгой регулярности в средствах ее выражения. «Так, мужчина, — пояснял Варрон, — носит имя *Perpenna* или *Alfena* женское по форме, и наоборот, *paries* «стена» по форме сходно с *abies* «ель», но первое из этих слов считается мужского рода, а второе — женского, тогда как по природе и то и другое среднего» (там же, с. 95). Интересно объяснял Варрон наличие или отсутствие наименований у особей мужского и женского полов. Он вполне справедливо полагал, что пара слов *equus* «жеребец» и *equa* «кобыла» потому существует в латинском языке, что различие по полу у данных животных имеет важное значение для практической жизни человека. Напротив, различия ворона и вороны в латыни не проводится, поскольку это не имеет существенного значения для жизни человека.

В античности был популярен спор между аналогистами и аномалистами. Первые считали, что в языке господствует упорядоченность, признаком которой является аналогия, т.е. сходство между однотипными языковыми формами. Аномалисты, напротив, считали, что в языке больше различий, исключений из правил, ошибок. К аналогистам принадлежали александрийцы, а к аномалистам — пергамцы (филологи, жившие в г. Пергаме).

Варрон принял точку зрения аналогистов. Только ораторам и, в особенности, поэтам он позволял отступать от аналогии, от правил: «Итак, народ в целом должен для всех слов применять аналогию и, если его привычки неправильны, — сам их исправлять, тогда как оратор не должен применять её повсюду, и не может сделать это, не нарушая пределов положенного, а поэт может безнаказанно выходить за эти пределы» (там же, с. 94).

Итак, истоки ономасиологического направления в европейской грамматике восходят к греко-римской философии языка. Большое значение для зарождения этого направления имели труды Платона, Аристотеля и, в особенности, Варрона.

3. Языкознание в Средние века. Грамматическая концепция Томаса Эрфуртского

Главную роль в зарождении ономаσιологического направления в европейской грамматике сыграли авторы так называемых трактатов о модусах (способах) обозначения, которых принято называть модистами (от *модус*). К ономаσιологическому подходу в изучении языка они пришли в результате критического отношения к Донату и Присциану. Самым выдающимся модистом можно считать **Томаса Эрфуртского**, который издал в начале XIV в. книгу «Спекулятивная грамматика...». Она стала итогом той работы, которую проделали модисты в области ономаσιологической грамматики, однако у Томаса были предшественники. Назову только двух из них — Петра Гелийского и Роберта Килвордби, живших в XII в.

Петр Гелийский считается наиболее авторитетным комментатором Присциана в XII в. Однако он не был простым истолкователем Присциана, но относился к интерпретации «Курса грамматики» римского грамматиста творчески, т.е. вносил свой вклад в вопросы, связанные в первую очередь с причинами, как тогда говорили, изобретения частей речи и их акциденций. Он исходил при этом из необходимости наличия в языке имен существительных, имен прилагательных, местоимений и других частей речи, а также их морфологических признаков — падежей, чисел и др. Сама необходимость в них в свою очередь выводилась из свойств объективного мира. Последние становились у Петра Гелийского ономаσιологическими категориями, с которыми он соотносил те или иные языковые формы. Тем самым он становился на структурно-ономаσιологическую точку зрения.

У Петра Гелийского имеются элементы функционально-ономаσιологической интерпретации языковых явлений. Они связаны с его представлением о том, как люди говорят и пишут. Он описывал это как соединение звуков или букв в слоги, слогов в слова и слов в предложения. Несмотря на то что процесс построения речи в таком виде выглядит ещё очень механистично, в методическом отношении выводы Петра Гелийского о процессе порождения речи имели для своего времени чрезвычайное значение. Они свидетель-

ствовали о замене семасиологической точки зрения, представленной у Присциана, на ономасиологическую.

Роберт Килвордби сыграл важную роль в обосновании универсальной (общей) грамматики. Он связывал возможность построения такой грамматики с универсальной природой человеческого мышления. На специальные грамматики он смотрел как на особые варианты языкового выражения универсального содержания. Латинский же язык признавался за идеальный вариант языка вообще. Тем самым он расценивался как эталон для других языков. Подобным образом подходил к созданию своей «Спекулятивной (= философской, общей) грамматики» и Томас Эрфуртский.

Томас включал в грамматику только две дисциплины — морфологию («этимологию») и синтаксис («диасинтетику»). Словообразование ещё растворялось у него, как и у александрийцев, в морфологии, потому что словообразовательные категории рассматривались в одном ряду с морфологическими. Так, наряду с родом, числом и падежом, у имён рассматривались «первичные и вторичные виды» данной части речи. Под первичными видами он имел в виду производящие слова (напр., *mons* «гора»), а под вторичными — производные (*montanus* «горный»).

Несколько иначе Томас относился к лексикологии. Он не включал её в грамматику, однако в преамбуле к собственно грамматической части своей книги говорил о том, что словоформе предшествует дикцию (т.е. лексема). Можно сказать, что Томас был близок к тому, чтобы в своей грамматике рассматривать лексикологию как грамматическую дисциплину, однако в конечном счёте этого не произошло, поскольку дикцию не признавалось за грамматическую единицу. В состав грамматических дисциплин Томас включил только морфологию и синтаксис. При этом первая интерпретировалась им главным образом в структурно-ономасиологическом, а другой — в функционально-ономасиологическом плане.

В области морфологии заслуга Томаса состоит прежде всего в том, что ему удалось осуществить межуровневую (или межчастеречную) классификацию частей речи на ономасиологической основе, т.е. отталкиваясь от определённых содержательных категорий. К этим категориям он относил субстанцию, качество и отношение. С последней Томас соотносил морфологически неизменяемые час-

ти речи, а две первые связывал с различными частями речи следующим образом:

Эта классификация частей речи является ономаσιологической, потому что одна содержательная категория объединяет несколько частей речи (формально-морфологических структур). Так, субстанция объединяет существительные и местоимения, а внутреннее качество — прилагательные и причастия.

С ономаσιологической точки зрения Томас подходил и к определению отдельных частей речи (от вещи к слову). Так, глагол определялся как слово, которое обозначает внешние от его носителя качества. При этом категориальное значение глагола, как и любой другой части речи, связывалось Томасом с сущностными (эссенциальными) свойствами обозначаемого явления, а частноморфологические категории — со случайными акциденциями этого явления.

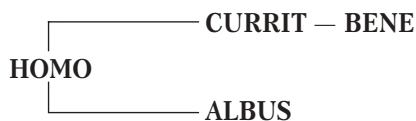
В выделении морфологических категорий Томас следовал за Присцианом, однако он стал рассматривать их с новой, ономаσιологической, точки зрения. Это значит, что за исходный пункт исследования он принимал то или иное содержание, связанное с данной морфологической категорией. Так, говоря о залогах, он делил все глаголы на четыре группы — активные (*ато* «люблю»), пас-

сивные (*amor* «*быть любимым*»), общие (*moror* «*задерживаюсь*») и нейтральные (*vivo* «*живу*»). Первые обозначают активные действия, вторые — пассивные, третьи — активно-пассивные и четвертые — не активные и не пассивные. Томас отмечал при этом, что в языке встречаются случаи, когда средства выражения соответственного залога могут употребляться в переносном значении. Так, форма *liceor* «*предлагаю*» обозначает активное действие посредством флексии пассивного залога.

Больших успехов достигли модисты в области синтаксиса. Если античная грамматика была морфологоцентрической, то они положили начало синтаксоцентрической тенденции в европейской грамматике. Иначе говоря, в центр своего внимания они стали помещать не части речи и их акциденции, а предложения. Более того, модисты подходили к ним с точки зрения говорящего. Иными словами, они ставили перед собою задачу построения ономаσιологического фразообразования. Самое удивительное состоит в том, что они уже наметили три стадии в процессе создания нового предложения — лексическую, морфологическую и синтаксическую.

Первую стадию фразообразования, по Томасу, составляет пассивный способ обозначения, состоящий в выборе морфологически неоформленной лексемы — дикцию, вторую составляет активный способ обозначения, заключающийся в морфологизации дикцию, и третья предполагает соединение словоформ в предложение. Хотя и в зародышевой форме, но в грамматике Томаса уже намечены два периода синтаксической стадии фразообразования — стемматический и линейный. Первый из них состоит в установлении иерархических отношений между членами создаваемого предложения, а второй — в установлении в нём порядка слов.

К истолкованию стемматического периода фразообразования Томас подходил с субъектоцентрической точки зрения, т.е. ставил во главу стеммы предложения не глагольный предикат, а субстантивный субъект (в его терминологии — не аппозитум, а суппозитум). Вот как можно представить стемму предложения «*Белый человек бежит хорошо*» (пример Томаса):

Средства выражения подлежащего Томас не сводил к формам номинатива. Он считал, что субъект мысли может выражаться и другими падежными формами: *Socratis interest* «Сократа интересует», *Socrati accidit* «Сократу принадлежит» и т.д.

Занимаясь проблемой словопорядка, Томас выделил два типа конструкций — интранзитивные и транзитивные. Первые начинаются с независимого члена предложения («конструктибилии»), а вторые — с зависимого. Соответственные примеры: «Сократ бежит», «Читаю книгу», где первый член предложения зависим от подразумеваемого «я».

Общий вывод: модисты должны рассматриваться как подлинные основатели ономасиологического направления в европейской грамматике. Их заслуга состоит в том, что они осуществили ономасиологическую интерпретацию традиционной семасиологической грамматики. К сожалению, многие идеи модистов были забыты в последующем — в эпоху Возрождения и в Новое время. Мы стали открывать для себя достижения средневековой грамматики сравнительно недавно, прежде всего благодаря научной и издательской деятельности Я. Пинборга и Г. Бурсилл-Холла. У нас наиболее значительный историко-научный источник по средневековому языкознанию — «История лингвистических учений. Средневековая Европа» под редакцией А.В. Десницкой и С.Д. Кацнельсона. (Л., 1985)

4. Языкознание в эпоху Возрождения. Грамматическая теория Ю. Скалигера

В эпоху Возрождения происходит возврат к установкам традиционной семасиологической грамматики. Это объяснялось появившейся в то время необходимостью создания грамматик национальных языков Западной Европы. Национальные языки стали приобретать статус литературных, вытесняя собою латынь, которая до того момента была литературным языком во Франции, Англии, Германии и других западноевропейских странах. Появилась необходимость в грамматических пособиях. Лингвистическая теория модистов не была приспособлена для педагогических целей. Зато старые латинские грамматики — прежде всего Доната и При-

сиана — очень легко было использовать в качестве образца для написания французских, немецких и других грамматик.

В XVI в. в Западной Европе появляется множество грамматик, в которых категории, выработанные на материале латинского и греческого языков, стали автоматически переноситься на почву описания родных языков. Часто они были простой калькой с латинских и греческих грамматик. Такой, например, была грамматика Жака Дюбуа (Сильвиуса) (1531). Вместе с тем уже тогда появились грамматисты, которые осознавали необходимость освобождения от латинской «схемы». К ним относится, в частности, Л. Мегрэ и Пьер де Рамэ (Рамус) (1515—1572).

Свою грамматику французского языка **Л. Мегрэ** назвал «Исследование французской грамматики». Её первое издание вышло в 1548 г. В его грамматике три части — орфография, пунктуация и морфология. Основное место занимает морфология. Наряду с тем, что автор следовал в описании французского языка за латинскими образцами, он хорошо осознавал специфику французской грамматики в сравнении с латинской. В частности, Мегрэ не признавал падежей у французских существительных. Он писал о падеже: «...французский язык его не знает, поскольку французские имена не изменяют своих окончаний» (цит. по: *Даниленко В.П.* Ономаσιологическое направление в грамматике. 2-е изд. — М., 2007. С. 151).

Рамус унаследовал от Л. Мегрэ сугубо семасиологические установки к описанию частей речи и их акциденций. Его можно отнести к первым формалистам в европейской грамматике. Он стремился описывать части речи исключительно по их формальным показателям, т.е. по флексиям рода, числа, лица, времени и т.д. Так, имена определялись им как слова, которые имеют морфологические показатели рода и числа, а глаголы — как слова, которые имеют показатели числа, времени и лица. У служебных частей речи нет морфологических показателей. Рамус нашел выход и из этой ситуации — он определяет их как слова без числа.

Самой крупной фигурой среди представителей семасиологического направления в грамматике XVI в. стал испанский учёный **Санчес де лас Бросас (Санкциус)** (1523—1601). Основную задачу своей грамматики латинского языка, названной им «Минервой...» и вышедшей в 1587 г., он видел в анализе уже готового

предложения, т.е. в членении его на слова, слов — на слоги, слов — на звуки.

Подобно Рамусу, Санкциус стремился подходить к описанию частей речи исключительно с точки зрения наличия или отсутствия у них тех или иных морфологических показателей. В области синтаксиса он стремился следовать Аполлонию Дисколу, т.е. исследовал правильные и неправильные сочетания различных частей речи друг с другом. Но он не был бы выдающимся учёным, если бы не ушёл дальше своего греческого предшественника. Санкциус разработал учение о двух типах синтаксических конструкций — универсальных и фигуративных. Под первыми он понимал такие синтаксические конструкции, которые встречаются во всех языках. В силу своей необходимости для любого языка они выглядят как обычные, привычные. Фигуративные же конструкции, напротив, — это необычные конструкции. К ним он относил, в частности, эллипсис и гипербат. В первом случае мы имеем дело с неполными предложениями, а во втором — с обратным порядком слов в предложении. О концепции Санкциуса подробнее смотрите в книге Л.А. Малявиной «У истоков языкознания Нового времени» (М., 1985).

Несмотря на то, что на господствующее положение в эпоху Возрождения выдвинулось семасиологическое направление, в какой-то мере продолжала развиваться и ономазиологическая грамматика, хотя она и не достигла в этот период значительных успехов. Наиболее авторитетной фигурой в данном направлении может быть признан **Юлиус Цезарь Скалигер** (1484—1558).

Скалигер назвал свою грамматику «О причинах латинского языка» (1540). Он сознательно противопоставил в ней собственную методологическую позицию традиционной семасиологической грамматике, которая определялась им как интерпретация, истолкование текстов. Он указывал: «Грамматики не являются интерпретациями авторов» (*Scaligeri de causis linguae latinae*. — Lyons, 1540. P. 3).

Скалигер подходил к определению задач грамматики с ономазиологической точки зрения, правда, не во всем последовательно. Так, все слова он делил на основные (кардинальные) и неосновные. К первым относил имена и глаголы, а ко вторым — остальные части речи. В этой классификации отсутствует ономазиологическая основа, хотя её автор и соотносил её с ролью частей речи в

суждении. Но и в этом последнем случае он отступал в морфологии от собственно морфологических критериев классификации, поскольку морфологические единицы при таком подходе классифицируются на основе логико-синтаксических категорий субъекта и предиката суждения.

Скалигер делал попытку подойти к классификации слов по частям речи и на собственно морфологической основе. Он стремился к тому, чтобы при отнесении слов к той или иной части речи исходили исключительно из смысловых критериев. В результате этого такие слова, как *pater* «отец», *mater* «мать», *servus* «слуга», являются не существительными, а прилагательными. Почему? Потому, отвечает Скалигер, что они обозначают не субстанции, а принадлежность — отца и матери — детям, а слуги — хозяину. Мы наблюдаем здесь явную переоценку содержательных классификационных критериев за счёт формальных. Не меняет в данном случае ситуацию и утверждение Скалигера о том, что названные существительные не обозначают, а сообозначают субстанции (а обозначают — качества). В области синтаксиса Скалигер наметил путь, по которому в дальнейшем пошли авторы знаменитой грамматики Пор-Рояля, к которой мы обратимся в дальнейшем. Он соотносил предложение с суждением. Основную функцию глагола Скалигер видел в том, чтобы выступать в суждении в роли связки. Еще до авторов грамматики Пор-Рояля он видел в связке «*быть*» подлинный, чистый глагол.

Итак, несмотря на то что Скалигер наметил путь, по которому в дальнейшем пошли авторы грамматики Пор-Рояля (это касается соотношения грамматических категорий с логическими), в целом на пути построения ономаσιологической грамматики ему не удалось уйти дальше модистов. Более того, его грамматика во многом была шагом назад в сравнении с грамматикой Томаса Эрфуртского, где гениально сформированы зародыши современных представлений о фразообразовании.

5. Языкознание в XVII в. Грамматика Пор-Рояля

В первой половине XVII в. в западноевропейских странах продолжали появляться исследования, авторы которых за исход-

ную принимали семасиологическую точку зрения. К ним можно отнести, в частности, **Шарля Мопа и Клода Вожла**. Первый из них — автор книги «Грамматика и синтаксис французского языка» (1625). Способ изложения материала в этой грамматике несколько отличается от традиционного, так как синтаксис в ней инкорпорирован в морфологию. Рассматривая акциденции той или иной части речи, Ш.Мопа сразу же описывал и её сочетаемостные свойства. Так, в связи с анализом акциденций у прилагательного он говорил, что французское прилагательное обычно ставится не перед существительным, как в латинском, а после. В отличие от Л. Мегрэ Ш. Мопа в выделении морфологических категорий у французских частей речи следовал всецело за Донатом и Присцианом. Например, он выделял шесть падежей у французских существительных: Nom. — *Prince*, gen. — *de Prince*, accus. — *le Prince*, dat. — *a Prince*, abl. — *du Prince*, voc. — *O Prince*.

Свой объёмистый труд К. Вожла назвал “*Remarques sur la lanque franzoise*” «Заметки о французском языке» (1647). Это справочник, в котором содержались орфоэпические, орфографические, морфологические и другие сведения нормативного характера о конкретных словах и выражениях. Так, в статье, посвященной словам *heros*, *heroine*, *heroique* «герой, героиня, героический» сообщается, что начальный звук в этих словах не произносится и что определённый артикль перед ними должен произноситься полностью (*le heros*, *a ne l'heros*).

Наряду с семасиологическими, в XVII в. стали развиваться и ономастиологические исследования. Наиболее выдающимся трудом этого типа стала книга **Г. Фоссиуса** “*De arte grammatica*” «О грамматическом искусстве» (1635), изданная в Амстердаме. Фоссиус выделил четыре типа языковых единиц — звуки, слоги, слова и предложения. Звуки, по мнению автора, изучаются «орфоэпией», слоги — «просодией», слова — «аналогией» и предложения — синтаксисом. Фоссиус отрицал семасиологическую («интерпретационную», или «экзегетическую») цель грамматики. Он видел её в том, чтобы объяснять «рациональные начала», лежащие в основе языка. Под ними же он понимал онтологические категории Аристотеля. Так, в основе существительных и личных местоимений, по Фоссиусу, лежит «рациональное начало», которое Аристотель назвал «первой сущностью». При этом Фоссиус

приписывал существительным третье лицо, отнимая данную категорию у глагола.

Наибольших успехов в области ономаσιологической грамматики в XVII в. достигла грамматика **Пор-Рояля**. Её авторами были французские учёные **Антуан Арно** (1612—1694) и **Клод Лансло** (1616—1695). Они назвали свою грамматику “Grammaire générale et raisonnée” «Общая и рациональная грамматика» (1660), а использовали её в качестве учебного пособия в аббатстве под Парижем, носившем название «Пор-Рояль». Отсюда и её другое наименование — грамматика Пор-Рояля.

Из учебника грамматика Пор-Рояля превратилась в знаменитый теоретический труд, широко известный в мире. Прежде, чем мы обратимся к её характеристике, объясним её наименование. Почему она названа «общей»? Потому что авторы посвящали её описанию любого языка — языка вообще. А «рациональной» она названа потому, что авторы исходили из разума (рацио). При этом на первый план выдвигалось положение о том, что все люди мыслят одинаково — с помощью суждений. Поскольку логические категории субъекта суждения, связки и предиката («атрибута») универсальны, считали они, можно, исходя из них, прийти и к лингвистическим универсалиям. Вот пример одной из них: «Никогда не встречается номинатив, который не был бы связан с некоторым глаголом, выраженным или подразумеваемым, поскольку речь служит не только для образования понятий, но также для выражения того, что мыслится относительно понятия, а это, в свою очередь, передается посредством глагола» (цит. по: *Амирова Т.А., Ольховиков Б.А., Рождественский Ю.В.* Очерки по истории лингвистики. — М., 1975. С. 233). Иными словами, односоставных номинативных предложений не существует, поскольку любое предложение должно выражать суждение.

Самой популярной философией в XVII в. была философия Рене Декарта. Не избежали её влияния и авторы грамматики Пор-Рояля. Как известно, фундаментальным положением картезианской гносеологии является выражение «*Я мыслю, следовательно, существую*». Это антропоцентрическое положение. А. Арно и К. Лансло тоже ставили в центр своего внимания человека — мыслящего и говорящего. Эта точка зрения является ономаσιологической. Ориентация авторов грамматики Пор-Рояля на точку зрения говорящего, выражающего свои мысли, отразилась прежде всего

на том, что в качестве исходных они стали использовать не онтологические категории, как модисты, а гносеологические (логические) категории понятия и суждения. Категорию субстанции они перевели в понятие субъекта суждения, категорию отношения — в его связку и категорию качества — в понятие его предиката (атрибута).

Рассмотрим дисциплинарную структуру грамматики Пор-Рояля. Её авторы включили в грамматику три дисциплины — фонетику, морфологию и синтаксис. При этом большая часть глав (23 из 30) посвящена морфологии. Отсюда, как ни странно, не следует, что анализируемая грамматика имеет морфологоцентрическую направленность. Несмотря на то, что синтаксису как таковому в этой грамматике отведена лишь одна глава, она синтаксоцентрична. Морфология в ней сориентирована на синтаксис в связи с тем, что описание частей речи производилось в грамматике Пор-Рояля с учетом их роли в предложении-суждении. Так, глагол охарактеризовывался прежде всего как слово, которое должно выражать связку в суждении, а прилагательное — атрибут. Более того, все части речи делились в анализируемой грамматике на две группы в зависимости от их роли в суждении. К первой группе относились те части речи, которые обозначают «объекты мысли», а вторая группа служит «для естественного способа, посредством которого мы выражаем наши мысли при их соединении». Иначе говоря, первая группа частей речи соотносилась с субъектом и атрибутом суждения, а вторая — со связкой. К первой относились имена, артикли, местоимения, причастия, наречия и предлоги, ко второй — глаголы, союзы и междометия.

Среди всех частей речи авторы грамматики Пор-Рояля особое внимание уделяли глаголу. Вслед за Скалигером они считали за подлинный глагол-связку «*быть*». Дело в том, что основное назначение глагола они видели в том, чтобы служить связкой в суждении. А как же поступить с остальными глаголами? Они усматривали в их значении два компонента — связочный (собственно глагольный) и адъективный. Так, глаголы «*бежать*» и «*петь*» разлагались на «*есть* + *бегающий*» и «*есть* + *поющий*». Выходит, что «адъективные» глаголы (т.е. все глаголы, кроме «*быть*») являются глаголами в подлинном смысле этого слова лишь частично, другим своим смысловым компонентом они выполняют ту же функцию, что прилагательные и причастия. Вот почему предложе-

ния *Pierre vit* и *Pierre est vivant* «Пьер живет» и «Пьер есть живущий» рассматривались как синонимичные.

Элементы ономаσιологического подхода к изучению языковых явлений обнаруживаются в грамматике А. Арно и К. Лансло в тех случаях, когда, отправляясь от определённого содержания, они приходили к сопоставлению различных средств выражения этого содержания в разных языках. Так, сравнивая латинский язык с французским в отношении падежных значений, они указывали на то, что в первом падеж выражается с помощью окончаний, во втором — с помощью предлогов. В подобных рассуждениях мы усматриваем начало деления языков на синтетические и аналитические.

Синтаксические представления авторов грамматики Пор-Рояля напрямую основывались на логической деятельности говорящего, направленной на создание суждения. Основными членами суждения они считали субъект, связку и атрибут. Субъект суждения — член предложения, обозначающий предмет, о котором что-либо утверждается или отрицается. Связка соединяет субъект с атрибутом. А атрибут — тот член предложения, который что-либо приписывает субъекту суждения: наличие определенного качества или его отсутствие. Так, в *La terre est rond* «Земля является круглой» *земля* — субъект, *является* — связка, *круглая* — атрибут.

Наряду с логической интерпретацией предложения мы обнаруживаем у А. Арно и К. Лансло и его собственно грамматическое истолкование. Оно состояло в двух подходах. Во-первых, в описании основных типов синтаксических связей — согласования и управления и, во-вторых, в изучении «синтаксических фигур», т.е. необычных синтаксических конструкций. Вслед за Санкциусом они относили к ним эллипсис *Pluit* «Дождь идет» вместо *Natura pluit*, плеоназм (*vivere vitam* «жить жизнь») и гипербат (инверсию), т.е. обратный порядок слов в предложении — такой, при котором атрибут суждения, в частности, стоит перед субъектом суждения.

Общий вывод: грамматика Пор-Рояля положила начало новому этапу в развитии ономаσιологического направления в грамматике. Если с античной философией языка и модистской грамматикой связан этап зарождения этого направления, то с грамматики А. Арно и К. Лансло начинается новый этап в истории данного направления — этап его становления.

6. Языкознание в XVIII в. Грамматические концепции Ц. Дюмарсэ и Н. Бозэ

В эпоху Просвещения мы наблюдаем подлинный расцвет лингвистической мысли, что было связано в Европе прежде всего с влиянием идей авторов грамматики Пор-Рояля. Следует отметить, что это влияние не было одинаковым. Большая часть грамматик, созданная в XVIII в., лишь популяризировала идеи А. Арно и К. Лансло. Среди таких грамматик можно отметить, например, “Principes de grammaire générale” «Принципы общей грамматики» (1799) Сильвестра де Саси. Она посвящена сыну автора. В блестящей форме в ней изложены основные положения грамматики Пор-Рояля. Вот как, в частности, Саси объяснял понятия субъекта и атрибута: «Когда я говорю *Victor est petit* “*Виктор — маленький*”, Виктор — субъект, поскольку он является предметом, о котором мы думаем, маленький — атрибут, поскольку это качество, которое я воспринимаю в связи с Виктором» (*Sacy Silvestre, de. Principes de grammaire générale. — Paris, 1799. P. 2*).

Среди последователей А. Арно и К. Лансло были и оригинальные учёные. Мы можем выделить среди них К. Бюфье, Ц. Дюмарсэ и Н. Бозэ.

Как и авторы грамматики Пор-Рояля, **К. Бюфье** исходил при описании частей речи из структуры суждения. Однако не все части речи с одинаковой легкостью соотносятся с данной структурой. Главные трудности здесь связаны с интерпретацией служебных частей речи и наречия. Чтобы избавиться от этих трудностей, К. Бюфье положил в основу классификации слов не только категории субъекта и атрибута, но и категорию обстоятельства («сирконстанта»). Последнюю он стал соотносить с предлогами, союзами и наречиями и назвал их «модификаторами» имён и глаголов, которые связаны с выражением субъектов и атрибутов.

Каким образом К. Бюфье объяснял обстоятельственное значение «модификаторов»? На конкретных примерах он показывал, что они используются для выражения однотипного обстоятельственного содержания. Вот один из таких примеров:

- 1) *Dieu agit justement;*
- 2) *Dieu agit avec justice;*
- 3) *Dieu agit de maniere qu'il fait justice.*

Во всех этих предложениях речь идет о том, что Бог поступает справедливо, однако обстоятельство *справедливо* выражается по-разному: с помощью предлога, наречия, союза.

Кроме имен, глаголов и модификаторов, К. Бюфье ставил особое положение артикли и междометия. В этой пятичленной классификации есть элементы ономазиологического подхода к описанию частей речи, поскольку в имена входят разные части речи, объединенные одной содержательной категорией — субъекта суждения. Правда, в основе данной классификации лежат разнотипные категории — с одной стороны, логические (субъекта и атрибута), а с другой, объективно-внеязыковые (сюда входят обстоятельства). Смешение классификационных критериев, лежащих в основе членов предложения, стало традиционным. Подлежащее и сказуемое соотносятся с соответственными логическими категориями, а второстепенные члены — с объективно-внеязыковыми.

Цезарь Шесно Дюмарсэ (1676—1756) подходил к определению грамматики с нормативистской и ономазиологической точек зрения. «Грамматика, — писал он, — это искусство, состоящее в понимании того, как следует произносить слова, писать их, придавать им определённые окончания и располагать в речи в соответствии с тем употреблением, которое люди установили в какой-то стране для передачи своих мыслей» (*Dumarsais C.C. Logique et principes de grammaire. — Paris, 1769. P. 43*).

Из этого определения следует, что Ц. Дюмарсэ включал в грамматику не только морфологию и синтаксис, но также орфографию и орфоэпию. В центре его интересов был синтаксис. Что касается морфологии, то она у него сориентирована на синтаксис. Иначе говоря, собственно грамматическая часть его работы синтаксоцентрична.

Заслуга Ц. Дюмарсэ состоит прежде всего в том, что он подошёл к описанию грамматических явлений с фразообразовательной точки зрения, причем сделано это достаточно последовательно. Тем самым он возвратил европейской грамматике фразообразовательную традицию, идущую от модистов, в ещё более чёткой фор-

ме, чем это удалось авторам грамматики Пор-Рояля. Более того, у Ц. Дюмарсэ в какой-то мере намечены три основных периода фразообразования — лексический, морфологический и синтаксический, который в свою очередь делился, как и у Л. Теньера, на стемматическую стадию (стадию «синтаксиса») и линейную стадию (стадию «конструкции»). Рассмотрим вкратце, как Ц. Дюмарсэ описывал эти периоды и стадии.

Лексический период. Описание данного периода фразообразования у Ц. Дюмарсэ не было развёрнутым, тем не менее мы можем обнаружить у него рассуждения о том, что первоначально говорящий имеет дело с миром вещей, которые воздействуют на его чувства. С помощью мышления представления о вещах становятся идеями. Последние и выражаются словами. Правда, Ц. Дюмарсэ считал, что главная задача грамматиста состоит в изучении не слов как таковых, а их связей, в которые они вступают в предложении. Это помешало ему включить лексикологию в состав грамматических дисциплин.

Морфологический период. Вслед за модистами и авторами грамматики Пор-Рояля Ц. Дюмарсэ подразделял морфологические категории на абсолютивные (например, род, число, падеж у существительных) и релятивные (например, род, число, падеж у прилагательных). Последние не выражают реального внеязыкового содержания, а служат в предложении для согласования с существительными в роде, числе и падеже.

Стемматическая стадия синтаксического периода. Данная стадия фразообразования связана с установлением иерархических отношений в создаваемом предложении. Ц. Дюмарсэ называл эти отношения «синтаксическими». Говоря о предложении *Accipi litteras tuas* «Я получил твоё письмо», он представлял их следующим образом:

Accipi → litteras → tuas.

Линейная стадия синтаксического периода. Данная стадия фразообразования предполагает установление линейного порядка в созданном предложении. Так, приведённое предложение, взятое в его «синтаксическом» состоянии, может быть реализовано такими линейными вариантами («конструкциями»), как *Tuas accipi litteras, Litteras accipi tuas* etc.

Относительно словопорядка, Ц. Дюмарсэ отмечал, что разные «конструкции» одного и того же «синтаксиса» передают одинаковый смысл. Иначе говоря, он не считал, что тот или иной словопорядок привносит дополнительный смысл в предложение по сравнению с его стеммой. Это вызвало протест со стороны Шарля Бато, который ещё во 2-й половине XVIII в. пришёл к основным понятиям актуального членения (см. подробнее в моей статье «У истоков учения об актуальном членении предложения (период до Анри Вейля)», опубликованной в «Филологических науках», в № 5 за 1990 г.). Ш. Бато считал, что говорящий ставит на первое место тот член предложения, который находится в центре его интереса. Этим объясняется словопорядок «*Дария победил Александр*», если в центре интереса говорящего был Дарий, а не Александр. Мы имеем здесь дело с первоначальными представлениями о теме и реме в предложении.

Никола Бозэ (1717–1789) подходил к определению языка с ономаσιологической точки зрения. «Язык, — писал он, — служит в качестве инструмента для манифестации мышления и человеческого разума, выражения чувств и аффектов» (*Beauzée N. Grammaire générale.* — Paris, 1767. V. 1. P. X). Предмет грамматики определялся им как «выражение мысли посредством устной или письменной речи» (там же, p. IX). Это ономаσιологическое определение. В центре интересов Н. Бозэ находились морфологические и синтаксические проблемы.

В области морфологии заслуживает особого внимания классификация частей речи. Все слова Н. Бозэ подразделял на «аффективы» (междометия) и «дискурсивы». Первые выражают чувства, другие — мысли. Дискурсивы в свою очередь делились на склоняемые и несклоняемые. Первые выражают число, а другие — нет. Несклоняемые части речи включают «супплетивы» (куда входят предлоги и наречия) и союзы. Супплетивы дополняют смысл существительных (предлоги) или глаголов (наречия), а союзы выражают отношения между простыми предложениями или отдельными членами предложения. Склоняемые части речи далее подразделялись на «детерминативы» (куда включались существительные и субстантивные местоимения) и «индетерминативы» (куда относились глаголы и прилагательные). При этом в прилагательные включались также причастия и артикли. Разницу между детерминативами и индетерминативами Н. Бозэ усматривал в степе-

ни определенности обозначаемых ими явлений. Первые указывают на более определенные явления, а вторые — на менее определенные.

В области синтаксиса Н. Бозэ в значительной мере следовал за К. Бюфье. Он делил все члены предложения на субъекты, атрибуты и комплименты (у К. Бюфье это были модификаторы). Учёный рассматривал комплименты как дополнения к главным членам предложения. К комплиментам он относил и придаточные части сложных предложений. Тем самым второстепенные члены предложения рассматривались как синонимы придаточных частей сложных предложений. Отличие здесь виделось в том, что последние дополняют смысл предложения более детально, чем первые (ср. *un cheval gracieux* «грациозная лошадь» и *un cheval, qu'il court avec grace* «лошадь, которая бежит грациозно»). Подобный подход к определению отношений между второстепенными членами предложения и придаточными конструкциями мы обнаружим в дальнейшем у К. Беккера.

Таким образом, Ц. Дюмарсэ и Н. Бозэ внесли свой вклад в развитие ономаσιологических представлений о языке. Они во многом предвосхитили идеи, которые будут развиваться в рамках ономаσιологического направления уже в XX в. Это, в частности, относится к выделению Ц. Дюмарсэ двух стадий в создаваемом предложении — «синтаксической» (т.е. стемматической) и «конструктивной» (т.е. линейной). Такой подход будет развиваться уже в XX столетии известным французским языковедом Люсьеном Теньером (см. его «Основы структурного синтаксиса». — М., 1988).

7. Истоки семасиологического направления в языкознании XIX в. (Ф. Бопп, Я. Гримм, Р. Раск, А.Х. Востоков)

В XIX в. на ведущие позиции, как и в эпоху Возрождения, вновь выдвигается семасиологическое направление в языкознании. Это было связано с выдающимися успехами в этот период сравнительно-исторического языкознания. Его основоположниками считают немецких учёных Ф. Боппа (1791—1867) и Я. Гримма (1785—1863), а также датчанина Р. Раска (1787—1832) и русско-

го А.Х. Востокова (1781—1864). Независимо друг от друга они пришли к использованию метода, с помощью которого осуществляется реконструкция отдельного праязыка. В качестве основного материала при этом выступают памятники письменности, созданные на генетически родственных языках. Этот метод и получил название сравнительно-исторического. Ознакомимся вкратце с научной деятельностью каждого из его основателей.

Франц Бопп. Основным трудом Ф. Боппа является «Сравнительная грамматика санскрита, зенда, армянского, греческого, латинского, литовского, старославянского, готского и немецкого языков», первое издание которой выходило с 1833 по 1852 г. Эта трёхтомная работа стала главным источником сравнительно-исторического индоевропейского языкознания.

Заслуга Ф. Боппа состоит в том, что он научно подтвердил генетическое родство индоевропейских языков, хотя на их сходство обращали внимание и до него — в XVI в. Г. Постелус и Иосиф Скалигер, в XVII в. В. Лейбниц и Ю. Крижанич, а в XVIII в. М.В. Ломоносов и В. Джоунз. Родство индоевропейских языков было показано Ф. Боппом главным образом на материале глагольных флексий.

В работе, о которой идёт речь, изложена знаменитая теория агглютинации (соединения) Ф. Боппа. Она была направлена на объяснение происхождения частей речи в индоевропейском языке. Суть этой теории состоит в следующем. Индоевропейский язык первоначально был корнеизолирующим. Он состоял из одних одноморфемных слов — корнесловов, аффиксы в нём отсутствовали. Корнесловы делились на глагольные и местоимённые. На базе последних в дальнейшем сформировались местоимения и служебные части речи. Некоторые местоимения в силу частого употребления с глагольными корнесловами соединились с ними. Это послужило началом образования первых кардинальных частей речи: местоимения, о которых идёт речь, превратились в аффиксы.

Бопповская теория агглютинации является вербоцентрической, поскольку в её основе лежит представление о том, что кардинальные части речи формировались на основе глагольных корнесловов. Субстантивная же теория происхождения частей речи считает исторически первоначальной частью речи имя существительное. Из этой теории исходит у нас Е.С. Кубрякова (см. её книгу «Час-

ти речи в ономасиологическом освещении». — М., 1978). Доказать беспорность одной какой-либо теории о происхождении частей речи в настоящее время не представляется возможным. У нас нет достаточных данных для создания такой теории, любая из них обречена быть гипотезой.

В отличие от Р. Раска Ф. Бопп ещё не противопоставлял свою методологическую позицию авторам универсально-ономасиологических грамматик XVIII в. Более того, мы обнаруживаем у Ф. Боппа фрагменты, которые прямо заимствованы из этих грамматик. Вот как он писал о глаголе: «Он есть только грамматическая связка между субъектом и предикатом, посредством внутреннего изменения которой обозначаются указанные существенные отношения (между предметом и его качеством. — В.Д.). Под это понятие подходит только один единственный глагол и именно так называемый *verbum abstractum* — *быть, esse*» (Хрестоматия по истории языкознания XIX—XX веков / Под ред. В.А. Звегинцева. — М., 1956. С. 28). Но не эти рассуждения, под которыми смело подписались бы авторы грамматики Пор-Рояля, сделали Ф. Боппа знаменитым.

Ф. Бопп вошёл в историю науки как человек, заложивший основы сравнительно-исторической индоевропеистики. В своей «Сравнительной грамматике...» он дал теоретическое обоснование сравнительно-историческому языкознанию вообще. С его точки зрения, оно должно напоминать физику или физиологию по своему материалу. Вот как он сам писал об этом: «В этой книге я намереваюсь дать сравнительное и охватывающее все родственные случаи описание организма указанных в заглавии языков, провести исследование их физических и механических законов и происхождения форм, выражающих грамматические отношения» (там же).

Чтобы осуществить задачу, связанную с созданием сравнительно-исторической «физики» языков, Ф. Бопп должен был выдвинуть на первый план физическую (звуковую) сторону языка и отказаться в какой-то мере от его смысловой стороны. «Незатронутой остается только тайна корней или принципов наименования первичных понятий, — писал он в начале своей грамматики, — мы не исследуем, почему, например, корень *I* означает «*ходить*», а не «*стоять*», или почему комплекс *stha* или *sta* означает «*стоять*», а не «*ходить*» (там же, с. 30). Отсюда следует, что компа-

ративист исходит в своих исследованиях из внешнего сходства между языками, которые, как он предполагает, являются родственными по происхождению. Анализ такого рода сходств в конечном счёте и должен доказать генетическое родство исследуемых языков. Так, родство санскрита с греческим Ф. Бопп подтверждал тем, что в них однотипно оформляется спряжение глаголов — при помощи внешних флексий. Конечная же цель компаративистики состоит в реконструкции праформ языка, из которого произошли германские, славянские, романские и другие языки.

Якоб Гримм — автор четырёхтомной «Немецкой грамматики», первое издание которой выходило с 1819 по 1837 г. Его главная заслуга состоит в том, что он сумел направить историческую грамматику немецкого языка по научному пути. Описывая факты истории немецкого языка, Я. Гримм нередко обращался к сравнению этого языка с другими германскими языками. Вот почему его считали одним из основателей сравнительной германистики. В работах учёного заложены зародыши будущих успехов в реконструкции прагерманского языка.

Плодотворность лингвистического наследия Я. Гримма сказались в его влиянии на выдающихся языковедов XIX в. Он предвосхитил важнейшие идеи таких крупнейших языковедов, как Август Шляйхер, Герман Пауль и Фердинанд де Соссюр. Еще до А. Шляйхера Я. Гримм часто прибегал к уподоблению языкознания биологии, языка — живым организмам. «Разве не подобны виды языков видам в растительном и животном мире и даже самому роду человеческому во всем почти бесконечном многообразии их облика? Разве язык в благоприятных условиях не расцветает, подобно дереву, которое, будучи ничем не стеснено, пышно разрастается во все стороны?» — спрашивал Я. Гримм (там же, с. 63). Ещё до Г. Пауля Я. Гримм отрицал абсолютную неотвратимость звуковых законов в языке. Он считал, что эти законы действуют не так, как действуют законы природы — не зная исключений. Учёный писал: «Языки очутились не под властью вечного и неизменного закона природы, подобного законам света и тяжести, но попали в умелые руки людей; они то быстро развивались с расцветом народов, то задерживались в своём развитии в результате варварства тех же народов...» (там же). Ещё до Ф. де Соссюра Я. Гримм указывал на необходимость изучения языка как такового (там же, с. 54).

Расмус Раск исследовал скандинавские языки. Его главный труд — «Исследование в области древнесеверского языка, или происхождение исландского языка» (1818). Своё исследование он строил главным образом на материале сравнения скандинавских языков с другими индоевропейскими языками. В отличие от Ф. Боппа Р. Раск довольно резко протестовал против ономаσιологических установок, характерных для философских грамматик XVIII в. Он выступал за семасиологический подход к изучению языка. «Не мысль и её формы, — писал он, — а слова, звучания и их формы вместе с отношениями или связями составляют то, чем должна заниматься наука о языке» (цит. по: *Кузнецов С.Н.* Теоретическая грамматика датского языка. Синтаксис. — М., 1984. С. 10).

Свои представления о дисциплинарной структуре языкознания Р. Раск строил на делении языка на две части — слов и отношений между ними. Первые составляют лексику, а вторые — грамматику языка. Расценивая разницу между лексикой и грамматикой с позиций сравнительно-исторического языкознания, Р. Раск считал лексические соответствия менее надёжными, нежели грамматические. Дело в том, что в области лексики мы сплошь и рядом наталкиваемся на заимствования, тогда как судить о генетическом родстве по сходству грамматических средств можно с большей уверенностью — грамматический строй не может заимствоваться одним языком из другого. Сам учёный писал по этому поводу: «Так, например, английский язык не перенял форм склонения у скандинавского или французского, но, напротив, потерял многие древние англосаксонские флексии. Таким же образом ни датский язык не перенял немецких окончаний, ни испанский — готских или арабских» (*Звегинцев В.А.* История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 1. — М., 1960. С. 37).

А.Х. Востоков вошёл в число основателей сравнительно-исторического языкознания как автор «Рассуждения о славянском языке» (1820). Оно было посвящено главным образом сравнительно-исторической фонетике славянских языков. Благодаря этому труду была проложена дорога к созданию сравнительно-исторической славистики, появление которой связывают с Ф. Миклошичем. Его сравнительная грамматика славянских языков вышла уже в середине XIX в. А.Х. Востоков более, чем за 30 лет до Ф. Мик-

лошича, установил множество фонетических соответствий между славянскими языками, но в первую очередь — между старославянским и русским (*власть — волость, град — город, берег — брег, вращати — ворочати* и т.п.).

Общий вывод: исследования Ф. Боппа, Я. Гримма, Р. Раска и А.Х. Востокова можно рассматривать как начало того периода в истории семасиологического направления в языкознании, который прямо или косвенно был связан с развитием сравнительно-исторического метода. Крупнейшими фигурами этого периода стали Август Шляйхер и Герман Пауль.

8. Лингвистическая концепция А. Шляйхера

Август Шляйхер (1821—1868) вошёл в историю языкознания как автор биологической («натуралистической») концепции языка. Эта концепция родилась, с одной стороны, под влиянием бопповского уподобления языка живым организмам, а с другой, под влиянием эволюционного учения Ч. Дарвина. Вы можете ознакомиться с выдержками из его работ, посвящённых непосредственно обоснованию биологической теории языка в хрестоматии В.А. Звегинцева:

- 1) «Теория Дарвина в применении к языку» (1863);
- 2) «Значение языка для естественной истории человека» (1865).

В основе лингвистического биологизма лежит уподобление языка живым организмам. «Языки живут, — писал А. Шляйхер, — как все естественные организмы (там же, с. 89). В другом месте он углубляет эту мысль: «Жизнь языка не отличается существенно от жизни всех других живых организмов — растений и животных. Как и эти последние, он имеет период роста от простейших структур к более сложным формам и период старения, в который языки все более и более отдаляются от достигнутой наивысшей ступени развития и их формы терпят ущерб» (там же, с. 96).

Не следует думать, что А. Шляйхер не осознавал разницы, имеющейся между языками и живыми организмами. Он указывал:

«Понятно, что только основные черты воззрения Дарвина имеют применение к языкам. Область языков слишком различна от царств растительного и животного, чтобы совокупность рассуждений Дарвина до малейших подробностей могла иметь для нее значение» (там же, с. 104). К сожалению, сам А. Шляйхер не всегда умел следовать собственным предостережениям. В некоторых случаях он преувеличивал сходство между языками и живыми организмами. Так, он считал, что между языками происходит борьба за существование. Он придавал чрезмерное значение климатическому фактору в изменении языков. И т.д.

Никак нельзя согласиться с тем, что выводы Ч. Дарвина о борьбе за существование целиком относятся к языкам. А между тем, приведя большую цитату из Дарвина о борьбе за существование в живой природе, А. Шляйхер писал: «Эти слова Дарвина могут быть применимы к языкам без всякого изменения. Дарвин превосходно изображает в приведённых строках то, что совершается при борьбе языков за существование. В настоящем периоде жизни человечества победителями в борьбе за существование оказываются языки преимущественно индогерманского племени, распространение их непрерывно продолжается, а многие другие языки ими вытеснены» (там же, с. 103). Борьба между носителями языков действительно имела и имеет место, но, очевидно, нельзя сводить причины, лежащие в ее основе, к биологическим. Здесь проявляются не только и даже не столько биологические, сколько культурные (и прежде всего — политические) причины. Прямолинейным выглядит у А. Шляйхера уподобление языков живым организмам и в делении языковой истории на два периода — развития языковых форм и их распада.

В концепции А. Шляйхера есть издержки, связанные с преувеличением роли биологии для языкознания. Отсюда, однако, не следует, что А. Шляйхеру не удалось в области языкознания достичь существенных успехов. На самом деле, он выдающийся лингвист своего времени, очень много сделавший в области сравнительно-исторической индоевропеистики и немецкой грамматики.

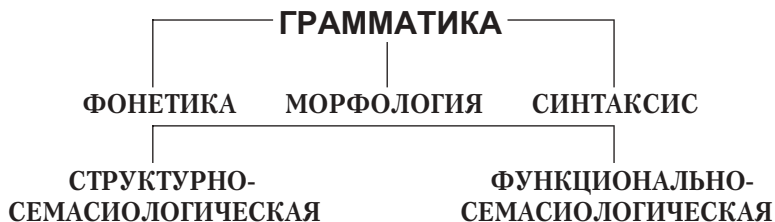
Итоговой работой А. Шляйхера в области сравнительно-исторического языкознания является «Компендиум сравнительной грамматики индоевропейских языков» (1876). Его автор был оптимистом в индоевропеистике, что подтверждается смелостью, с которой он сочинил басню на индоевропейском языке. Текст этой

басни помещен в хрестоматии В.А. Звегинцева в 1-м томе на с. 104. В дальнейшем эта басня стала предметом насмешек в адрес А. Шляйхера. Действительно, восстановить индоевропейский пра-язык до написания на нём басен вряд ли возможно — слишком гипотетичны те формы, которые принимаются исследователями за индоевропейские.

Главным трудом А. Шляйхера в области специальной грамматики является его «Немецкий язык» (1860). Заслуживает внимания научно-отраслевая структура, на которой автор построил свою грамматику. Он выделял четыре грамматических дисциплины (учения) — о звуках, о формах (морфологию), о функциях и о предложении (синтаксис). Под учением о функциях он имел в виду то, что сейчас называют семантикой — наукой о значениях. Из этой структуры выпала лексикология и словообразование. Вот как ученый определял грамматику: «Грамматикой мы называем научное рассмотрение и описание звуков, форм, функций слова и его частей, а также строения предложения. Грамматика, следовательно, состоит из учения о звуках, или фонологии, учения о формах, или морфологии, учения о функциях, или учения о значениях и отношениях, и синтаксиса» (*Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 1. — М., 1960. С. 89*).

Нуждаются в пояснении задачи учения о формах и учения о функциях, как их понимал А. Шляйхер. В первом случае мы имеем дело со структурно-семасиологическим, а во втором — с функционально-семасиологическим аспектами морфологии. В учении о формах описываются части речи как таковые, а в учении о функциях — их функционирование в речевой деятельности слушающего, которая направлена на понимание морфологических форм слова.

Дисциплинарную структуру грамматики, из которой исходил А. Шляйхер, можно представить в таком виде:

Общий вывод: к концепции А. Шляйхера следует подходить двояко. С одной стороны, он кое в чём преувеличивал сходство языков с живыми организмами, а с другой — пользовался учением Дарвина как эвристической основой для развития языкознания. Последнее позволило ему внести значительный вклад в развитие сравнительно-исторической индоевропеистики и грамматики немецкого языка.

9. Лингвистическая концепция Г. Пауля

Начиная с 70—80-х годов XIX в. в европейском языкознании господствующее положение занял так называемый младограмматизм. В широком понимании в него включают три лингвистических школы:

- 1) лейпцигскую, во главе с Г. Паулем;
- 2) московскую, во главе с Ф.Ф. Фортунатовым;
- 3) казанскую, во главе с И.А. Бодуэном де Куртенэ.

Перечисленные школы объединяют, по крайней мере, две основные черты — психологизм и историзм. Для всех младограмматиков было характерно обращение к психической стороне языка. Более того, они были склонны видеть в ней сущность языка. «Языкознание должно быть психологическим насквозь, даже там, где речь идёт о констатации единичных фактов», — писал Г. Пауль (*Пауль Г. Принципы истории языка.* — М., 1960. С. 44). Ему вторил И.А. Бодуэн де Куртенэ: «Сущность человеческого языка исключительно психическая. Существование и развитие языка обусловлено чисто психическими законами. Нет и не может быть в речи человеческой или в языке ни одного явления, которое не было бы вместе с тем психическим» (цит. по: *Хрестоматия по истории русского языкознания* / Под ред. Филина. Ф.П. — М., 1973. С. 386).

Приоритет исторического языкознания в сравнении с описательным Г. Пауль объяснял следующим образом: «Как только исследователь переступает за пределы простой констатации единичных фактов, как только он делает попытку уловить связь между

явлениями и понять их, так сразу же начинается область истории, хотя, быть может, он и не отдаёт себе ясного отчета в этом» (указ. соч., с. 43). Подобным образом и И.А. Бодуэн де Куртенэ считал «статическое» (т.е. описательное) языкознание лишь частным случаем языкознания «динамического» (исторического). Младограмматики видели в обращении к истории того или иного языка объяснительную силу, но отрицали её в конечном счёте у синхронического языкознания.

Обратимся теперь к краткой характеристике лейпцигской школы младограмматизма. Главными представителями этой школы считают Карла Бругмана (1849—1919), Германа Остхофа (1847—1909), Бертольда Дельбрюка (1842—1922) и Германа Пауля (1846—1921). Первые три исследователя вошли в историю науки прежде всего как представители сравнительно-исторической индоевропеистики. К. Бругман и Б. Дельбрюк — авторы шеститомного труда «Основы сравнительной грамматики индоевропейских языков» (1886—1900). В нём подытожена колоссальная работа, которая была проделана в XIX в. в области индоевропейской компаративистики. На первый план здесь были выдвинуты фонетика и морфология. Авторы «Основ» уже не рассматривали индоевропейские праформы как абсолютно бесспорные, воспринимая их лишь как гипотетические.

Главной младограмматиков считают Германа Пауля. Его «Принципы истории языка» (1880) признаются за катехизис младограмматизма. Во введении к этой книге Г. Пауль указывает на место языкознания в кругу других наук. Он относит его к числу наук о культуре. Отнесение языкознания к числу культурологических наук следует рассматривать как большое достижение Г. Пауля, поскольку в XIX в. в данном вопросе преобладали другие мнения. Ф. Бопп и А. Шляйхер сближали языкознание с естественными науками, а Г. Штайнталь и М. Лацарус — с психологией. На биологию и психологию Г. Пауль смотрел как на науки вспомогательные по отношению к языкознанию. Подобным образом он подходил и к физике (акустике).

Г. Пауль относил языкознание к числу «культурно-исторических» наук. При этом в конечном счёте в его работе сделан упор не столько на культурологическую, сколько на историческую природу языкознания. Не случайно поэтому «главными героями» его работы являются языковые изменения. Суть его лингвистической

концепции составляет объяснение механизма языковых изменений. Обратимся к краткому описанию этого механизма.

Любое языковое новшество (или инновация) исходит от отдельных говорящих. С ними связан окказиональный уровень языка. Некоторые языковые инновации становятся достоянием национального языка в целом. Тем самым они переходят из окказионального уровня языка в его узуальный уровень. В пределах последнего действует принцип аналогии, состоящий в уподоблении языков отдельных говорящих друг другу. На аналогии держится устойчивость языка. Иначе говоря, аналогия консервирует язык, делает его неизменным. Но каждый говорящий индивидуален и не может абсолютно одинаково воспроизводить даже одни и те же языковые элементы в собственной речи.

С индивидуальностью говорящих связан окказиональный уровень языка. Он постоянно вступает в борьбу с узусом и в отдельных случаях одерживает над ним победу. Тем самым язык оказывается перед постоянной необходимостью изменяться. В таком случае он представляет собою единство и борьбу противоположных тенденций — к устойчивости и к изменчивости. Первая связана со стремлением людей к точному воспроизведению уже известных языковых элементов, а другая — с невозможностью это сделать в полную меру.

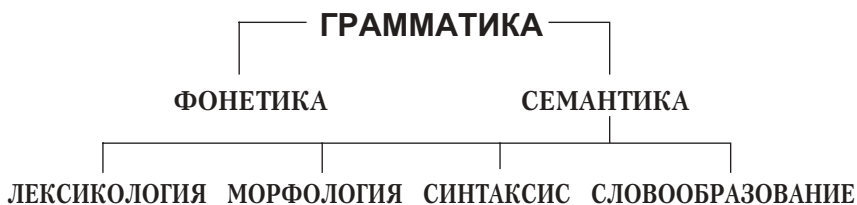
Как видим, в общих чертах паулевский взгляд на механизм языковых изменений нельзя не принять. Недостаток же его состоит в недооценке творческого отношения к языку со стороны говорящих. Г. Пауль связывал изменения в языке главным образом с невозможностью одинаково воспроизводить в речи уже готовые языковые единицы, тогда как инновации в языке оставались на периферии его внимания. Это обстоятельство в дальнейшем вызвало критику со стороны К. Фосслера. Другим недостатком анализируемой концепции стала недооценка объективных факторов языковых изменений, что вызвало протест со стороны Г. Шухардта.

К концу жизни Г. Пауль издал пятитомную «Немецкую грамматику» (1920). В этой книге представлена четырёхчленная дисциплинарная структура грамматики — фонетика, морфология, синтаксис и словообразование. Морфология расценивалась как наука о флексиях. Это формалистический подход к изучению час-

тей речи. В предметную область этой науки включались лишь существительные, прилагательные, местоимения, числительные и глаголы. Другие части речи в морфологии просто не рассматривались, поскольку они не имеют флексий.

Своеобразие синтаксиса у Г. Пауля состоит в том, что он включает не только собственно синтаксические разделы (структура простых предложений, словопорядок), но и функционально-семасиологическую морфологию (функции частей речи). Чрезвычайно любопытен тот факт, что словообразование помещено Г. Паулем в конец его грамматики. Это указывает на особое положение словообразования по отношению к морфологии и синтаксису, поскольку словообразовательная и морфолого-синтаксическая деятельность протекают в достаточно автономной отдалённости друг от друга.

В «Принципах...» у Г. Пауля представлен особый подход к установлению дисциплинарной структуры грамматики. Он выделяет фонетические и семантические изменения в языке. При этом последние прослеживаются не только на уровне морфологии, синтаксиса и словообразования, но также и лексикологии. В результате в «Принципах...», хотя и не в очень чёткой форме, представлена следующая дисциплинарная структура языкознания:

В области исторической фонетики Г. Пауль не был сторонником чересчур категорического истолкования звуковых законов. Не случайно он назвал свою книгу «Принципы», а не «Законы» истории языка. Он писал: «Понятие звукового закона не следует употреблять в том смысле, в каком мы говорим о законах в физике или химии, иначе говоря, в том смысле, какой я имел в виду, противопоставляя законоустанавливающие науки историческим. Звуковой закон не содержит в себе указаний на то, что непременно должно наступить всякий раз при данных общих условиях, он констатирует лишь регулярность определённой группы историчес-

ких явлений» (*Пауль Г.* Принципы истории языка. — М., 1960. С. 87).

В области исторической семантики мы обнаруживаем у Г. Пауля множество таких тонких наблюдений, которые ничуть не утратили своего значения до сих пор. Так, в главе, посвященной лексической семантике (гл. 4), прослеживаются различные виды переносного употребления слов, зафиксированных в конкретных языках. Г. Пауль выделяет переносы наименований, осуществляемых на основе пространственных, временных, причинных и других связей между явлениями.

Итак, Г. Пауль — крупнейший представитель семасиологического направления в грамматике XIX и начала XX в. В центре его интересов находились проблемы, связанные с историческим языкознанием. В его «Принципах истории языка» представлен такой механизм языковых изменений, который в общих чертах не может быть опровергнут, поскольку он основывается на реальных процессах, протекающих в языке. Отдельные недостатки паулевской концепции в дальнейшем были обнаружены критиками младограмматизма. Но в целом эта концепция имеет непреходящее значение. Её суть в том, что главный источник языковых инноваций — индивидуальность отдельных носителей языка — постоянно подтачивает языковой узус, постоянно меняет его, хотя и не настолько, чтобы помешать языку выполнять его основную функцию — функцию общения.

10. Истоки ономасиологического направления в языкознании XVIII—XIX вв. (Э. де Кондильяк, Д. Хэррис, И. Аделунг)

В XIX в., как было отмечено выше, на ведущее положение в языкознании выдвинулось семасиологическое направление, что объяснялось бурным развитием в этот период сравнительно-исторической лингвистики. Однако и в это время продолжали работать учёные, для которых был ближе ономасиологический подход к изучению языка. Это, в частности, В. Гумбольдт, К. Беккер и А.А. Потёбня. Их концепции имеют свои историко-научные корни: во Франции работал Э. де Кондильяк, в Англии — Д. Хэррис

и в Германии — И. Аделунг. Рассмотрим вкратце их грамматические концепции.

Этьенн де Кондильяк (1715—1780) был не только философом, но и грамматистом. Его грамматическая концепция формировалась под влиянием идей грамматики Пор-Рояля, однако Кондильяку удалось подойти к изучению языка в достаточной мере оригинально. Он стал рассматривать язык как «аналитический метод», с помощью которого говорящий упорядочивает мысли, поступающие в его сознание. «Первая цель языка, — указывал Кондильяк, — состоит в том, чтобы анализировать мышление» (*Condillac. Grammaire pour l'instruction des jeunes gens. — Paris, 1798. P. 166*). Подобным образом он подходил и к определению грамматики: «Изучать грамматику — значит исследовать способы, которые используются людьми в анализе мысли» (там же, с. 67).

В грамматике Кондильяка представлено только две дисциплины — морфология и синтаксис. Каждая из них соотносилась с особым периодом фразообразовательной деятельности говорящего. Морфология связана с тем периодом, когда говорящий имеет дело с некоторой совокупностью идей, которые должны быть обозначены с помощью тех или иных частей речи, синтаксис, в свою очередь, связан с упорядочиванием мыслей говорящего с помощью членов предложения.

Кондильяк делил все части речи на необходимые (обязательные) и случайные (необязательные). Без первых не может обойтись ни один язык, они универсальны. Без других некоторые языки обходятся. Они создаются для того, чтобы с их помощью можно было пользоваться сокращёнными способами для выражения того содержания, которое могло бы быть выражено и с помощью обязательных частей речи. К последним он относил существительные, прилагательные (куда включались также артикли и причастия), глаголы и предлоги. К необязательным же относились остальные части речи — наречия, местоимения, союзы и междометия. Они не являются необходимыми частями речи, поскольку то, что они выражают, можно выразить и без них — с помощью необходимых частей речи: *sagement* «*благоразумно*» = *avec sagess* «*с благоразумием*», *beaucoup* «*много*» = *en grande quantité* «*в большом количестве*». В свою очередь, местоимения замещают существительные и прилагательные. Междометия выражают чувства, которые могут быть описаны с помощью целых предложений. И т.д.

В синтаксическом разделе грамматики Кондильяк чрезвычайно интересно излагает свои соображения о словопорядке. Он считал, что только в современных языках прямой словопорядок используется чаще, чем обратный, тогда как в древности было наоборот. В древности, по мнению учёного, преобладал порядок «дополнение — предикат — субъект». «Этот способ выражать свои мысли, — пояснял Кондильяк, — был наиболее удобным и для тех, кто говорил, и для тех, кто слушал. Для первых он был удобен потому, что побуждал их начинать с идеи, наиболее доступной для сообщения; для вторых он также был удобен потому, что, привлекая их внимание к предмету, о котором собирались беседовать, он подготавливал их к более лёгкому пониманию малопотребительного термина, смысл которого был не столь ясным. Поэтому наиболее естественный порядок идей требовал, чтобы дополнение ставили перед глаголом; говорили, например, *плод хотеть*» (Кондильяк. Сочинения: В 3 т. Т. 1. — М., 1980. С. 230). Постановка субъекта перед дополнением, в свою очередь, затруднила бы понимание предикативной связи, поэтому субъект ставили после глагола: *Плод хотеть Пьер*. В дальнейшем же закрепился словопорядок «субъект — предикат — объект» как более распространённый. Это произошло в результате перехода от речи более эмоциональной и изобразительной к менее эмоциональной и изобразительной. В какой-то мере здесь просматривается проблема, связанная с субъективным (рема — тема) и объективным (тема — рема) типами словопорядка.

Джеймс Хэррис (1709—1786) считал предметом грамматической науки речь. Однако речь, по его мнению, изучается не только грамматикой, но также логикой и риторикой. Логика изучает речь как средство выражения истинных или ложных суждений. Риторика исследует её как средство воздействия на слушающего, а грамматика осуществляет анализ речи на предложения, слова и звуки. Первые изучаются в синтаксисе, вторые — в морфологии и третьи — в фонетике. Синтаксис и фонетика не получили разработки в его «Гермесе» (так он назвал свою грамматику, вышедшую в Лондоне в 1751 г.). Основное внимание в нём уделено морфологии.

Д. Хэррис подразделял все слова на главные и второстепенные («аксессуары»). Основное различие между ними он видел в том, что первые способны выражать то или иное содержание сами по

себе, а другие — нет, они выражают его только вместе с главными частями речи. Последние он подразделял на «субстантивы» и «атрибутивы». К первым относились существительные и субстантивные местоимения, а ко вторым — глаголы, причастия, прилагательные и наречия. Если в основе «субстантивов» лежит категория субстанции, то в основе «атрибутов» — категория качества (свойства, атрибута).

Второстепенные части речи подразделялись Д. Хэррисом на «дефинитивы» и «коннективы». К первым из них учёный относил артикли и адъективные местоимения, ко вторым — предлоги и союзы. Первые определяют субстантивы, другие служат для соединения членов предложения или простых предложений.

У Д. Хэрриса можно обнаружить оригинальное осмысление и различных акциденций у тех или иных частей речи. Например, своеобразно он объяснял наличие рода у неодушевлённых имен существительных. Он соотносил тот или иной род с определённым внеязыковым содержанием. Так, принадлежность существительного «солнце» к мужскому роду, а существительного «луна» — к женскому он связывал с тем, что лучи солнца являются более сильными (мужское качество), чем у луны. У неё они являются более тонкими и мягкими (женское качество). В свою очередь, отнесение существительного «смерть» к мужскому роду связано с неограниченной властью смерти над всеми людьми (на это способны главным образом мужчины). Принадлежность же существительного «добродетель» к женскому роду объяснялась тем, что добродетель красива, как женщина.

Мысль о том, что в глубокой древности люди уподобляли неодушевлённые предметы одушевлённым, очевидно, вполне приемлема, если речь идёт о самом начальном распространении категории рода на неодушевлённые существительные. Однако основная масса существительных в индоевропейских языках стала относиться к определённому роду не по каким-то содержательным причинам, а потому, что этого требовала уже сложившаяся система окончаний, присущих данным языкам. Сама система языка не может в данном случае избавиться от категории рода у неодушевлённых существительных, поскольку окончания у этих существительных и у существительных одушевлённых одни и те же. К тому же они передают, как правило, не только значение рода, но также значения числа и падежа одновременно. Вот почему и до сих пор

в русском языке существует и будет существовать бессмысленная с точки зрения здравого смысла категория рода у неодушевлённых существительных.

Иоганн Кристоф Аделунг (1732—1806) был старшим современником Иоганна Майнера — первого немецкого учёного, создавшего оригинальную философскую грамматику. Это произошло в 1781 г. Задолго до Л. Тенъера он стал рассматривать предикат предложения в качестве его организующего центра. «Предикат, — писал он, — самая производящая часть предложения, поскольку из него развивается предложение в целом» (*Meiner J.W. Versuch einer an der menschlichen Sprache abgebildeten Vernunftlehre... — Leipzig, 1781. S. 127*).

«Развивающую» роль предиката в предложении И. Майнер, как и Л. Теньер, связывал с валентными свойствами глагола, выступающего в предложении в функции предиката. Моновалентные глаголы он называл «односторонне несамостоятельными». Они развивают предложение только за счёт субъекта (*sitzen «сидеть», stehen «стоять»* и т.п.). Двухвалентные глаголы он называл «двусторонне несамостоятельными». Они развивают предложение за счёт субъекта и дополнения (*setzen «ставить», legen «класть»* и т.п.). И. Майнер выделял и трехвалентные глаголы. К ним он относил, например, глагол со значением «обвинять». Он требует трёх партиципантов: *Некто обвиняет кого-то в чём-то* (*некто* — 1-й партиципант, *кого-то* — 2-й и в *чём-то* — 3-й).

В состав основных грамматических дисциплин И. Аделунг включал «этимологию» и синтаксис. Термин «этимология» он употреблял в более широком смысле, чем это было принято в традиционной грамматике, включая в неё не только морфологию и словообразование, но также орфографию и орфоэпию. Каждая из этих четырех дисциплин связана с изучением слова, однако в орфографии и орфоэпии оно изучается только с внешней — буквенной или звуковой — стороны, а в словообразовании и морфологии — не только с внешней, но и с внутренней (смысловой).

Центром интересов И. Аделунга были морфология и синтаксис, хотя и в словообразовании им был сделан значительный шаг вперед: он уже выделял четыре способа словообразования — префиксальный, суффиксальный, префиксально-суффиксальный и композитный (словосложение). Правда, описание этих способов у него ограничено лишь некоторыми примерами.

Все части речи И. Аделунг делил на междометия (они выражают чувства) и остальные части речи, которые выражают понятия. Последние подразделялись на существительные (они обозначают нечто самостоятельное) и остальные части речи, которые обозначают нечто несамостоятельное. Последние делились на три разряда:

- 1) наречия, предлоги и союзы (они обозначают обстоятельства и отношения),
- 2) глаголы (они обозначают качества, которые обычно обозначаются с помощью предикатов),
- 3) прилагательные, артикли, числительные и местоимения (они обозначают качества, которые обычно выражаются с помощью определений).

Как видим, в основе данной классификации лежат главным образом категории, которые связаны с членами предложения.

Синтаксис у И. Аделунга содержит три раздела. Первый из них посвящён описанию валентных свойств различных частей речи (это так называемый синтаксис частей речи). Второй раздел связан с изучением словорасположения, и третий — с описанием простых и сложных предложений. Каждый из этих разделов представляет собою фундаментальное исследование. Особого внимания заслуживает второй раздел.

Занимаясь проблемами, связанными с установлением словоупорядка, И. Аделунг пришел к выделению понятия, которое сейчас принято называть ремой, а он называл его «главным понятием». Он считал, что оно всегда ставится на первое место — то место, которое обычно занимает субъект предложения. Вот почему «главное понятие» на уровне предложения он называл «искусственным субъектом». Если мы возьмем предложение *Ich liebte ihn einst zärtlich* «Я любил его когда-то нежно», то в нём нет «искусственного субъекта», поскольку на первом месте стоит «естественный субъект», т.е. первый член предложения, который обычно, в большинстве случаев выражает «главное понятие». Но если для говорящего главным окажется другое «понятие» (например, «его»), то оно будет выражено «искусственным субъектом» (*Ihn ich liebte einst zärtlich* «Его я когда-то любил нежно»). И так далее. Как видим, понятие ремы И. Аделунг интерпретировал как переносное упот-

ребление неподлежащего члена предложения в значении подлежащего.

11. Лингвистическая концепция В. Гумбольдта

Вильгельм фон Гумбольдт (1767—1835) относится к числу тех учёных, научное наследие которых со временем приобретает всё большую и большую значимость. Именно поэтому в конце XX в. были изданы два тома его работ — «Избранные труды по языкознанию» (М., 1984) и «Язык и философия культуры» (М., 1985). В этих книгах заключено такое богатство мыслей, что на лекциях мы можем лишь прикоснуться к нему. Мы остановимся на той стороне лингвистического мышления великого немецкого исследователя, которая имеет непосредственное отношение к трактовке им лингвистических дисциплин.

В работах В. Гумбольдта представлено два подхода к истолкованию дисциплинарной структуры языкознания — «горизонтальный» и «вертикальный». Первый из них предполагает рассмотрение языка либо с внешней (звуковой) стороны, либо с внутренней (смысловой). В первом случае мы имеем дело с фонетикой, а во втором — с семантикой в самом широком смысле этих терминов. Вертикальное же представление о дисциплинарной структуре языкознания вытекает из деления речевой цепи на определённые единицы, которые становятся предметом исследования фонетики, лексикологии, морфологии и т.д.

Горизонтальный подход к изучению языковых единиц был чрезвычайно характерен для В. Гумбольдта. Вот почему в его работах факты фонетики рассматриваются в одном ряду с фактами словообразования, лексикологии, морфологии и т.д. Говоря о звуковой стороне языка, он употреблял термин «фонетическая техника», а под «интеллектуальной техникой» имел в виду смысловую сторону языка. При этом под техникой языка вообще подразумевались способы, с помощью которых формировалась в том или ином языке либо внешняя, либо внутренняя сторона языка (или, как говорил учёный, внешняя или внутренняя формы языка).

Отличия, имеющиеся во внешней форме языка, очевидны, поскольку одни и те же понятия в разных языках обозначаются с

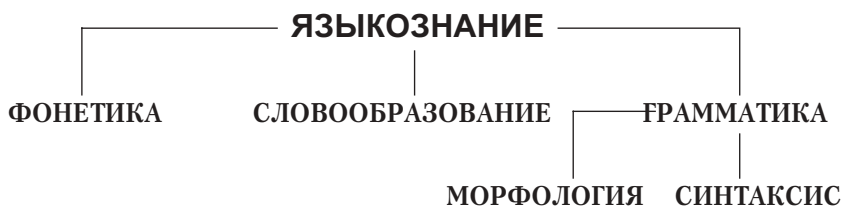
помощью разных звуковых средств. Сложнее выяснить внутреннюю форму того или иного языка (а следовательно, его отдельных единиц).

В. Гумбольдт учил обнаруживать внутреннюю форму единицы языка следующим образом. Чтобы выявить внутреннюю форму любой значимой единицы языка, необходимо выяснить понятия, которыми пользовался говорящий при создании данной единицы. Так, при создании санскритских слов со значением «слон», указывал В. Гумбольдт, говорящие оперировали то понятиями «дважды» и «пьющий», то понятиями «два» и «зубы». В процессе словообразования говорящие объединили данные простые понятия в соответственные сложные — «дважды пьющий» и «двузубый». Эти сложные понятия и составляют внутреннюю форму анализируемых слов. В. Гумбольдт писал: «И в этом случае слово — не эквивалент чувственно воспринимаемого предмета, а эквивалент того, как он был осмыслен речетворческим актом в конкретный момент изобретения слова. Именно здесь — главный источник многообразия выражений для одного и того же предмета» (Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. — М., 1984. С. 103).

Какова внутренняя форма слова «гражданин»? Воспользуемся методикой В. Гумбольдта. Какими понятиями оперировал говорящий при создании этого слова? Град (город) и житель. В какое сложное понятие мы можем соединить эти простые понятия? Житель города. Это и есть внутренняя форма слова «гражданин» и его первоначальное значение, но под влиянием А.Н. Радищева оно приобрело современное значение, которое можно выразить словами «сын отечества», «патриот», «член общества» и т.д.

В. Гумбольдт не ограничивал понятие внутренней формы лишь словообразовательными единицами. Он распространял его и на другие единицы языка. Так, он указывал, что при создании морфологических форм, служащих в санскрите для выражения наклонения, говорящие на этом языке не использовали понятия времени. Внутренняя форма этих глагольных единиц является поэтому свободной от категории времени в данном языке. Напротив, внутренняя форма греческих форм наклонения не свободна от категории времени. Значит, при создании этих форм говорящие оперировали не только понятиями наклонения, но и понятиями времени. Последние примешивались к первым.

Вертикальное представление о дисциплинарной структуре языкознания, имеющееся в работах В. Гумбольдта, можно изобразить следующим образом:

Каждую из указанных дисциплин В. Гумбольдт стремился рассматривать с генетической точки зрения, т.е. с точки зрения происхождения соответствующих единиц языка. Так, в рамках фонетики ставились вопросы, связанные с созданием звуковой стороны тех или иных слов. В словообразовании же исследовался процесс создания нового слова в целом — включая его звуковую и смысловую стороны. В рамках морфологии он интересовался в первую очередь проблемами, которые связаны с происхождением морфологических средств конкретного языка, а в рамках синтаксиса — его синтаксических средств.

У В. Гумбольдта имеются элементы тех представлений, которые основываются на относительном параллелизме словообразования и фразеобразования, т.е. процессов создания новых слов и новых предложений. При создании нового слова говорящий, как правило, исходит из нескольких морфем (или, как говорил В. Гумбольдт, из «значащих слогов»). Подобным образом дело обстоит и во фразеобразовании. На месте «значащих слогов» в этом случае оказываются слова, поскольку новое предложение создаётся, как правило, из нескольких слов.

Процесс соединения морфем в слове и слов в предложении В. Гумбольдт называл «актом самостоятельного полагания через синтез» (там же, с. 198). Этот термин означает не что иное, как синтагматическую деятельность говорящего либо при словообразовании, либо при фразеобразовании. Словообразовательный «синтез» В. Гумбольдт описывал таким образом: «Когда в том или ином языке корень маркируется с помощью суффикса как субстантива, данный суффикс становится материальным знаком отнесённости данного понятия к категории субстанции. Но синтетичес-

кий акт, действием которого категоризация происходит в уме непосредственно при произнесении слова, не обозначается в последнем никаким отдельным знаком, хотя о реальности этого акта говорит как взаимозависимость суффикса и корня, так и единство, в котором они слились...» (там же, с. 198).

«Синтетическую» деятельность во фразообразовании В. Гумбольдт описывал вербоцентрически, т.е. ставя в центр предложения глагольный предикат. Он писал: «Все остальные слова предложения подобны мёртвому материалу, ждущему своего соединения, и лишь глагол является связующим звеном, содержащим в себе и распространяющим жизнь. В одном и том же синтетическом акте он посредством полагания бытия скрепляет воедино предикат с субъектом, при этом так, что бытие с каким-либо энергичным предикатом, переходящее в действие, прилагается к самому субъекту» (там же, с. 199).

Особое внимание В. Гумбольдт уделял морфологии. Он исходил из наличия в ней двух основных категорий — предмета и отношения. Учёный писал: «Из всего многообразия феноменов, обозначаемых языком, выделяются два существенным образом отличающиеся друг от друга класса: это, с одной стороны, отдельные предметы или понятия и, с другой стороны, — общие отношения, которые устанавливаются со многими из предметов или понятий, выделенных в первый класс, частично с целью обозначения новых предметов или понятий, частично для поддержания связной речи» (там же, с. 94). С категорией отношения В. Гумбольдт соотносил все морфологические средства языка, а также предлоги и союзы. Сюда же присоединялись глаголы, но лишь в той мере, в какой они выполняют предикативную функцию в предложении. Здесь явно заметно влияние грамматики Пор-Рояля.

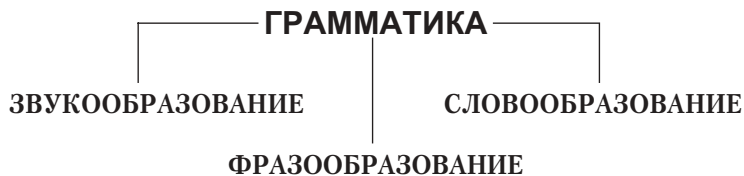
При классификации частей речи В. Гумбольдт исходил из ономаσιологических категорий предмета и отношения. Он — основатель лингвотипологии. В его классификации языков в качестве общей категориальной основы выступают лишь отношения. Флективные языки отличаются от изолирующих тем, что первые выработали самое большое число морфологических средств для выражения отношений, а вторые, напротив, имеют минимальное количество таких средств. Между ними находятся агглютинативные и инкорпорирующие языки. Первые подобны флективным, но отличаются от них степенью аналитичности: агглютинативные

языки более дифференцированы, в них морфологические показатели в меньшей мере слились друг с другом. (Ср. грузинское «*сахлэбс*» с русским «*домам*», где «*-ам*» одновременно означает множественное число и дательный падеж, а в грузинском эти значения выражаются отдельными аффиксами: множественное число — «*-эб-*», дательный падеж — «*-с*»). В свою очередь, инкорпорирующие языки подобны корнеизолирующим, но отличаются от них значительно более высокой степенью синтетичности. Возьмите, например, предложение на индейском языке нутка: *Inikw* (огонь, гореть) — *ihl* (дом) — *minih* (мн. ч.) — *is* (элемент, указывающий на уменьшительность) — *it* (прош. вр.) — *a* (изъяв. накл.) «*Несколько маленьких огней горело в доме*».

12. Грамматическая теория К. Беккера

Карл Фердинанд Беккер (1775—1849) посвятил свой известный труд «Организм языка» (1828) В. Гумбольдту, однако беккеровская теория языка не может рассматриваться как непосредственное развитие гумбольдтовской. К. Беккеру была ближе традиция, связанная с построением так называемых универсальных (или философских) грамматик, которые имели широкое хождение в особенности во Франции. Но и в Германии, как мы помним, были авторы таких грамматик. Это прежде всего И. Майнер и И. Аделунг.

В работах К. Беккера представлены две дисциплинарные структуры грамматики. В «Организме языка» он исходил из такой структуры:

Первый из указанных разделов грамматики занимается вопросами, связанными с образованием в данном языке звуков, второй — слов и третий — предложений. Мы имеем здесь дело с генетическим подходом к изучению языка.

В «Комментариях к школьной грамматике», которые были изданы позднее «Организма языка», К. Беккер представил иную дисциплинарную структуру грамматики:

Требования, предъявляемые к школьным грамматикам, заставили К. Беккера ввести в состав грамматики орфографию. Кроме того, звукообразование он поместил в словообразование в широком смысле этого термина, куда вошло также словообразование в узком смысле.

Под словообразованием в узком смысле К. Беккер понимал образование производных слов. Они создаются на базе уже имеющих в языке слов. Такое понимание термина «словообразование» является привычным. Но когда-то создавались и производные слова. Это происходило вместе со звукообразованием. Вот почему звукообразование входит в словообразование в широком смысле этого слова. Рассмотрим теперь основные разделы грамматики К. Беккера.

Звукообразование. Создание «непроизводных» слов К. Беккер связывал с мнением, идущим от древнеиндийского грамматиста Панини. В соответствии с этим мнением первичными в языке признаются глагольные корнесловы. Они обозначали самые кардинальные понятия, отображающие действия. К. Беккер относил к ним двенадцать прапонятий: «идти», «светить», «звучать», «дуть», «течь», «делать», «давать», «брать», «связывать», «отделять», «задевать», «накрывать». Другие понятия, по мнению учёного, развивались из перечисленных прапонятий. Так, на базе понятия «звучать» создавались производные от него понятия

«звенеть», «лаять», «рычать» и т.п., а от понятия «дуть» — «дышать», «волноваться», «пахнуть» и т.п. На базе понятия образования происходило создание первых «непроизводных» слов в языке. Оно предполагало отбор тех или иных звуков для данных слов. В дальнейшей же истории языка, когда язык стал располагать достаточно большим числом непроизводных слов, новые слова стали создаваться уже на основе этих непроизводных (старых) слов.

Словообразование в узком смысле. Заслуга К. Беккера состоит в том, что он стал рассматривать словообразование отдельно от морфологии. Мы видели это уже и раньше (например, у И. Аделунга в XVIII в.), однако самостоятельный статус словообразования в 1-й половине XIX в. ещё не устоялся, не стал привычным. Своим авторитетом К. Беккер, бесспорно, способствовал этому. Мы обнаруживаем у него описание различных способов словообразования — префиксацию, суффиксацию и др. — имён существительных, глаголов и т.д. При этом К. Беккер стремился подчеркнуть, что каждая часть речи может образовываться от разных частей речи. Например, существительные могут образовываться от существительных же, прилагательных, глаголов и других частей речи.

Морфология. К. Беккер подразделял все слова, подобно Н. Бозэ и И. Аделунгу, на те, которые способны выражать понятия или отношения между ними, и те, которые выражают чувства. Следовательно, междометия, поскольку именно они выражают чувства, противопоставлялись всем другим частям речи. Последние снова подразделялись на две группы — понятийные и формальные. Первые выражают понятия, вторые — отношения между ними. Мы обнаруживаем здесь сходство с гумбольдтовским подходом к классификации частей речи.

Однако К. Беккер не во всем следовал за В. Гумбольдтом. В отличие от последнего, он включал в одну группу существительные, глаголы и прилагательные. Эти три части речи он и называл «понятийными». Остальные же части речи, куда включались глагол-связка, вспомогательные глаголы (*иметь, становиться* и т.п.), артикли, местоимения, числительные, предлоги, союзы и наречия, расценивались учёным как слова, которые имеют вспомогательное значение по отношению к основным, понятийным.

Каким образом противопоставлялись «понятийные» части речи «формальным» у К. Беккера? Они противопоставлялись на уровне объективной действительности и мыслительного содержания, которые связаны с этими частями речи. Существительное противопоставлялось глаголу и прилагательному, во-первых, потому, что оно обозначает субстанцию, а глагол и прилагательное — качества (процессуальные и атрибутивные), а во-вторых, потому, что существительное обычно выражает содержание, обозначаемое либо подлежащим, либо дополнением, а глагол и прилагательное — обозначаемое либо сказуемым, либо определением. Подобный подход к разграничению частей речи сориентирован на их синтаксические функции.

Синтаксис. На К. Беккера был навешен ярлык логициста. При этом оговаривалось: он отождествлял предложение с суждением. Это справедливо лишь в какой-то мере. К сожалению, логицизм К. Беккера был явно преувеличен. Это и до сих пор мешает оценить грамматическую теорию выдающегося немецкого учёного по достоинству. В этой теории действительно имеется тенденция, связанная со сближением грамматики с логикой (предложения с суждением), однако в ней существует и противоположная тенденция. Последняя по существу игнорируется большинством историков лингвистики.

К. Беккер настаивал на тесной связи грамматики с логикой, но он был против смешения этих наук. Он определял логику как науку о формах мыслей и понятий, а грамматику — как науку о формах слов и их связях. Если предмет этимологии он связывал с изучением слов, то предмет синтаксиса — с изучением связей между ними. Он считал, что в процессе создания предложения слова вступают между собой в отношения двух типов — собственно грамматические и логические (понятийные). Имея в виду эти типы связей, К. Беккер говорил о двух формах предложения — «грамматической» и «логической». При ближайшем рассмотрении оказывается, что под первой формой предложения он подразумевал то, что Л. Теньер назвал стеммой предложения, а под другой его формой — актуальное членение предложения.

В качестве основного средства построения «грамматической формы» (стеммы) предложения К. Беккер рассматривал окончания. Благодаря им говорящий может выразить в предложении три типа отношений — предикативные, атрибутивные и объектные. В

выражении предикативного отношения участвуют главные члены предложения — подлежащее и сказуемое. Последнее подчиняет себе «объект». Этот термин К. Беккер употреблял не только по отношению к дополнению, но и по отношению к обстоятельству. Следовательно, по К. Беккеру, объектные отношения выражаются не только дополнениями, но и обстоятельствами. Атрибутивные же отношения передаются в предложении с помощью определений. В интерпретации «грамматической формы» предложения, таким образом, учёный оперировал понятиями всех пяти членов предложения — подлежащего, сказуемого, определения, дополнения и обстоятельства. Второстепенные члены предложения рассматривались как распространители главных. При этом придаточные части сложных предложений ставились в синонимические отношения с этими членами. Они подразделялись на атрибутивные, дополнительные и обстоятельственные. Два последних типа он назвал «объектными» и определял их соответственно как «падежные» и «адвербиальные».

В процессе создания «логической формы» (актуального членения) предложения, указывал К. Беккер, говорящий может поставить в центр своего внимания любое выражаемое понятие. Оно может быть выражено любым членом предложения. К. Беккер называл его вслед за И. Аделунгом «главным понятием». Мы называем его ремой. В качестве средств, выражающих «главные понятия», К. Беккер рассматривал не только словопорядок (как это было еще у Ш. Бато), но и логическое ударение. При этом он указывал на противопоставительное содержание логического ударения как средства выражения «главного понятия». Так, если в предложении *Der Mund des Gerechten bringt Weisheit* «Уста праведника несут мудрость» логическое ударение будет падать на *Gerechten* «праведника», то это будет подчеркивать то, что уста праведника, а не грешника несут мудрость. Если же логическое ударение будет выделять слово *Weisheit* «мудрость», то это будет указывать на то, что уста праведника несут мудрость, а не глупость. И так далее. Во всех этих случаях логическое ударение выражает «главное понятие» с оттенком контрастности.

В заключение я хочу привести слова Ю.В. Попова о значении грамматической теории К. Беккера для развития грамматической науки в Европе: «С момента возникновения и до наших дней грам-

матическое, прежде всего синтаксическое, учение Беккера подвергается острейшей критике со стороны грамматистов, но на протяжении всего этого времени оно неизменно составляет основу большинства описательных грамматик немецкого и других языков...» (*Попов Ю.В.* Общая грамматическая теория в немецком языкознании. — Минск, 1972. С. 27).

13. Лингвистическая концепция Ф. де Соссюра

Эпиграфом к жизни выдающегося швейцарского лингвиста Фердинанда де Соссюра (1857–1913) могут служить слова Овидия:

Barbarus hic ego sum,	Чужеземец здесь я,
Quia non intelligit illis.	Ибо никто меня не понимает.

Ф. де Соссюр был одиноким в науке. Его научная мысль принадлежала будущему. Посмертной славе он обязан своим ученикам Шарлю Балли и Альберу Сешэ, которые в 1916 г. (спустя три года после смерти автора) опубликовали главный труд Ф. де Соссюра «Курс общей лингвистики». Этот труд представляет переработку лекций автора, которые он читал в последние три года в Женевском университете.

«Курс общей лингвистики» Ф. де Соссюра имел колоссальный успех в науке. От него тянутся нити не только к структурализму, но и ко многим другим лингвистическим представлениям, которые стали общепринятыми. Эмиль Бенвенист писал в 1963 г.: «Личность этого человека обретает теперь подлинные черты и предстает перед нами в своём истинном величии. Ныне нет лингвиста, который не был бы хоть чем-то ему обязан. Нет такой общей теории, которая не упоминала бы его имени» (*Бенвенист Э.* Общая лингвистика. — М., 1974. С. 47).

Главным вопросом, который Ф. де Соссюр решал в своих лекциях, был вопрос о том, что именно изучает языковед, каков объект лингвистики? «Что за проблема? — скажете вы. — Это язык». Да, ответит вам Ф. де Соссюр, но в сознании людей язык психичен, а следовательно, — в этом своем проявлении — должен изучаться в психологии. В области органов артикуляции и рече-

вых центров коры головного мозга язык биологичен, и в этом качестве он выступает как объект биологии. Между говорящим и слушающим язык существует в качестве физического процесса и, стало быть, составляет объект физики (акустики). Что же в столь многомерном образовании, каким является язык, составляет собственный объект лингвистики? Ф. де Соссюр ответил на этот вопрос недвусмысленно: этот объект составляет язык как таковой, язык как система знаков, язык как имманентная, существующая сама по себе сущность. Об этом учёный говорит в последнем предложении своего курса лекций: «Из сделанных экскурсов в пограничные области нашей науки вытекает следующий принцип чисто отрицательного свойства, но тем более интересный, что он совпадает с основной идеей этого курса: единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя» (*Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. — М., 1977. С. 269*).

Исходя из основной идеи своего курса, Ф. де Соссюр выделил три дихотомии:

- 1) язык — речь;
- 2) синхрония — диахрония;
- 3) внутренняя лингвистика — внешняя лингвистика.

Рассмотрим каждую из них в отдельности.

Язык и речь. Ф. де Соссюр определял язык следующим образом. Язык «является социальным продуктом, совокупностью необходимых условностей, принятых коллективом, чтобы обеспечить реализацию, функционирование способности к речевой деятельности, существующей у каждого носителя языка» (там же, с. 47). Иначе говоря, язык существует в сознании людей в виде системы знаков, позволяющей им общаться друг с другом. Язык Ф. де Соссюр резко отграничивал от речи. Под речью он понимал «сумму всего того, что говорят люди» (там же, с. 57).

Резкое противопоставление языка и речи Ф. де Соссюр обосновывал тем, что язык социален и психичен, а речь индивидуальна и физична. В этом противопоставлении он заходил слишком далеко. На самом деле между языком и речью существует лишь относительная граница; поскольку язык формируется в сознании говорящих на материале речи, а речь представляет собою реализацию языковой системы.

Исходя из противопоставления языка и речи, Ф. де Соссюр предлагал выделять две науки — лингвистику языка и лингвистику речи. Однако последней он, по существу, отказывал в статусе подлинной науки. Он считал, что речь представляет собою бесконечное многообразие актов фонации, что она не может быть предметом науки, поскольку лингвистика речи не в состоянии охватить всего многообразия индивидуальных особенностей речевых произведений отдельных говорящих. Очевидно, создавать две лингвистики, о которых идёт речь, нет оснований: язык и речь, хотя и представляют собой относительно автономные образования, тесно взаимосвязаны друг с другом. Поэтому неразумно делать их объектами разных наук.

Синхрония и диахрония. Известно, что младограмматики отдавали предпочтение диахронии перед синхронией, т.е. считали историческое языкознание важнее описательного. Ф. де Соссюр, наоборот, отдавал предпочтение синхронии перед диахронией, основываясь на следующих рассуждениях. Основная задача диахронической лингвистики — изучение языковых изменений, но они начинаются в речи отдельных говорящих, т.е. вне языка как такового. Причины языковых изменений носят экстралингвистический характер. Следовательно, диахроническая лингвистика сливается с лингвистикой речи и с внешней лингвистикой. Она не может расцениваться в качестве подлинно лингвистической науки. Тем самым Ф. де Соссюр выдвинул на положение истинной науки синхроническую лингвистику, а диахроническую, по существу, исключил из лингвистики как таковой.

Внутренняя лингвистика и внешняя. Говоря о том, что единственным и истинным объектом лингвистики является язык в себе и для себя, Ф. де Соссюр имел в виду лишь внутреннюю лингвистику. Тем самым он выразил своё отношение к внешней лингвистике. В отличие от внутренней лингвистики, которая изучает язык как таковой, внешняя лингвистика исследует язык как явление физическое, биологическое или психическое. Следовательно, внешняя лингвистика, с его точки зрения, должна быть исключена из лингвистической науки в подлинном смысле этого термина. Внешняя лингвистика должна быть отдана на откуп психологии, биологии или физике.

Мы не можем согласиться с приведёнными рассуждениями. Действительно, противопоставление внутренней и внешней линг-

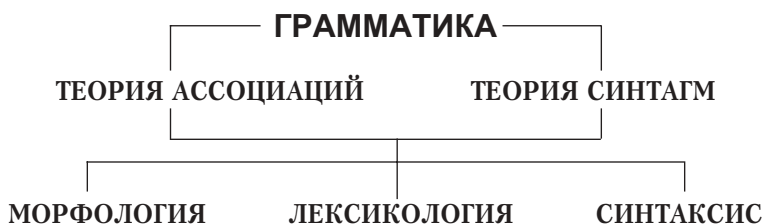
вистики имеет под собой основания: первая изучает язык как таковой, а другая исследует его в ряду с другими, неязыковыми объектами — физическими, биологическими, психическими или культурологическими. Однако нельзя внешнюю лингвистику полностью отсоединять от лингвистики. Она занимает междисциплинарное положение, т.е. отчасти принадлежит нелингвистическим наукам, а отчасти — лингвистике.

Несмотря на то что Ф. де Соссюр слишком резко объяснял выведенные им дихотомии, сам факт их выделения — огромная заслуга этого ученого. Тем более, что в дальнейшем абсолютистский подход к решению указанных дихотомий был заменен на диалектический. Это произошло благодаря ученикам Ф. де Соссюра и прежде всего — представителям Пражского лингвистического кружка. Но значение научного наследия Ф. де Соссюра не ограничивается обоснованием знаменитых дихотомий. В его работах рассыпано множество плодотворных и оригинальных идей, которые, как правило, остаются незамеченными, или, во всяком случае, часто оказываются в тени. Отметим здесь отношение Ф. де Соссюра к дисциплинарной структуре грамматики.

В главе «Грамматика и её разделы» Ф. де Соссюр указывал: «Наше определение не согласуется с тем более узким определением, которое обычно дается грамматике. В самом деле, под этим названием принято объединять морфологию и синтаксис, а лексикология — иначе, наука о словах — исключается вовсе... Согласуется ли оно (традиционное деление грамматики. — *В.Д.*) с только что установленными нами принципами?» (там же, с. 167). Заслуга Ф. де Соссюра состоит в том, что он поставил под сомнение целесообразность исключения лексикологии из грамматики. «...Логично ли исключать лексикологию из грамматики?» — спрашивает он там же. И отвечает: нет, нелогично, если исходить из нового, более рационального, чем традиционное, членения грамматики.

Ф. де Соссюр предложил делить грамматику лишь на два раздела — парадигматический (ассоциативный) и синтагматический, т.е. теорию парадигм и теорию синтагм. В этом случае факты морфологии попадут главным образом в теорию ассоциаций (парадигм), а факты синтаксиса — в теорию синтагм. Это членение грамматики на морфологию и синтаксис. При этом «не все синтагматические явления попадают в синтаксис, но не все явления син-

таксиса относятся к синтагматике» (там же, с.169). Стало быть, и в морфологии, и в синтаксисе свои парадигмы и свои синтагмы. Кроме того, и лексические явления поддаются ассоциативному и синтагматическому описанию. Следовательно, дисциплинарная структура грамматики, по Ф. де Соссюру, может быть представлена таким образом:

Это значит, что понятие ассоциации (парадигмы) и понятие синтагмы распространяется на три типа языковых явлений — лексические, морфологические и синтаксические. Иначе говоря, существуют лексические, морфологические и синтаксические парадигмы и синтагмы. Каждый вид парадигмы и синтагмы должен составить предмет особой грамматической науки.

14. Лингвистический структурализм в первой половине XX в. (Л. Ельмслев, Н.С. Трубецкой, Л. Блумфильд)

В состав классических школ структурализма в лингвистике 1-й половины XX в. включают три школы — датскую (во главе с Л. Ельмслевым), пражскую (или чешскую) и американскую (во главе с Л. Блумфильдом). Все они восприняли идеи Ф. де Соссюра и прежде всего идею о том, что язык представляет собою особое системно-структурное образование, что его необходимо изучать как нечто автономное, относительно независимое от окружающих явлений. Обращённость к изучению языковой структуры характерна для учеников Ф. де Соссюра. Вот почему их стали называть структуралистами. Рассмотрим теории наиболее видных их представителей.

ЛУИ ЕЛЬМСЛЕВ (1899—1965)

Свою лингвистическую теорию датский учёный назвал глоссематикой. Основной труд по глоссематике — «Пролегомены к теории языка» (1943). Он помещён на русском языке в первом выпуске сборника «Новое в лингвистике» (М. 1960).

В качестве отправного пункта в глоссематике выступает текст. Л. Ельмслев писал: «Цель лингвистической теории — создать процедурный метод, с помощью которого можно понять данный текст» (указ. соч, с. 276). Этот метод должен быть направлен на понимание языковой системы, реализацией которой является данный текст. Языковая модель Л. Ельмслева, таким образом, двумерна. Она предполагает описание отношений, имеющих между текстом и системой языка. Отсюда последовательность датского учёного в выделении текстуальных (речевых) и языковых единиц.

Со временем выработалось представление о соотношении языковых и речевых единиц, которое можно представить следующим образом:

Язык	Фонема	Морфема	Слово	Лексема	Синтаксема	Текстема
Речь	Звук	Морф	Словоформа	Лекс	Предложение	Текст

Каждая языковая единица — обобщение ряда похожих речевых единиц. Следовательно, в каждой речевой единице находится языковая единица как общее в отдельном. Этим представлением мы во многом обязаны Л. Ельмслеву.

Основателя глоссематики много критиковали за «релятивизм», т.е. за сведение лингвистических единиц к их отношениям к другим языковым элементам. В его теории, действительно, имеется такая тенденция, хотя её и не следует преувеличивать. Л. Ельмслев предлагал описывать отношения между любыми явлениями, исходя из трёх типов отношений:

Родовое имя	Интердепенденция	Детерминация	Констелляция
Язык	Комплементарность	Спецификация	Автономия
Речь	Солидарность	Селекция	Комбинация

Первый тип связи — двунаправленная зависимость (например, между подлежащим и сказуемым), второй — сильная односторонняя зависимость (например, при управлении) и третий — слабая односторонняя зависимость (например, при примыкании).

Указанные типы связей Л. Ельмслев считал универсальными и предлагал описывать с их помощью отношения между любыми явлениями. Так, между языком и мышлением признавалась взаимозависимость: языка (плана выражения) нет без мышления (плана содержания) и наоборот. Исключения составляют случаи невербального мышления и бессмысленной абракадабры. В первом случае мышление теряет связь с языком, а во втором — язык отрывается от мысли.

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ ТРУБЕЦКОЙ (1890—1938)

Н.С. Трубецкой был членом Пражского лингвистического кружка (ПЛК), созданного по инициативе выдающегося чешского языковеда Вилема Матезиуса в 1926 г. В него вошли не только чехи (Б. Трнка, Б. Гавранек, И. Вахек, В. Скаличка и др.), но и русские эмигранты — Р.О. Якобсон, С.О. Карцевский, а также Н.С. Трубецкой, который работал в Вене.

Основные установки ПЛК были изложены в первом выпуске «Трудов ПЛК» (1929). Последний, восьмой, выпуск вышел в 1952 г. В них печатали свои труды крупнейшие учёные — Л. Ельмслев, Л. Блумфильд, В. Дорошевский, А. Мартине, Е.Д. Поливанов и др. В первом выпуске «Трудов ПЛК» помещены знаменитые «Тезисы ПЛК». В них члены кружка выражают своё отношение к Ф. де Соссюру и предлагают свои программные установки. Члены ПЛК были против резкого отграничения языка от речи. В последней видели цель речевой деятельности говорящего, которая осуществляется на основе языковой системы. В первом тезисе читаем:

«Являясь продуктом человеческой деятельности, язык вместе с последней обладает целевой направленностью. Анализ речевой деятельности как средства общения показывает, что самой обычной целью говорящего... является выражение. Поэтому к лингвистическому анализу нужно подходить с функциональной точки зрения. С этой точки зрения язык есть система средств выражения, служащая какой-то определённой цели» (Пражский лингвистичес-

кий кружок / Под ред. Кондрашова Н.А. — М., 1967. С. 17). Автором этих строк был В. Матезиус.

Пражцы также были против резкого противопоставления синхронии и диахронии. Во втором тезисе читаем: «...Нельзя возводить непреодолимые преграды между методом синхроническим и диахроническим, как это делала Женевская школа (т.е. школа Ф. де Соссюра. — *В.Д.*)» (там же, с. 18).

В области синхронической лингвистики особой популярностью у пражцев пользовалась фонология. Пальму первенства здесь по праву отдают Н.С. Трубецкому. Его фонологическая теория изложена в книге «Основы фонологии» (русский перевод был осуществлен в 1960 г.). В центре фонологии находится понятие фонемы. Н.С. Трубецкой выделял два типа фонем — сегментные и суперсегментные. Последние осуществляют смысловое различие не за счёт отдельных звуков, а за счёт звуковых единиц большей протяженности. К суперсегментным фонемам относится фонологическое ударение (ср. *му́ка* — *мука́*, *за́мок* — *замо́к* с разными ударениями). Под сегментной фонемой ученый понимал «совокупность фонологически существенных признаков, свойственных данному звуковому образованию» (*Трубецкой Н.С.* Основы фонологии. — М., 1960. С. 45).

Выявление фонологически существенных признаков фонем Н.С. Трубецкой осуществлял с помощью метода оппозиций. Звуковые оппозиции (т.е. противопоставления) подразделялись им на фонологические и нефонологические. Первые связаны со смысловым различием, а другие — нет. Соответствующие примеры: *мал* — *мул*, *в[о]ды* — *в[а]ды*. Анализируя некоторые фонологические позиции, Н.С. Трубецкой обнаружил явление нейтрализации фонемных различий. Так, в случае с «*род [r]* — *ром[r]*» разница между фонемами *[r]* и *[m]* нейтрализуется, поскольку разные фонемы реализуются в одном и том же звуке. Наличие подобных позиций в речи позволило учёному объединить фонемы, имеющие позиции нейтрализации, в понятие архифонемы.

ЛЕОНАРД БЛУМФИЛЬД (1887—1949)

В течение 30 лет после выхода книги Л. Блумфильда «Язык» (1934) в американском языкознании господствовала дескриптив-

ная лингвистика. Такое название получил блумфильдовский вариант лингвистического структурализма. Успех концепции Л. Блумфильда в американском языкознании объясняется тем, что она оказалась созвучной научной атмосфере тех лет (и прежде всего в области философии и психологии).

Господствующей философией в США был прагматизм. Суть этой философии сводится к абсолютизации практики. Причём последняя истолковывалась главным образом в общественном плане как индивидуальная польза, выгода. Как ни странно, прагматизм нашёл отражение в интерпретации Л. Блумфильдом назначения языка. Он рассматривал язык как элемент практической жизни человека и главное назначение языка видел в том, чтобы служить средством побудить кого-либо к действиям, выгодным говорящему. Из этой абсолютизации прагматической функции языка Л. Блумфильд делал далеко идущие выводы. Он писал: «Разделение труда, а вместе с тем и все функционирование человеческого общества возможны именно благодаря языку» (*Блумфильд Л. Язык. — М., 1968. С. 39*). В подтексте здесь присутствуют приблизительно такие рассуждения: зачем мне самому ловить рыбу или охотиться за животными, если я могу просто попросить об этом кого-нибудь другого?

В психологии того времени ведущее положение занимал бихевиоризм. Суть этой школы состояла в том, что она стремилась изучать психику человека по его поведению. Подобным образом и Л. Блумфильд изучал язык не с помощью метода интроспекции (самонаблюдения), а с помощью исследования физической стороны языка. В качестве предмета изучения дескриптивисты провозгласили цепочку, соединяющую говорящего и слушающего. Это привело к недооценке ими семантической стороны языка и абсолютизации синтагматических отношений в языке.

Говоря об отношении Л. Блумфильда к языковому значению, историки языкознания обычно определяют его как антименталистское. С чем это связано? Антименталистское — значит игнорирующее психическую природу языкового значения. Действительно, у Л. Блумфильда представлена тенденция, по которой значение сводится к тем действиям, которые совершает слушающий после слов говорящего. Понятие значения при таком подходе прагматизируется: «...Значение складывается, — указывал Л. Блумфильд, — из практических событий» (там же, с. 41).

Выдвижение на первый план синтагматических отношений в языке привело Л. Блумфильда к разработке метода анализа по непосредственно составляющим. Этот метод предполагает вычленение в речевой цепи синтагм различных уровней. Так, в предложении вычленяются синтагмы как словосочетания, затем сами слова рассматриваются как синтагмы и делятся на морфемы и т.д. Характерной чертой дескриптивной модели языка является то, что предложения и слова в конечном счёте рассматривались как цепочка морфем. Морфема у дескриптивистов возводилась в ранг основной единицы языка.

15. Истоки ономаσιологического направления в языкознании XX в. (Г. Шухардт, К. Фосслер)

К концу XIX в., как известно, на господствующее положение в европейском языкознании выдвинулся младограмматизм. По природе своей он был семасиологичен: позиция получателя речи в нём была ведущей. Семасиологическая атмосфера этого времени явно не способствовала развитию ономаσιологического направления в языкознании. Один из представителей этого направления — К. Беккер — стал символом всеми осуждаемого логицизма в грамматике. Более того, в 1-й половине XX в. доминирующее положение в языкознании вновь занимает семасиологическое направление. Теперь — в лице структуралистов. Всё это отнюдь не способствовало развитию ономаσιологизма, который всё-таки продолжал существовать. Его представители до недавнего времени оставались в тени, но сейчас ситуация меняется. Мы рассмотрим здесь концепции лишь некоторых из них — Ф. Брюно, Л. Вайсгербера, В. Матезиуса и др. В качестве ближайших предшественников их концепций следует рассматривать лингвистические теории Г. Шухардта и К. Фосслера.

Гуго Шухардт (1842—1927) был лингвистом широких научных интересов. Чтобы убедиться в этом, нужно обратиться хотя бы к сборнику, где помещены его «Избранные статьи по языкознанию» (М., 1950). Он занимался проблемой смешения языков, полемизировал с младограмматиками по поводу фонетических законов и т.д., однако в историю языкознания вошёл прежде всего

как глава лингвистической школы «слов и вещей». Название этой школы было заимствовано из журнала с одноименным названием, редактором журнала был Р. Мерингер (первый выпуск вышел в 1909 г.). Программные установки школы слов и вещей были изложены в статье Г. Шухардта «Вещи и слова» (см. её в хрестоматии В.А. Звегинцева).

Рассмотрим основные положения этой статьи. Несмотря на то что между словами и вещами, считал Г. Шухардт, нет неразрывной связи, достаточно тесная связь между ними всегда существует. Отсюда следовал призыв: «...Необходимо создать историю веще-слов» (*Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 1. — М., 1960. С. 277*). Тем самым Г. Шухардт провозгласил главную задачу указанной школы: изучать историю слов в тесной связи с историей вещей. Вот как он обосновал эту задачу: «Вещь существует целиком и полностью для себя; слово существует лишь в зависимости от вещи, в противном случае это пустой звук» (там же, с. 277).

Обладая широким лингвистическим кругозором, Г. Шухардт сосредоточил своё внимание на проблемах исторической лексикологии. Почему это произошло? Как он пришёл к своей концепции слов и вещей? Австрийский учёный вместе с младограмматиками искал ответа на вопрос о том, каковы причины языковых изменений. Его не удовлетворяли младограмматические решения этого вопроса, которые объясняли языковые изменения главным образом биологическими (артикуляционными) и психологическими причинами. Г. Шухардт пришел к заключению, что главный источник языковых изменений следует искать за пределами души и тела говорящих — в мире объективной действительности, в мире вещей.

Мир слов в концепции Г. Шухардта предстает как надстройка над миром вещей. При этом изменения в последнем вызывают изменения в первом. Поскольку связь между внешним миром и языком является особенно ощутимой в области лексики, Г. Шухардт выдвинул в своей концепции на первый план историческую лексикологию. В качестве отправного пункта при этом рассматривались не слова, а вещи. Иначе говоря, доминирующим направлением в его теории было ономаσιологическое направление — от вещей к словам; учёный утверждал, что «...вещь первична по отношению к слову» (там же, с. 281). Г. Шухардта считают одним из основа-

телей современной лексической ономазиологии. Более развитой в его время была лексическая семасиология, где исследование велось по преимуществу в направлении от слов к вещам.

После Г. Шухардта разграничение семасиологии и ономазиологии в области лексикологии стало общепринятым. К. Фосслер писал по этому поводу: «Семасиолог спрашивает: что значит это слово? Ономазиолог спрашивает: как назвать эту вещь? Первый становится на точку зрения слушающего и исходит из акта понимания, второй становится на точку зрения говорящего и исходит из акта выражения» (цит. по: *Даниленко В.П.* Ономазиологическое направление в грамматике. 2-е изд. — М., 2007. С. 6).

Школа слов и вещей своей деятельностью, бесспорно, способствовала разграничению семасиологического и ономазиологического подходов к изучению словаря, однако в её рамках наблюдались и издержки. Её основной недостаток в том, что Г. Шухардт и его последователи недооценивали опосредованного характера связи между вещами и словами. Это приводило некоторых представителей данной школы к выдвиганию на передний план мира вещей, а не мира слов. В журнале, руководимом Р. Мерингером, часто обнаруживаются статьи, которые имеют весьма отдаленную связь с языкознанием, поскольку они почти целиком посвящены описанию вещей как таковых. Описывались, например, различные виды жилищ или захоронений и ничего больше. Дело до их наименований часто просто не доходило.

Карл Фосслер (1872 — 1949) возглавил эстетическую школу в языкознании начала XX в. (или «неофилологию»). Программные установки этой школы изложены в работе К. Фосслера «Позитивизм и идеализм в языкознании» (1904), отрывки вы найдете в хрестоматии В.А. Звегинцева.

К. Фосслер пришёл к своей лингвистической концепции, как и Г. Шухардт, через поиск причин языковых изменений. Младограмматики были склонны считать, что язык изменяется главным образом помимо воли говорящих. Развивая идею В. Гумбольдта о том, что язык — не продукт деятельности, а сама деятельность, К. Фосслер пришел к выдвиганию на первый план эстетических причин языковых изменений (отсюда название этой школы).

Язык, считал К. Фосслер, не воспроизводится говорящими, как попугаями, а каждый раз творчески воссоздается и усовершенствуется ими. С данных позиций он подходил и к вопросу об ос-

новном источнике языковых изменений. Он видел его в творчестве отдельных говорящих. Именно ему язык обязан основной массой своих новшеств. Более того, судьба этих новшеств в языке также зависит от эстетических причин. У каждого говорящего имеется определённый эстетический вкус. Если он позволяет принять какое-либо языковое новшество, созданное благодаря творческой фантазии того или иного говорящего, то он сам становится носителем данного новшества, его проводником. Если таких людей оказывается много, то индивидуальная языковая инновация становится достоянием национального языка. Тем самым язык изменяется. Если же та или иная инновация не удовлетворяет вкусу других говорящих, она остаётся окказионализмом.

Говоря о принятии в языке конкретной инновации, К. Фосслер писал: «Языковое выражение возникает в результате индивидуальной деятельности, но оно утверждается, если приходится по вкусу другим, если они его принимают и повторяют либо бессознательно, т.е. пассивно, либо точно так же творчески, т.е. модифицируя, исправляя, ослабляя или усиливая, короче говоря, принимая коллективное участие» (*Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 1. — М., 1960. С. 295*). Размышляя же о неприятии в языке фонетических инноваций, учёный восклицал: «Сколько существует неудавшихся фонетических изменений! Сколько индивидуальных вариантов умерло в день рождения! Сколько осталось в тесном кругу и сколько подверглось модификациям, прежде чем выжить!» (там же, с. 296).

Такова суть эстетической концепции языка Карла Фосслера. Эта концепция способствовала развитию стилистической науки. Сам К. Фосслер издал много работ, посвящённых исследованию стиля французских писателей. Однако он явно переоценивал значение эстетической стороны языка в ущерб другим его сторонам. Нельзя принять его утверждения, что вся «так называемая грамматика должна полностью раствориться в эстетическом рассмотрении языка» (там же, с. 290). К. Фосслер вместе с тем способствовал возрождению интереса к ономаσιологическому изучению языка. За отправную точку своих исследований он принимал творческий дух, творческое мышление говорящего и продвигался к языковым формам, которыми пользовался говорящий в своей речевой деятельности.

16. Ономаσιологическая грамматика Ф. Брюно

В 1-й половине XX в. Ф. Брюно, О. Есперсен, В. Матезиус и Ш. Балли, по существу, независимо друг от друга пришли к разработке ономаσιологических грамматических концепций. Их отправным пунктом стало внеязыковое содержание, которое говорящий должен выразить с помощью тех или иных языковых форм. Эти концепции представляют краеугольные камни современного этапа в развитии ономаσιологического направления в грамматике. В дальнейшем к нему примкнули Л. Вайсгербер, Г. Гийом, Л.В. Щерба и др. Это направление существовало в трёх ответвлениях — структурном, функциональном и структурно-функциональном. Первое из них выдвинуло на первый план в своих исследованиях переход «внеязыковое содержание \longrightarrow языковая форма», второе — переход «языковая система \longrightarrow речь», а третье характеризуется совмещением в рамках одной концепции изучения обоих переходов. К первому ответвлению относятся концепции Ф. Брюно и Л. Вайсгербера, ко второму — Г. Гийома и к третьему — Ш. Балли, О. Есперсена, В. Матезиуса и Л.В. Щербы. Рассмотрим их в указанной последовательности.

Основным трудом **Фердинанда Брюно (1860—1938)** по ономаσιологической грамматике является книга “La pensée et la langue” («Мысль и язык», 1922). Своеобразие этой книги в том, что её можно назвать структурно-ономаσιологической грамматикой французского языка межуровневого типа. Что означает «структурно-ономаσιологическая грамматика», мы уже знаем: эта грамматика исходит из определённых содержательных категорий и описывает различные средства, которыми располагает данный язык для выражения этих категорий. А грамматикой межуровневого типа мы называем её потому, что существует и другой тип ономаσιологической грамматики — стратификационный (или уровневый). В чём же состоит разница между стратификационной и межуровневой ономаσιологической грамматикой?

Межуровневый тип ономаσιологической грамматики не имеет привычной дисциплинарной структуры. В грамматике этого типа нет морфологии, синтаксиса и т.д. В основе такой грамматики лежат те или иные содержательные категории — времени, количества, качества и т.п. При описании средств, имеющихся в данном

языке для выражения той или иной категории, в межуровневой грамматике учитываются одновременно разноуровневые средства — лексические, морфологические, синтаксические и т.п. Выходит, таким образом, что дисциплинарная структура в межуровневой грамматике представлена лишь в плане описания отдельных языковых структур. Вот почему её можно назвать грамматикой со скрытой (имплицитной) дисциплинарной структурой.

Чтобы на практике ознакомиться с межуровневой грамматикой, надо обратиться, например, к книге «Практическая грамматика русского языка для зарубежных преподавателей-русистов», редактором которой была Н.А. Метс (М., 1985). В этой грамматике вы не найдете ни морфологии, ни синтаксиса, ни какой-либо другой грамматической дисциплины. В её оглавлении вы обнаружите различные содержательные категории (определённости, бытия, отрицания, состояния, времени, условия, причины и др.), а в самой грамматике — различные средства их выражения в русском языке. Ф. Брюно — основоположник ономаσιологической грамматики межуровневого типа.

Ф. Брюно очень хорошо осознавал новаторский характер созданной им грамматики. Вот почему во введении к своей книге он не рискнул определить ее как грамматику. Межуровневый тип грамматики и до сих пор воспринимается как новый. Более того, некоторые исследователи даже отказывают ему в собственно грамматическом статусе. Так, В.Г. Гак расценивает функциональную грамматику А.В. Бондарко, которая также является межуровневой, не как грамматику в собственном смысле этого термина, а как «функционально-ономаσιологическое описание языка» (Проблемы функциональной грамматики / Под ред. В.Н. Ярцевой. — М., 1985. С. 15). По поводу книги Ф. Брюно, о которой идёт речь, он пишет: «Ономаσιологическая грамматика не является грамматикой в собственном смысле этого слова» (там же, с. 14). Если это не грамматика, можем мы спросить В.Г. Гака, то что же? Ответ очевиден: это грамматика, но не обычного, дисциплинарного типа, а межуровневого.

Ф. Брюно называл ономаσιологическое направление в грамматике «логическим», или «идеологическим», а семасиологическое — «традиционным». Последнее он возводил к работам александрийцев, а первое — к исследованиям Аристотеля, Скалигера, А. Арно и К. Лансло, Ц. Дюмарсэ, Э. де Кондильяка и др. Свою грамма-

тику он связывал с «логическим» направлением, хотя и возражая против чрезмерного сближения логики с грамматикой.

Книга «Мысль и язык» задумывалась Ф. Брюно как работа, в которой демонстрируется использование структурно-ономасиологического подхода к изучению любого языка. Он это делал на материале французского языка, но на его месте мог быть любой другой язык. Содержательные категории, из которых исходил французский учёный, являются универсальными. Следовательно, их можно соотносить со средствами любого языка. Это категории базовые (так сказать, суперкатегории): предмет, событие, обстоятельство, характеристика и отношение, но каждая из них подразделялась Ф. Брюно на множество видовых субкатегорий. Например, отношение делилось на причину, следствие, цель и т.п.

В описании разноуровневых средств французского языка, служащих для выражения того или иного типового содержания, Ф. Брюно проделал огромную работу. Так, при описании средств, служащих во французском языке для выражения категории пола, он отмечал, что принадлежность к полу (например, к женскому) обозначается в данном языке прежде всего с помощью морфологических средств (*la chate* «кошка»), но для этой цели используются и другие средства — лексические (*Marie* «Мару»), словообразовательные (*princesse* «принцесса») и синтаксические (*des femmes peintres et sculpteurs* «женщины, занимающиеся живописью и скульптурой»). Совокупность подобных средств и составляет одну из ономасиологических структур межуровневого типа. Ф. Брюно ставил перед собою задачу описать такого рода структуры на материале французского языка.

Несмотря на широкую известность грамматики Ф. Брюно, ономасиологические грамматики межуровневого типа только в наше время стали приобретать популярность. В особенности как практические грамматики для изучения иностранных языков. Однако создаются и теоретические исследования этого типа. Например, московские авторы издали книгу «Идеографические (читай: ономасиологические. — В.Д.) аспекты русской грамматики» (под ред. В.А. Белашапковой и И.Г. Милославского. — М., 1988).

В Санкт-Петербургском отделении института языкознания ведётся работа по созданию многотомной «функциональной» грамматики под руководством А.В. Бондарко. «Функциональной» он

называет ономасиологическую грамматику межуровневого типа. Сам А.В. Бондарко на протяжении многих лет разрабатывал теоретические основы этой грамматики. Итоговые размышления на этот счёт можно найти в его книге «Функциональная грамматика» (Л., 1984). Рассмотрим вкратце его теорию межуровневой грамматики.

Содержательные категории, из которых исходит в своей грамматике А.В. Бондарко, называются «семантическими». Они служат основой для выделения в изучаемом языке так называемых функционально-семантических полей, или ономасиологических структур межуровневого типа. А.В. Бондарко предложил четырёхчленную группировку функционально-семантических полей.

1. Группировка полей с акциональным (предикативным) ядром, куда включается целый комплекс полей, в основе которых лежат такие семантические категории, как аспектуальность, темпоральность, таксис, состояние, акционально-объектные и акционально-субъектные отношения.
2. Группировка полей с предметным ядром, куда входят поля, в основе которых лежат категории определённости / неопределённости.
3. Группировка полей, в основе которых лежат категории качественности, количественности, компаративности и посесивности (обладания).
4. Группировка полей, основанных на категориях причины, цели, условия, уступки, следствия и сравнения.

Другим важнейшим понятием, кроме понятия функционально-семантического поля, в концепции А.В. Бондарко является «категориальная ситуация». Это понятие предполагает описание речевых ситуаций, в которых различные семантические категории сочетаются друг с другом. Так, в ситуациях, где может быть произнесена фраза типа «*Он часто болел*», встречаются категории незавершённости действия, выражаемой формой глагола несовершенного вида, и неоднократности действия. Эти категории вместе составляют категориальную ситуацию «незавершённость действия + неоднократность действия». Понятие категориальной ситуации показывает, какие типы сочетания различных семантических кате-

горий в том или ином языке возможны, а какие — нет. Так, невозможно сочетание категории незавершённости действия и однократности (нельзя сказать «*Он сразу болел*»). Невозможно также сочетание завершённости и многократности действия (нельзя сказать «*Он часто заболел*»).

Завершая разговор об ономаσιологической грамматике межуровневого типа, я хочу привести слова А.В. Бондарко о необходимости данного типа грамматики: «В конкретном акте речи морфологические, синтаксические, словообразовательные, лексические элементы переплетаются и взаимодействуют, включаясь в выражение смысла высказывания» (*Бондарко А.В. Основы построения функциональной грамматики // Изв. АН СССР. Сер. лит и яз. 1981. № 6. С. 493*). Если это так, то имеет право на существование и межуровневая грамматика, в которой в одном ряду описываются разноуровневые средства языка, служащие для выражения конкретного содержания, но нет привычных грамматических разделов — морфологии, синтаксиса и т.д.

17. Грамматическая теория Л. Вайсгербера

Главный грамматический труд известного немецкого учёного Лео Вайсгербера (1899—1985) — “Grundzüge der inhaltbezogene Grammatik” («Основы грамматики, сориентированной на содержание»; 3-е переработанное издание — 1962 г.). Эту грамматику следует квалифицировать как структурно-ономаσιологическую и стратификационную. Это означает, во-первых, что в качестве ведущего направления исследования в ней принято направление от содержания к форме; во-вторых, что в ней представлена эксплицитная, явно выраженная дисциплинарная структура.

Л. Вайсгербер включил в состав своей грамматики четыре дисциплины — лексикологию, словообразование, морфологию и синтаксис. Заслуга немецкого лингвиста здесь состоит в том, что он изменил общепринятому мнению и стал рассматривать лексикологию как грамматическую дисциплину.

Главную задачу грамматики, сориентированной на содержание, Л. Вайсгербер видел в том, чтобы показать национальное своеобразие разноуровневых содержательных структур немецко-

го языка. Эту задачу он сформулировал под влиянием идей В. Гумбольдта, который рассматривал любой язык как особое мировоззрение, как неповторимое, свойственное только данному народу «окно в мир». В связи с этим Л. Вайсгербер относят к числу неогумбольдтианцев. Другими представителями неогумбольдтианства являются американцы Э. Сэпир и Б. Уорф. Л. Вайсгербер разделял их гипотезу о лингвистической относительности. Суть этой гипотезы, я напоминаю, состоит в предположении, что границы во взаимопонимании между людьми, говорящими на разных языках, в значительной мере заданы структурным своеобразием этих языков. Чем меньше степень структурной близости между языками, тем меньше могут рассчитывать люди, говорящие на них, на взаимопонимание. И наоборот. В грамматике, сориентированной на содержание, Л. Вайсгербер стремился показать структурное своеобразие немецкого языка. Он выполнял эту задачу на материале исследования специфичности различных содержательных структур немецкого языка — лексических, словообразовательных, морфологических и синтаксических. При этом он называл структуры языковыми полями. Рассмотрим подробнее каждый из разделов грамматики, сориентированной на содержание.

ЛЕКСИКОЛОГИЯ

Лексикологии в грамматике Л. Вайсгербера принадлежит ведущее место, однако её автор не отграничивал лексикологию от идеографии. Что это значит? Идеография — область лексикографии, связанная с составлением идеографических словарей, особенность которых состоит в том, что слова в них классифицируются на основе родо-видовых отношений. Нам уже приходилось говорить об этом в разделе «Лингвистическое науковедение». Родо-видовые отношения исследуются и в лексикологии, но в ней изучаются также и другие отношения между словами — синонимические, полисемические и др. У Л. Вайсгербера же в лексикологии рассматриваются только родо-видовые отношения в определённых тематически объединённых лексико-семантических группах. Значит, лексикология в его грамматике слита с идеографией. Между тем это хотя в чём-то и близкие, но разные научные дисциплины.

В описании лексических полей Л. Вайсгербер в какой-то мере опирался на теорию поля, разработанную Й. Триром. Эту теорию он строил на материале слов, использующихся в верхненемецких и средненемецких текстах для обозначения зоны разума. Й. Трир обнаружил, в частности, что слово *wis* «*мудрый, разумный* и т.п.» в ранних текстах имело более широкую сферу своего применения, чем в более поздних текстах. Значение этого слова стало более конкретным в связи с тем, что расширилась сфера применения других слов, обслуживающих зону разума.

Из такого рода наблюдений делался вывод, что даже в одном языке — в разные периоды его истории — те или иные смысловые зоны членятся с помощью слов по-разному. В результате в различных языках по-разному отражается картина мира.

Л. Вайсгербер показывал своеобразие лексических полей различных языков главным образом на материале цветообозначений и наименований родственников. Так, он указывал, что во всех языках имеются лексемы, обозначающие отца, мать, сына или дочь, зато наименования многих других родственников в различных языках представлены по-разному. Например, в языках американских индейцев имеются особые лексемы для обозначения брата мужа и брата жены. В других языках имеются специальные слова для наименования старшего брата и младшего.

Подобные примеры давали основания Л. Вайсгерберу утверждать, что разные языки по-разному вербализуют (ословливают) мир. А следовательно, заключают в себе разные картины мира. Это относится и к различным периодам в истории одного и того же языка. Л. Вайсгербер приводил в этом случае пример из верхненемецкого языка. В отличие от современного немецкого верхненемецкий членил с помощью слов зону животного царства следующим образом: домашние животные, бегающие дикие, летающие, плавающие и ползающие.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

В области словообразования Л. Вайсгербер сосредоточил свое внимание на структурном своеобразии поля цветообозначений, имеющих в немецком языке. Особенности этого поля демонстрировались им с помощью особых таблиц. Приведу фрагмент из них:

rot «красный»	rötlich «красноватый»	röten «делать красным»	erroten «краснеть»
gelb «желтый»	gelblich «желтоватый»	«делать желтым»	vergilben «желтеть»
violett «фиолетовый»	«светло- фиолетовый»	«делать фиолетовым»	«становиться фиолетовым»

Мы видим, что между однотипными наименованиями, связанными с обозначением разных цветов, не существует полной симметрии: слово со значением «*делать красным*» имеется в немецком, а «*делать жёлтым или фиолетовым*» — нет. И так далее.

Систематизация словообразовательных структур производилась Л. Вайсгербером на основе определённых содержательных категорий. Так, категория орнативности (снабжённости) служит основой для объединения в одну структуру как приставочных (*be-flügeln* «окрылять», *ver-golden* «позолотить»), так и суффиксальных (*band-igen* «усмирять», *uniform-ieren* «обмундировать») образований. Подобные структуры в различных языках специфичны.

МОРФОЛОГИЯ

Л. Вайсгербер видел своеобразие морфологических структур языка прежде всего в том, что состав частей речи в разных языках не совпадает. Причём он обращал внимание на то, что с помощью аналогичных морфологических форм говорящие на разных языках членят определенную мыслительную сферу не совсем одинаково. Так, сфера применения падежных форм, имеющих в индоевропейских языках в целом, соотносится только с четырьмя падежами в немецком языке и с пятью падежами в латинском. Скажем, немецкий датив выполняет функции нескольких падежей из других языков — аблатива, инструментива, локатива и датива.

Развертывание морфологических структур до содержательных проводилось Л. Вайсгербером за счет подключения к морфологическим средствам, использующимся в прямом смысле, тех словоформ, которые употребляются в переносном значении. Так, к морфологическим формам глагола со значением будущего времени он

подключал глагольные формы настоящего времени, когда речь шла о морфологических средствах, служащих в немецком языке для выражения будущего времени. Вот вам пример переносного употребления формы настоящего времени в значении будущего: *Ich gehe morgen in die Stadt* «Я отправляюсь завтра в город».

СИНТАКСИС

Данный раздел не получил развития в грамматике, сориентированной на содержание. Он лишь нацеливал исследователей на выявление в различных языках специфических для них синтаксических конструкций.

Итак, грамматика, сориентированная на содержание, является структурно-ономасиологической грамматикой стратификационного типа. В ней описывались лексические, словообразовательные, морфологические и синтаксические структуры языка ономазиологического типа. Автор этой грамматики ограничивал себя задачами, связанными с указанием на национальное своеобразие языковых структур немецкого языка.

18. Лингвистическая концепция Г. Гийома

Если Ф. Брюно и Л. Вайсгербер выдвинули в своих грамматиках на доминирующее положение структурный аспект ономазиологической грамматики (*внеязыковое содержание* → *языковая форма*), то Г. Гийом отдал первенство функциональному аспекту ономазиологической грамматики (*языковая система* → *речь*). Иначе говоря, его лингвистическая теория является по преимуществу функционально-ономазиологической.

Гюстав Гийом (1883—1960) создавал свою концепцию под влиянием учения Ф. де Соссюра о языке и речи. Но Ф. де Соссюр стремился к резкому противопоставлению языка и речи, тогда как Г. Гийом строил свою теорию таким образом, чтобы все языковые явления рассматривать сквозь призму перехода языка в речь. Правда, вместо термина «речь» он употреблял термин «дискурс» (что соответствует фразе, предложению). Переход языка в дис-

курс учёный назвал актом речевой деятельности. Свою главную задачу он видел в том, чтобы объяснить внутренний механизм этой деятельности.

Акт речевой деятельности Г. Гийом изображал не как нечто мгновенное, но как протяженное «оперативное время», в течение которого осуществляется актуализация языковых единиц, т.е. перевод их в единицы дискурса. При этом переход языка в дискурс представлялся им как постепенное передвижение лингвистических единиц из языковой области в дискурсивную. Иначе говоря, между языком и дискурсом он не проводил резкой границы, хотя относительную границу между ними признавал. Более того, он полагал, что в разных языках эта граница имеет различную отдалённость от начала языковой области по направлению к дискурсу. С данной точки зрения он подходил к классификации языков.

В интрафлективных языках (типа семитских) граница между языком и дискурсом оказалась очень близкой к языковой области как таковой, а в инкорпорирующих языках (типа американо-индейских) она оказалась, наоборот, очень близкой к дискурсу. Вот почему в интрафлективных языках механизм оформления категорий, которые в индоевропейских языках стали выражаться с помощью аффиксов, стал срабатывать слишком рано. И поэтому данные категории стали выражаться внутри лексем.

Напротив, в инкорпорирующих языках этот механизм стал срабатывать слишком поздно, что привело к скучности лексических, словообразовательных и морфологических элементов в дискурсе. Недаром эти языки называются полисинтетическими.

Первый, интрафлективный, тип языка Г. Гийом назвал «фрастическим», а другой, инкорпорирующий, — «голофрастическим». Промежуточное положение между ними занимают корнеизолирующие языки (типа китайского). В них граница между языком и дискурсом проходит посередине всей лингводискурсивной области. Вот почему в таких языках преобладает оформление различных категорий с помощью отдельных корнесловов. Другие языки имеют лингводискурсивную границу либо ближе к началу языковой области, либо ближе к концу дискурсивной области. Так, немецкий язык имеет эту границу ближе к дискурсу, чем объясняется обилие в нём сложных слов в этом языке. Как видим, Г. Гийом весьма оригинально переосмыслил уже известную классификацию языков. Но он был оригинален не только в типологии, по-новому

подошел учёный и к объяснению морфологических и синтаксических явлений отдельного языка.

Главное место в лингвистической теории Г. Гийома отведено грамматике. Он включал в неё только две дисциплины — морфологию и синтаксис. Объясняя соотношения между ними, морфологические единицы он размещал ближе к языковой области, а синтаксические относил к дискурсу. Вот почему процесс перехода языка в дискурс он представлял в конечном счёте как процесс перехода морфологических единиц в члены предложения.

Свою задачу в области морфологии Г. Гийом видел главным образом в том, чтобы определить место морфологических явлений в области акта речевой деятельности, т.е. перехода языка в дискурс. Основанием для расположения частей речи в определённой последовательности служил обычный порядок слов в предложении. Исходя из него, Г. Гийом расположил в начале языковой области существительные, которые приводят в действие лингводискурсивный механизм. Затем располагаются другие части речи — в зависимости от их типичной синтаксической функции. Посредине языковой области находятся две части речи — глаголы и прилагательные, поскольку они обычно непосредственно зависят от существительного, выполняющего часто роль подлежащего. Ближе к концу языковой области находится наречие, а затем (в направлении к дискурсу) расположен предлог. Он участвует обычно в завершении дискурса.

Синтаксис у Г. Гийома не отграничен резко от морфологии. Это связано с отсутствием границы между языком и дискурсом. Тем не менее синтаксические явления французский учёный относил в область дискурса. При этом он и здесь стремился к переосмыслению традиционных синтаксических понятий с позиций своей теории перехода языка в дискурс. Так, согласование существительного с прилагательным он описывал следующим образом: морфологические значения существительного формируются раньше, чем соответственные значения у прилагательного. Следовательно, морфологизация существительных осуществляется в большей отдаленности от дискурса, а прилагательных — в меньшей.

Г. Гийом был сторонником субъектоцентрической теории стемобразования. Это значит, что центральную роль в становлении отношений зависимости в создаваемом предложении (дискурсе) он

усматривал за подлежащим, а не за сказуемым. Вот почему глаголы и прилагательные он помещал в области перехода языка в дискурс после существительных: первые обычно выполняют роль сказуемых, а другие — подлежащих. К сожалению, у Г. Гийома процесс стемматизации не ограничен от процесса линейаризации создаваемого предложения.

Теорию Г. Гийома называют психомеханикой и / или психосистематикой. Эта теория нашла своих сторонников. К ним относится, в частности, А. Ванест. Он пояснял задачи психомеханического синтаксиса на материале предложения *Le chat a attrapé un oiseau* «Кот поймал птицу» с помощью такой схемы:

Это значит, что процесс создания предложения предполагает, что говорящий при его создании совершал два типа операций — см. первый ряд стрелок и второй. Стрелки указывают на операции, которые выполняет говорящий при установлении иерархических отношений сначала между компонентами отдельных членов предложения, а затем — между самими членами предложения.

Итак, лингвистическая концепция Г. Гийома относится к числу теорий, в которых все языковые явления оцениваются с позиций функционально-ономасиологической лингвистики.

19. Грамматическая теория Ш. Балли

Главные работы известного французского ученого Шарля Балли (1865—1947) переведены на русский язык. Это «Французская стилистика» (франц. изд. — 1909 г.) и «Общая лингвистика и вопросы французского языка» (франц. изд. — 1932 и 1944 гг.). В первой из этих работ он подчеркивает превосходство ономасиологического подхода к изучению языка над семасиологическим: «Итак, единственно рациональный метод состоит в том, чтобы брать за исходную точку логические категории и отношения, которые живут в сознании всех носителей данного языка, с целью определить средства, которые язык предоставляет в распоряжение говорящих для выражения каждого из этих поня-

тий, категорий и отношений» (*Балли Ш.* Французская стилистика. — М., 1961. С. 296).

Ш. Балли признавал единственно рациональным ономаσιологический метод. Это издержки абсолютистской логики. Данный метод должен быть признан научно равноправным с семасиологическим. Первый из них изучает языковые явления с точки зрения говорящего, а другой — с точки зрения слушающего. Обе точки зрения имеют равные права на существование в науке, как говорящий и слушающий в жизни.

Ономаσιологический подход к изучению языка принял у Ш. Балли в его «Французской стилистике» форму «метода индентификации». Этот метод был разработан им на базе уже имеющихся идеографических словарей. Напомню, что эти словари отражают своим составом картину мира. Ш. Балли описывал метод индентификации следующим образом: «Отправляясь от фактов мысли, мы должны установить их отношение к фактам выражения, которые им соответствуют, а затем мы должны обнаружить, посредством какой языковой процедуры факт мышления становится фактом выражения. Это и есть метод “индентификации”, который я изложил и систематически использовал в моей “Стилистике” (*Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. — М., 1955. С. XX).

Метод индентификации Ш. Балли считал общедисциплинарным, т.е. использовал его при изучении единиц языка различных уровней. Он писал: «Этот метод, хорошо понятый, может применяться не только к изучению всех фактов выражения (например, к фактам синтаксиса, выразительного произношения и т.д.)» (там же, с. XX). Во «Французской стилистике», тем не менее, данный метод использовался в основном по отношению к лексике. Взгляды Ш. Балли на дисциплинарное строение языкознания вообще были необычными.

Ш. Балли делил языкознание на грамматику (или лингвистику как таковую) и стилистику. Задачи первой из этих наук он связывал с изучением «рациональных» элементов языка, а задачи другой — с исследованием его «эмоциональных» элементов. Первые выражают лишь объективное содержание, а вторые — не только объективное, но и субъективное. Последнее связано с отношением говорящего к действительности. Первый тип содержания Ш. Балли называл «диктальным», а другой — «модальным».

Метод идентификации разрабатывался Ш. Балли на материале соотнесения «грамматических» (т.е. «рациональных») и «стилистических» (т.е. «эмоциональных») средств языка. Замысел Ш. Балли состоял в том, чтобы проводить систематизацию этих средств на основе предварительной осуществленной классификации идей (идеографических схем, как он сам говорил, на основе «понятийного языка»). Какие основные рубрики Ш. Балли включал в свою идеографическую схему?

1. Априорное (бытие, отношение, время, пространство и т.п.).
2. Материя. Чувственный мир (жизнь и смерть, природа, существа и т.п.).
3. Мышление (свойства, операции) и выражение мышления.
4. Воля (свойства и операции воли).
5. Действие (мотивы, подготовка и способы действия).
6. Собственность (приобретение, владение, мена и т.д.).
7. Чувства (удовольствия и неудовольствия, инстинктивные, эстетические и др.).
8. Общество (закон, суд и т.п.).
9. Нравственность (долг, поведение и т.д.).
10. Религия.

Данные понятия Ш. Балли расценивал как основу для классификации номинативных средств языка. При этом предполагался подбор целой группы средств, служащих для выражения определённого понятия. В начале этой синонимической группы помещалось наиболее нейтральное рациональное слово, а затем располагались другие номинативные средства — в направлении от рациональных к эмоциональным. Например, в ряду средств, служащих во французском языке для выражения понятия «желать», Ш. Балли подбирал сначала слово *desirer* «желать», а затем помещал стилистически окрашенные синонимы к этому слову — *convoiter* «страстно желать», *ambitionner* «домога́ться» и т.п. Но на этом ряд не кончается, к нему подключаются и небывальные («косвенные») средства выражения понятия «желать». Так, Ш. Балли присоединял сюда особые конструкции *Plaise a Dieu qu'il arrive en bonne santé!* «Да́й Бог, чтобы он приехал здоровым!», *Si j'étais riche!* «Если бы я был богатым!» и т.п.

С помощью метода идентификации можно создать межуровневую идеографическую грамматику. Сущность этого метода состоит в том, чтобы систематизировать на основе идеографической схемы не только лексические, но и другие средства изучаемого языка. Правда, у самого Ш. Балли главным образом исследовались лишь лексические средства французского языка. Природа этого метода структурно-ономасиологична, поскольку он реализуется в направлении *«внеязыковое содержание —> языковая форма»*.

В «Общей лингвистике...» у Ш. Балли преобладает уже не структурно-ономасиологический, а функционально-ономасиологический подход, который предполагает сосредоточение на переходе языка в речь. В книге представлен новый взгляд на природу этого перехода. Свою теорию перехода языка в речь Ш. Балли называл теорией актуализации.

Сущность указанной теории состоит в истолковании процесса перехода языка в речь в качестве такого, который осуществляется с помощью определённых средств. Он называл их актуализаторами. Основные актуализаторы — это морфологические показатели. С их помощью лексические единицы переводятся из плана «виртуальных» (языковых) в план актуализованных (речевых) единиц. Морфология при таком подходе рассматривается как дисциплина, которая связывает лексикологию с синтаксисом, поскольку морфологические средства языка позволяют превращать лексемы в члены предложения. Эти средства выступают как «перевозчики» или, еще точнее, преобразователи лексических единиц в синтаксические. Однако основное внимание в «Общей лингвистике...» уделено синтаксису. Ш. Балли чрезвычайно оригинально подходил к описанию стемматической и линейной стадий фразообразования.

Ш. Балли исходил из положения о том, что любое высказывание предполагает построение двух типов стеммы предложения. Первый из них он определил как диктум, а второй — как модус. Диктум — та часть высказывания, с помощью которой говорящий описывает объективную действительность, а модус — часть высказывания, связанная с выражением субъективного отношения говорящего к действительности. Данное отношение может быть либо эмоциональным, либо волевым. Ш. Балли писал: «Предложение — это наиболее простая возможная форма сообщения мысли.

Мыслить — значит реагировать на представление, констатируя его наличие, оценивая его или желая... В первом случае выражается суждение о факте, во втором — суждение о ценности факта, в третьем — проявление воли. Первая операция относится к рассудку, вторая — к чувству, третья — к воле...» (*Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. — М., 1955. С. 43*).

Структуру исходной, наиболее типичной стеммы предложения Ш. Балли объяснял на примере предложения «*Я думаю, что идёт дождь*». Это предложение он называет «эксплицитным», имея в виду тот факт, что все компоненты диктума и модуса выражены лексически. Диктум — это «*идёт дождь*», а модус — это «*я думаю*». Диктум, как видим, обозначает объективное событие, а модус — субъективное отношение к нему. Диктум и модус имеют свою структуру. Они содержат соответственные субъекты и предикаты. Диктальный субъект — это «*дождь*», диктальный предикат — «*идёт*», модальный субъект — «*я*» и модальный предикат — «*думаю*». Каждый компонент исходной стеммы может распространяться за счёт второстепенных членов диктума или модуса. Скажем, усложнение может произойти за счёт определения к диктальному субъекту (*дождь сильный*).

Ш. Балли был убежден, что в любом предложении должны присутствовать диктальные и модальные элементы. Другое дело, что не каждый раз они выражены прямыми средствами, т.е. с помощью лексем. Имеются также и «имплицитные» предложения, в которых не все компоненты модуса и диктума выражены лексически, но выражены косвенно, т.е. посредством морфологических единиц, интонации, жестикуляции, мимики и т.д. Так, предложение «*Я хочу, чтобы вы вышли*» является эксплицитным. В нём лексически выражены все компоненты диктума и модуса. Но содержание этого предложения может быть выражено и с помощью имплицитных предложений: «*Вы должны выйти*», «*Выйдите!*», «*За дверь!*», «*Вон!*», жест, указывающий на дверь и т.д. Если взять предложение «*Выйдите!*», то мы увидим, что лексически здесь выражен лишь диктальный предикат, другие же компоненты модуса и субъект диктума выражены косвенно.

В число средств выражения модальности Ш. Балли включал и порядок слов в предложении. При этом он использовал понятия

актуального членения — темы и ремы («повода»). Вот как он сам интерпретировал разницу между, как сейчас говорят, неэкспрессивным (тема — рема) и экспрессивным (рема — тема) порядками слов в предложении: «Тема (А) является как бы вопросом, ответом на который служит повод (З), АЗ и ЗА вскрывают противоположные тенденции — ожидание и внезапность. В АЗ тема создает атмосферу напряженности: она требует выражения повода, который приобретает все свое значение благодаря такой подготовке. Наоборот, в ЗА повод взрывается и тема является как бы эхом этого взрыва» (там же, с. 80). В какой-то мере подобные объяснения разницы между этими словопорядками мы обнаружим в дальнейшем у В. Матезиуса.

Итак, грамматика Ш. Балли имеет ономасиологическую направленность. В ней представлены оба аспекта ономасиологической грамматики — структурный и функциональный. Однако первый из них разрабатывался главным образом на материале лексики, а второй — на синтаксическом материале.

20. Грамматическая система О. Есперсена

Датский языковед Отто Есперсен (1860—1943) внёс свой вклад в теорию разграничения семасиологического и ономасиологического подходов к изучению языка. Для обозначения первого из них он пользовался термином «морфология», а для обозначения второго — «синтаксис». В книге «Философия грамматики» (1924) он писал: «Любое языковое явление можно рассматривать либо извне, либо изнутри, исходя из его внешней формы или из его внутреннего значения. В первом случае мы начинаем со звучания слова или какой-либо иной части языкового выражения, а затем переходим к значению, связанному с ним. Во втором случае мы отправляемся от значения и задаем себе вопрос, какое формальное выражение это значение находит в данном конкретном языке» (Есперсен О. Философия грамматики. — М., 1958. С. 32—33).

Отграничению семасиологии от ономасиологии О. Есперсен придавал чрезвычайно важное значение. Иначе и быть не может. Главные действующие лица в речевом общении — говоря-

ций и слушающий. Стало быть, языкознание не может обойтись без деления на ономасиологию и семасиологию. О. Есперсен писал об этом: «Сущностью языка является человеческая деятельность — деятельность одного индивида, направленная на передачу его мыслей другому индивиду, и деятельность этого другого, направленная на понимание мыслей первого. Если мы хотим понять природу языка и, в частности, ту его область, которая изучается грамматикой, мы не должны упускать из виду упомянутых двух людей — производящего и воспринимающего речь, назовем их проще — говорящим и слушателем» (там же, с. 15). Эти слова полностью сохраняют своё значение до сих пор и будут сохранять его всегда. Остановимся теперь на интерпретации О. Есперсена семасиологического («морфологического») и ономасиологического («синтаксического») подходов к изучению языка.

К сожалению, О. Есперсен сводил понятие языковой формы к её звучанию. Одно лишь звуковое сходство между теми или иными единицами служило для него основанием для объединения этих единиц в одну «морфологическую» (т.е. формальную) структуру. Сущность семасиологического подхода к изучению языка О. Есперсен демонстрировал обычно на таком примере: в одну формальную структуру он включал все слова английского языка, которые оканчиваются на *-s*. Сюда попадали формы, которые не имеют ничего общего в семантическом отношении, а именно: формы множественного числа имён существительных, формы родительного падежа имён существительных, глагольные формы третьего лица настоящего времени и т.д. Формальная структура, истолкованная таким образом, теряет единое содержательное основание. Это истолкование следует признать формалистическим. Понятие формы в языке при таком фонационном подходе полностью освобождается от связи со значением. Оно отождествляется со звуковой стороной языковой единицы.

Семасиологический подход к изучению языка вовсе не игнорирует содержательную сторону языковых форм, он лишь отдаёт предпочтение формальным критериям перед содержательными. В ономасиологии же мы имеем дело с обратным соотношением данных критериев. Так, в одну формальную структуру языка попадают имена существительные. Между ними имеется не только формальное сходство, однако формальному сходству в морфологии

придаётся в конечном счёте предпочтение. Мы не можем поэтому включить в данную формальную структуру субстантивированные прилагательные, глаголы и другие части речи. Если мы это сделаем, то отдадим предпочтение содержательным критериям перед формальными и получим не формальную, а содержательную структуру языка.

Однако и в формальных структурах присутствует содержательное основание, как в содержательных — формальное. О. Есперсену же для объединения в одну формальную структуру языка достаточно было одного звукового сходства между классифицируемыми единицами. Эта формалистическая (или фонационная) интерпретация семасиологического подхода к изучению языка не плодотворна. Не случайно в семитомной грамматике английского языка, написанной О. Есперсеном, лишь один том посвящён «морфологии» (т.е. семасиологии), а основное место отведено «синтаксису» (ономасиологии). Вот почему мы относим его концепцию в конечном счёте к ономасиологическим теориям языка. Эта концепция имеет структурный (*внеязыковое содержание* → *языковая форма*) и функциональный (*языковая система* → *речь*) аспекты. Первый из них отражен в теории понятийных категорий, а второй — в теории трёх рангов. Рассмотрим их в отдельности.

Что понимал О. Есперсен под «понятийными категориями»? Он писал: «Приходится признать, что наряду с синтаксическими (т.е. грамматическими. — *В.Д.*)... имеются ещё внеязыковые категории, не зависящие от более или менее случайных фактов существующих языков. Эти категории являются универсальными, поскольку они применимы ко всем языкам, хотя они редко выражаются в этих языках ясным и недвусмысленным образом. Некоторые из них относятся к таким фактам внешнего мира, как пол, другие — к умственной деятельности или к логике. За отсутствием лучшего термина я буду называть эти категории понятийными категориями» (там же, с. 58).

Под понятийными категориями О. Есперсен понимал те содержательные категории, которые нашли в языках определённые средства их выражения. Мы называем их семасиологическими, если они рассматриваются в отношении к формальным структурам языка, и ономасиологическими — в отношении к содержательным структурам.

Для О. Есперсена было характерно сосредоточение на тех содержательных категориях, которые выражаются в английском и других языках с помощью морфологических средств. Отправляясь от этих средств, он выявлял содержание той или иной понятийной категории, а затем возвращался к морфологическим средствам языка, но уже с целью развертывания их за счет новых — в том числе и неморфологических — средств выражения данной категории. Так, отправляясь от морфологических показателей имён существительных, он обращался к их понятийной основе — субстанции. Затем он начинал исследовать средства выражения данной категории в английском языке. К именам существительным при этом присоединялись субстантивированные прилагательные (*to separate the known from the unknown* «отделить известное от неизвестного»), субстантивированные глаголы (*I saw him come* «Я видел его приход»), субстантивированные местоимения (*Here is your hat, but where is mine* «Здесь ваша шляпа, а где моя?»), субстантивированные наречия (*from now* «с этого момента») и т.д. В результате формальные морфологические структуры английского языка развёртывались до содержательных.

В типологическом плане теорию понятийных категорий О. Есперсена развивал И.И. Мещанинов. В связи с тем, что понятийные категории интересуют языковеда не сами по себе, а в связи со средствами их выражения в тех или иных языках, И.И. Мещанинов настаивал на том, чтобы эти категории выявлялись через язык. Он писал: «Понятийными категориями передаются в самом языке понятия, существующие в данной общественной среде. Эти понятия не описываются при помощи языка, а выявляются в нём самом, в его лексике и грамматическом строе. Те понятийные категории, которые получают в языке свою синтаксическую или морфологическую форму, становятся... грамматическими понятиями» (Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. — Л., 1978. С. 238).

Отправляясь от категориального значения прилагательного — указания на признак, И.И. Мещанинов приходил к понятийной категории атрибутивности. Затем, отправляясь от данной категории, он переходил к сравнению средств выражения её в разных языках: «В инкорпорировании атрибутивность выражается слиянием слов. В монгольских, самоедских и ряде других языков атрибутивность передаётся местоположением» (там же, с. 240). По-

добным образом русский учёный исследовал и другие понятийные категории — предметности, предикативности и т.п.

К числу понятийных И.И. Мещанинов относил только те содержательные категории, которые имеют в том или ином языке не одиночные, а комплексные, системные средства выражения. «Всякое понятие, — указывал он, — существующее в сознании человека, может быть передано средствами языка. Оно может быть выражено описательно, может в своей языковой передаче образовать в нем определённую систему. В последнем случае выступает понятийная категория. Она передаётся не через язык, а в самом языке, не только его средствами, а в самой его материальной части. Таким образом, не всякое передаваемое языком понятие является понятийной категорией. Ею становится такое понятие, которое выступает в языковом строе и получает в нём определённое построение. Последнее находит своё выражение в определённой лексической, морфологической или синтаксической системе» (*Мещанинов И.И. Понятийные категории в языке // История советского языкознания / Сост. Ф.М. Березин. — М., 1981. С. 60*).

Если с помощью теории понятийных категорий О. Есперсен стремился показать, как исследовать систему номинативных средств языка, то с помощью теории трёх рангов он хотел показать, как эти средства функционируют в речевой деятельности говорящего. Он делил типичный акт построения нового предложения на три рода операций, совершаемых говорящим. Первая из них направлена на выбор средств, с помощью которых будет обозначена наиболее конкретная идея. Эту идею он назвал «первичной», а средства её выражения — средствами первого ранга. Второй тип операций, совершаемых говорящим в акте фразообразования, связан с обозначением более абстрактных идей. Со средствами их обозначения, в свою очередь, связаны вторичные средства языка, или средства второго ранга. Наконец, третий тип операций, о которых идет речь, — это отбор «третичных» средств языка (средств третьего ранга), с помощью которых обозначают «третичные идеи». Последние обладают ещё более высокой степенью абстрактности, чем вторые. Тем не менее с помощью вторичных средств языка конкретизируются первичные идеи, а с помощью третичных средств языка вторичные идеи.

Свою теорию трёх рангов О. Есперсен описывал следующим образом: «Логическую основу системы субординации составляет

увеличивающаяся или уменьшающаяся степень конкретизации. Первичные слова более конкретны (употребляются к меньшему числу отдельных явлений), а вторичные, в свою очередь, являются менее общими, чем третичные. Так, в «*очень бедная вдова*» мы видим, что «*вдова*» представляет наиболее конкретную идею; «*бедная*» может быть отнесена к намного большему числу людей и вещей, чем слово «*вдова*», слово «*очень*», в свою очередь, указывает на ещё более абстрактную степень... «*Вдова*» более конкретна, чем «*бедная*», хотя «*бедная вдова*» более конкретно, чем «*вдова*» (цит. по: Даниленко В.П. Ономасиологическое направление в грамматике. — Иркутск, 1990. С. 265).

В разряд средств первого ранга О. Есперсен включал те языковые единицы, которые служат для обозначения предмета мысли говорящего (или подлежащего), а в разряд средств второго — единицы, с помощью которых обозначаются признаки предмета мысли, т.е. определения к подлежащему и сказуемому, и, наконец, в разряд средств третьего ранга им включались единицы, с помощью которых осуществляется конкретизация определений, сказуемых и других членов предложения.

Теория трёх рангов базируется на традиционном учении о членах предложения. Новизна этой теории состоит в том, что учение о членах предложения было переосмыслено О. Есперсеном в терминах абстрактного и конкретного. Кроме того, на это учение он взглянул с точки зрения говорящего, а не в абстракции от неё. Это позволило ему показать, что определение и сказуемое в процессе фразообразования находятся на одном уровне абстракции. В целом же теория трёх рангов субъектоцентрична: во главе стеммы предложения, по О. Есперсену, находится подлежащее, от него зависят сказуемое и определение, а дополнения и обстоятельства зависят уже от сказуемых и определений.

Итак, основное место в лингвистическом наследии О. Есперсена занимает теория ономасиологической грамматики. Её структурный аспект отражён в теории понятийных категорий, а функциональный — в теории трёх рангов. Первая ставила в центр внимания вопрос о статусе ономасиологических категорий, а вторая — вопрос об установлении иерархических отношений между членами создаваемого предложения в терминах категорий абстрактного / конкретного. К сожалению, эти теории не согласованы друг с другом.

21. Грамматическая концепция В. Матезиуса

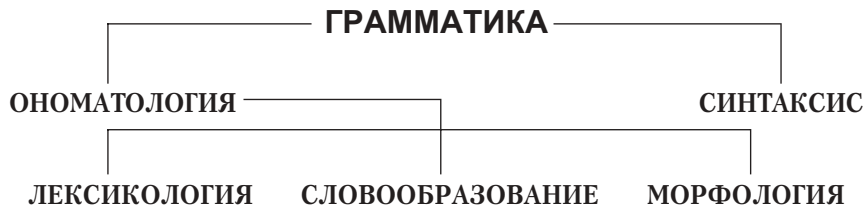
Чешский языковед Вилем Матезиус (1882—1945) — самая крупная фигура в истории ономаσιологического направления в грамматике XX в. Он известен в науке главным образом как один из основоположников современных представлений об актуальном членении предложения, однако главная его заслуга состоит в разработке логически последовательной, оригинальной и глубокой теории «функциональной грамматики».

«Функциональной» В. Матезиус называл грамматику, которая исходит из потребностей говорящего, мы называем её ономаσιологической. Семасиологическую грамматику он называл «формальной». К сожалению, главная книга В. Матезиуса «Функциональный анализ современного английского языка на общелингвистической основе» (1961), которая увидела свет спустя много лет после смерти автора, до сих пор не переведена на русский язык, хотя её английский перевод с чешского был сделан ещё в 70-е годы. На русском языке можно найти только некоторые статьи В. Матезиуса в сборнике «Пражский лингвистический кружок» (М., 1967). Краткая характеристика его грамматической концепции дана в моей кандидатской диссертации «Методологические особенности концепции функциональной грамматики Вилема Матезиуса» (защищена в 1986 г., а издана в 1997 г.), а также в моих статьях, помещённых в журналах «Филологические науки» (1986, № 1) и «Вопросы языкознания» (1986, № 4; 1988, № 3).

Программные установки своей теории «функциональной грамматики» В. Матезиус изложил ещё в статье 1923 г. «Несколько слов о сущности предложения», в которой он сталкивает два противоположных понимания сущности предложения — Вильгельма Вундта и Германа Пауля. Первое из них является аналитическим: «языковое выражение мысленного членения целостного представления на части»; второе — синтетическим: «языковое выражение — символ того, что в сознании говорящего произошло соединение нескольких представлений». В. Матезиус соединил эти истолкования сущности предложения. Он пришёл к выводу, что процесс создания нового предложения может быть разделён на две стадии — аналитическую и синтетическую.

В первую из указанных стадий фразообразования говорящий осуществляет отбор номинативных элементов для описания тех компонентов объективной или субъективной действительности, о которой он намеревается говорить, во вторую же стадию он соединяет их в предложение. В. Матезиус писал об этом: «Каждое произнесённое высказывание состоит из двух актов... Один из этих актов заключается в том, что из конкретной или абстрактной действительности отбираются отрезки с той целью, чтобы... их удалось закрепить словарным составом языка... Второй акт состоит в том, что языковые знаки, обозначающие отобранные отрезки действительности, вступают во взаимодействие друг с другом, в результате чего образуется органическое целое, предложение» (*Матезиус В. О системном грамматическом анализе // Пражский лингвистический кружок / Под ред. Н.А. Кондрашова. — М., 1967. С. 228*).

Первый акт В. Матезиус стал рассматривать как предмет «функциональной ономотологии», а второй — «функционального синтаксиса». Дальнейшее членение дисциплинарной структуры его грамматики можно представить таким образом:

Рассмотрим вкратце каждую из указанных дисциплин, как она интерпретировалась В. Матезиусом.

ЛЕКСИКОЛОГИЯ

Структурно-ономасиологический аспект. Структурный раздел ономасиологической лексикологии занимается систематизацией лексических содержательных структур языка. В основе этих структур лежат определённые ономасиологические категории. В. Матезиус выводил их из семантической структуры слова. Это вещественное содержание, символическая зна-

чимость, эмоциональный акцент и специфический привкус конкретного языкового стиля. В любом языке имеются слова, содержание которых ограничивается вещественным компонентом. Такие слова являются субъективно нейтральными (*дверь*, *лететь* и т.п.). Субъективно нейтральной лексике противостоит словарь субъективно окрашенный. Сюда относятся слова, имеющие символическую значимость (это метафоры и метонимии), а также слова с эмоциональным акцентом (вульгаризмы и эвфемизмы) и стилистически окрашенные лексемы (просторечия, поэтизмы, жаргонизмы, профессионализм, неологизмы и архаизмы).

Функционально-ономасиологический аспект. Данный раздел лексикологии связан с изучением функционирования лексических содержательных структур языка в речевой деятельности говорящего. В. Матезиус в этой области обращал внимание на то, что говорящий относится к действительности активно. Если он стремится скрыть своё отношение к ней, он использует в речи субъективно нейтральную лексику. Если же он заинтересован в том, чтобы показать своё отношение к описываемой действительности, то, напротив, употребляет в своей речи субъективно окрашенные слова. На отбор слов в процессе создания предложения оказывают также влияние сочетаемостные свойства слов. В. Матезиус предлагал описывать эти свойства, опираясь на отдельные субстанции. Так, слово *«курица»* сочетается с такими глаголами, как *«копаться»*, *«собирать»*, *«кудахтать»*, *«квохтать»*, *«линять»* и т.п. В свою очередь, *«свекла»* *«окучивается»*, *«полется»*, *«выдергивается»*, *«очищается»*, *«грузится»* и т.д.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Структурно-ономасиологический аспект. Данный аспект словообразования связан с систематизацией словообразовательных содержательных структур. В. Матезиус проводил эту систематизацию в плане сопоставления чешского, немецкого и английского языков. Он обнаружил, что эти языки располагают неодинаковым числом производящих основ, служащих для обозначения понятий *«дом»* и *«нести»*, что легко показать с помощью такой таблицы:

Чешский	Немецкий	Английский
dům	Haus Heim	house home domus
nesti	tragen bringen	bear wear carry bring

Примеры показывают своеобразие словообразовательных структур, объединенных общим содержанием в разных языках. На месте нескольких словообразовательных гнезд в английском мы обнаруживаем только одно в чешском и два в немецком.

Функционально-ономасиологический аспект словообразования связан с исследованием процессов, направленных на функционирование словообразовательных содержательных структур в речевой деятельности говорящего. Механизм соединения словообразовательного форманта с производящей основой создаваемого слова предполагает учёт говорящим словообразовательной валентности, т.е. учёт сочетаемостных свойств словообразовательных элементов. В. Матезиус обнаружил, что для чешского языка типичны такие сочетания, как «исконный элемент + исконный» и «заимствованный элемент + заимствованный». Структуры смешанного типа здесь, в отличие от английского языка, очень редки (например, *Dvořak-eum* «концерт из произведений Дворжака»).

МОРФОЛОГИЯ

Структурно-ономасиологический аспект. Данный раздел морфологии систематизирует морфологические содержательные структуры языка. Мы имеем с ними дело при развёртывании существительных за счёт субстантивации, прилагательных — за счёт адъективации и т.д. В. Матезиус обращал внимание на три типа

морфологических содержательных структур — субстанциальный, атрибутивный и процессуальный. В основе этих структур лежат ономазиологические категории субстанции, атрибута и процесса. В состав субстанциальных структур он включал в первую очередь существительные, а затем и другие части речи, подвергшиеся субстантивации (*a radical* «радикал», *the poor* «бедный»), а в состав атрибутивных структур, кроме прилагательных, он включал адъективированные существительные (*the evening radical paper* «вечерняя радикальная газета», *a too London point of view* «слишком лондонская точка зрения»), адъективированные глаголы (*a non-stop flight* «безостановочный полет» и т.д.). В состав процессуальных содержательных структур, в свою очередь, учёный включал не только глаголы, но и другие части речи, подвергшиеся вербализации (существительные — *to eye* «смотреть», *to snow-ball* «играть в снежки»; прилагательные — *to un-English our language* «коверкать наш английский язык» и т.д.).

Функционально-ономазиологический аспект. Данный аспект морфологии связан с изучением функционирования морфологических содержательных структур языка в деятельности говорящего. Главное внимание в этой области В. Матезиус уделял вопросам, связанным с морфологической валентностью. При этом он обращал внимание на эквивалентность предложных конструкций в английском языке падежным формам в чешском, а также на валентные свойства глаголов.

СИНТАКСИС

Структурно-ономазиологический аспект. Данный раздел синтаксиса направлен на систематизацию синтаксических содержательных структур изучаемого языка. В. Матезиус выделял четыре типа таких структур — акциальный, квалификативный, экзистенциальный и посессивный. К первому из них относятся предложения, где сказуемые обозначают действия. В основе трёх остальных типов лежат категории квалификации (характеристики), бытия и обладания. В состав каждой из указанных структур входят различные формальные структуры. Так, в состав акциальных структур входят активные, пассивные и возвратные конструкции.

Функционально-ономасиологический аспект синтаксиса связан с изучением функционирования синтаксических содержательных структур языка в речевой деятельности говорящего. Этот, синтаксический, период в речевой деятельности говорящего делится на две фазы — стемматическую и линейную. В первом случае говорящий устанавливает иерархические отношения в создаваемом предложении, а во втором — тот или иной порядок слов в этом предложении.

В. Матезиус был сторонником субъектоцентрической теории стеммообразования, т.е. считал, что подлежащее в конечном счёте играет центральную роль в установлении иерархических отношений между членами создаваемого предложения. Основным принципом словорасположения он считал актуальное членение предложения. Его учение о теме («основе высказывания») и реме («ядре высказывания») стало общепризнанным. В зависимости от того, что стоит впереди, — основа или ядро, В. Матезиус выделял два типа словопорядка: объективный и субъективный. В первом случае основа предшествует ядру, во втором — наоборот. Вот как сам В. Матезиус писал об этом: «Обычным порядком является такой, при котором за исходный пункт принимается начальная часть предложения, а за ядро высказывания — его конец. Эту последовательность можно назвать объективным порядком, ибо в данном случае мы движемся от известного к неизвестному, что облегчает слушающему понимание произносимого. Но существует также обратный порядок: сначала стоит ядро высказывания, а за ним следует исходный пункт. Это порядок субъективный, при нём говорящий не обращает внимания на естественный переход от известного к неизвестному, ибо он так увлечён ядром высказывания, что именно его ставит на первое место. Поэтому такая последовательность придаёт ядру высказывания особую значимость. Наглядно это можно проиллюстрировать при сравнении двух предложений: *«Я отдала за нее 20 крон»* (порядок объективный) — *«20 крон я за нее отдала»* (порядок субъективный)» (Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок / Под ред. Н.А. Кондрашова. — М., 1967. С. 244).

Итак, у В. Матезиуса мы нашли наиболее полную систему ономасиологической грамматики. Это связано, во-первых, с тем, что он включил в грамматику не только словообразование, морфоло-

гию и синтаксис, но и лексикологию, а во-вторых, с тем, что каждая грамматическая дисциплина рассматривалась им в структурном и функциональном планах.

22. «Российская грамматика» М.В. Ломоносова

Михаил Васильевич Ломоносов (1711—1765) — родоначальник семасиологического направления в русской грамматике. Его «Российская грамматика» (1755) — типичная семасиологическая грамматика. Она построена по схеме, выработанной ещё александрийскими языковедами и их римскими последователями. Но их влияние на русского грамматиста было не прямым, а опосредованным в первую очередь авторами грамматик старославянского и немецкого языков. Авторами первых грамматик старославянского языка были **Лаврентий Зизаний** (род. в 50—60-х гг. XVI в. — умер после 1634) и **Мелетий Герасимович Смотрицкий** (ок. 1578—1633).

Л. Зизаний снискал себе славу как автор учебника по старославянскому языку. Подобно «Малому руководству» Э. Доната, он был построен в форме вопросов и ответов и носил название «Грамматика словенска съвершеннаго искусства осми частей слова и иных нуждных» (1596). Вот как украинский учёный подходил к определению грамматики: «Грамматика есть известное вежество, еже благо глаголати и писати». Или: «Грамматика есть певное ведане, жебысь мы добре мовили и писали» (цит. по: *Булахов М.Г.* Восточнославянские языковеды. Т. I. — Минск, 1976. С. 106).

Свой учебник по старославянскому языку М. Смотрицкий назвал витиевато: «Грамматика славенския правильное синтагма...». Она была издана впервые в 1619 г., но в дальнейшем много раз переиздавалась. Книга использовалась в качестве наиболее авторитетного пособия по старославянскому языку не только в XVII, но и в XVIII в. Недаром М.В. Ломоносов назвал её вместе с арифметикой Магницкого «вратами учёности».

Книги Л. Зизания и М. Смотрицкого были первыми авторизованными грамматиками старославянского языка (ещё до них были созданы старославянские грамматики, авторы которых неизвестны), но у М.В. Ломоносова были предшественники и в на-

уже о русском языке. Ещё до опубликования его «Российской грамматики» в конце XVII и в 1-й половине XVIII в. были созданы грамматики русского языка, авторами которых были **Генрих Лудольф** (1655–1712), **Иван Семенович Горлицкий** (1688–1777) и **Василий Евдокимович Адогуров** (1709–1780). Первый из них написал свою грамматику по-латински, второй — по-французски, а третий — по-русски. Грамматика И.С. Горлицкого была опубликована в 1730 г. Она преследовала практическую цель и была весьма незначительной по объему (всего 62 страницы). Для истории русской грамматики она интересна как первая ласточка в формировании ономазиологического направления, поскольку в ней отражены идеи авторов грамматики Пор-Рояля. Грамматики Г. Лудольфа и В.Е. Адогурова были семасиологическими.

Первая русская грамматика была написана немцем Г. Лудольфом, который жил и работал в Англии. Его «Русская грамматика, в которой изложены не только главные основы русского языка, но также и некоторое руководство по славянской грамматике», была издана в 1696 г. (приблизительно за 60 лет до опубликования «Российской грамматики» М.В.Ломоносова).

В.Е. Адогуров — автор первой русской грамматики, написанной на русском языке (1731). К сожалению, эта грамматика не была опубликована. До нас дошли лишь её рукописные списки. Важно, однако, отметить, что М.В. Ломоносов был знаком с грамматикой В.Е. Адогурова, хотя и отнесся к ней неодобрительно, он считал её «весьма несовершенной и во многих местах неисправной» (цит. по: *Березин Ф.М.* История русского языкознания. — М., 1979. С. 15).

«Российская грамматика» М.В. Ломоносова (1755) — первая печатная грамматика русского языка, написанная на родном языке автора. Грамматика М.В. Ломоносова — мощный фундамент русской грамматической науки. От неё веет величием. Это можно почувствовать, например, по таким словам её автора: «Тупа оратория, косноязычна поэзия, неосновательна философия, неприятна история, сомнительна юриспруденция без грамматики». И далее он поясняет почему: «И хоть она от общего употребления языка происходит, однако правилами показывает путь самому употреблению» (*Ломоносов М.* Российская грамматика. — СПб., 1755. С. 8).

Ведущее место в грамматике М.В. Ломоносова занимает **морфология**. Согласно традиции автор выделял восемь частей речи, но интерпретировал их в достаточной мере оригинально. Прежде всего он делил их на «главные» (или «знаменательные») и «служебные». Под первыми М.В. Ломоносов имел в виду только имена и глаголы, а к другим он относил местоимения, причастия, наречия, предлоги, союзы и междометия (там же, § 45). В дальнейшем при цитировании будут указаны только параграфы. Пространные выдержки из грамматики М.В. Ломоносова даются в хрестоматиях В.В. Шеулина, В.И. Медведева (Хрестоматия по истории грамматических учений в России. — М., 1965) и Ф.М. Березина (Хрестоматия по истории русского языкознания. — М., 1973).

В категорию имен М.В. Ломоносов включал не только существительные, но и прилагательные. Он писал: «Воображение вещей приводит в ум наш купно их качества. Вещи к качествам не присоединены необходимо, качества без вещи самой быть не могут. Итак, имена, значащие вещь самую, называются существительные, например, *огонь, вода*, значащие качество именуются прилагательные: *великой, светлой, быстрая, чистая*» (там же, § 50). Вместе с тем при отграничении имён от глаголов, учёный подходил к определению имён вообще, принимая во внимание лишь существительные: «Слово дано для того человеку, — указывал он, — чтобы свои понятия сообщать другому. И так понимает он на свете и сообщает другому идеи вещей и их деяний. Изображения словесные вещей называются имена, напр.: *небо, ветр, очи*; изображения деяний — глаголы, напр.: *синее, веет, видят*» (там же, § 40).

«Служебные» части речи М.В. Ломоносов подразделял на две группы: те, которые выражают отношения между «знаменательными» частями речи, и те, которые служат для того, чтобы иметь возможность «слово свое сократить и выключить скучные повторения одного речения». Вот как пояснял он назначение «сокращающих» частей речи, к которым он относил местоимения, наречия, междометия и причастия (к первой же группе он причислял предлоги и союзы): «Местоимение полагается вместо имени; наречие изображает единым речением обстоятельства; междометие представляет движение духа человеческого кратко. Пример первого и второго, если бы кто, говоря сам о себе, сказал: *Семпроний Клавдиев тысяча семьсот пятьдесят пятого года июля 15 дня нахо-*

жусь в Новгороде; после нынешняго дня и ночи буду на другом месте, что всё кратко сказать можно: *Я ныне здесь, а завтра буду инде...* Пример третьего: *...ба!* вместо сего: *Я удивляюсь, что тебя здесь вижу*» (там же, § 42). А о причастиях он писал в аналогичном духе в § 44: «Сии глагольные имена служат к сокращению человеческого слова, заключая в себе имени и глагола силу: *«приведённый»* вместо *«которого привели»*».

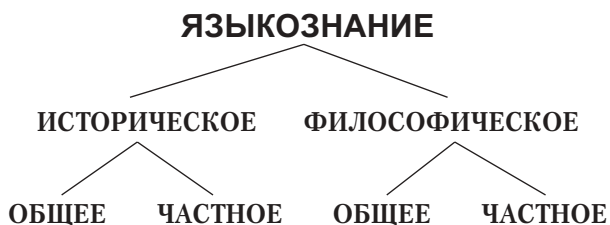
Следуя за традиционной семасиологической грамматикой, М.В. Ломоносов стремился излагать свое **синтаксическое учение** как синтаксис частей речи, синтаксис словосочетания. Иначе говоря, он сосредоточивал своё внимание на описании правил, связанных с валентными свойствами тех или иных частей речи и словоформ. Возьмите, например, § 469 и § 473: «Имена прилагательные, местоимения и причастия должны с существительными, к которым прилагаются, быть согласны в роде, числе и падеже: *искренний друг, святая правда, похвальное дело...* Когда два имени существительные, к разным вещам принадлежащие, полагаются в слове без союза, одно должно быть в родительном падеже: *множество народа, туча стрел, столп церкви...*»

Вслед за западноевропейскими грамматистами те или иные отклонения от обычной актуализации синтаксической стеммы предложения М.В. Ломоносов расценивал как речевые вольности. Среди них он указывал на инверсию («перенос») и эллипсис («опущение»). «Сей порядок речений, — писал ученый, — и их полность хотя с чином природы сходятся, однако вольность человеческих мыслей превращает порядок оных и выключает из речи то, чему бы по натуре быть должно было. Пример первого: *“тучнеет от росы земля”* вместо: *“земля тучнеет от росы”*. Пример второго: *“земля тучна от росы”*; разумеется, выключенный глагол *“бывает”*. Первая вольность называется перенос, вторая — опущение» (§ 84). Как видим, к проблеме словоупотребления учёный подходил с подчеркнуто нормативистской точки зрения.

23. Грамматическая теория Н.И. Греча

Николай Иванович Греч (1787—1867) в своих книгах «Пространная русская грамматика» (ПРГ) и «Практическая русская

грамматика» (1827) исходил из следующей методологической структуры языкознания:

Сам Н.И. Греч так описывает данную схему: «Из сего явствует разделение науки о языке на следующие части:

1. Историческая часть:

- а) изложение общих законов, по коим человек мог и долженствовал составить язык;
- б) изложение происхождения, начала и постепенного образования языка у известного народа — собственно история языка.

2. Философическая часть:

- а) изложение общих начал, по коим человек действует в изображении своих ощущений и мыслей посредством звуков голоса — всеобщая грамматика;
- б) собрание правил, коими известный народ в известное время руководствовался или руководствуется в употреблении дара слова — частная грамматика, например, русская, латинская и т.п.» (ПРГ, с. 4).

В конечном счёте Н.И. Греч выделил в своей грамматике четыре раздела:

- 1) общее историческое языкознание;
- 2) русское историческое языкознание;
- 3) общее философическое языкознание;
- 4) русское философическое языкознание.

Общее историческое языкознание. В своей «Пространной русской грамматике» Н.И. Греч представил в общих чертах исто-

рию происхождения частей речи. Он писал: «Спрашивается: которая часть речи существовала в языке прежде других? Прежде всех составилось междометие, но оно по справедливости может быть исключено из числа частей речи. По мнению нашему, первую часть речи было прилагательное имя, ещё неясное, неотделённое от междометия. Потом перешло оно в существительное, которое сначала было не нарицательное, а собственное, означавшее отдельный предмет, и потом уже сделалось нарицательным» (с. 11). Вот в какой последовательности, по Н.И. Гречу, появлялись части речи: междометия, прилагательные и причастия, существительные, глагол «*быть*», наречия, другие глаголы, предлоги, союзы и местоимения.

Русское историческое языкознание. Неудивительно, что данный раздел у Н.И. Греча оказался менее всего разработанным: история русского языка в его время не была ещё описана. Русский язык он возводил к «коренному славянскому», т.е. праславянскому языку. Из последнего в русский, по его мнению, перешли слова *голова, муравей, я* и др. Наряду с ними в русском языке представлена собственно русская лексика (*глаз, голубой, начать* и др.) и заимствованная (*генерал, офицер, казна* и др.). Не все примеры у него оказались удачными. Так, слово *начать* — праславянского происхождения.

Общее философическое языкознание (всеобщая грамматика). Н.И. Греч представил в своих работах следующую дисциплинарную структуру грамматики:

В общей этимологии у него излагается теория агглютинации, в соответствии с которой исторически первичными в языке признаются корневые слова (корнесловы), которые делились на «главные» и «придаточные». За счёт «приклеивания» последних к первым возникли приставки, суффиксы и окончания.

В частной этимологии он даёт теорию частей речи. Вот как выглядит его классификация частей речи:

«I. Ощущение.

А. Междометия, звуки, выражающие ощущение.

II. Представление.

Б. Части речи, слова, означающие существо или качество одного:

1. Имя существительное.
2. Имена качественные:
 - а) имена прилагательные,
 - б) причастия,
 - в) наречия качественные,
 - г) деепричастия.
3. Глаголы:
 - а) самостоятельный (*быть*),
 - б) союкупные.

В. Частицы речи, слова, означающие отношение существ или качеств между собою:

1. Предлоги.
2. Союзы.
3. Первоначальные наречия.

Г. Часть и частица речи: местоимения, составляющие переход от части к частице» (с. 103—104).

Как видим, все слова Н.И. Греч делил на междометия, части речи (куда вошли существительные, имена качественные и глаголы), частицы речи (куда он поместил предлоги, союзы и производные наречия) и части/частицы речи (так он оценивал местоимения).

Русское философическое языкознание (русская грамматика). В центре русской грамматики Н.И. Греча были морфология и синтаксис. Особого внимания у него заслуживает тот раздел синтаксиса, где речь идёт о порядке слов в предложении. Он различал два словопорядка — естественный (или первоначальный) и изменённый. При естественном порядке подлежащее стоит в нача-

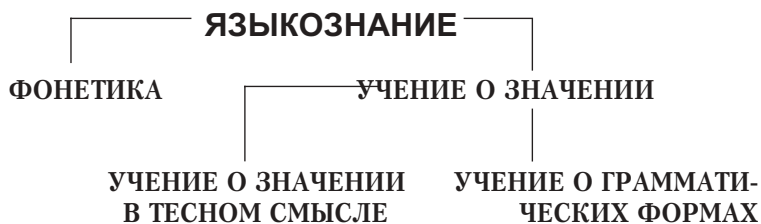
ле предложения. Но иногда на его место ставятся другие члены предложения. Когда это происходит? «Сей (естественный. — В.Д.) порядок, — отвечает Н.И. Греч, — изменяется, когда надлежит обратить внимание на какую-либо часть предложения в особенности; например, в предложении «*Велик Бог*» (с. 430). На первом месте, добавим мы от себя, здесь ставятся ремы.

Если М.В. Ломоносов был основателем семасиологического направления в русской грамматике, то Н.И. Греч — родоначальник ономасиологического направления в ней.

24. Грамматическая концепция А.А. Потебни

Новый период в становлении ономасиологического направления в русской грамматике связан с деятельностью выдающегося лингвиста XIX в. Александра Афанасьевича Потебни (1835—1891). Он также испытывал на себе влияние западноевропейской лингвистической мысли (в первую очередь со стороны В. Гумбольдта), но сумел создать оригинальную грамматическую концепцию.

А.А. Потебня исходил в своих работах (в том числе и в главном грамматическом труде «Из записок по русской грамматике») из следующей дисциплинарной структуры языкознания:

Как видим, эта схема совмещает оба типа представлений о дисциплинарной структуре языкознания — горизонтальное и вертикальное. Исходя из первого, А.А. Потебня делил науку о языке на фонетику и учение о значении. Вот как писал он об этом уровне дисциплинарной структуры языкознания: «...вся область изучения языка наиболее естественно делится на фонетику, рассматривающую внешнюю форму слова, звуки, предполагая их знаме-

нательность, но не останавливаясь на ней, и учение о значении, в котором, наоборот, внимание сосредоточено на значении, а звуки только предполагаются» (*Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т. 1—2. — М., 1958. С. 47).

Исходя из вертикального членения представлений, А.А. Потебня выделял учение о значении в тесном смысле и учение о грамматических формах. Какие науки он подразумевал под ними? В учение о значении в тесном смысле включалось словообразование и лексикология, а в учение о грамматических формах — морфология и синтаксис. Правда, отграничение этих дисциплин друг от друга у А.А. Потебни проводилось не отчётливо.

Каждую лингвистическую дисциплину А.А. Потебня предлагал рассматривать с синхронической («синтаксической», в его терминологии) и с диахронической («этимологической») точек зрения. Однако для самого А.А. Потебни в большей мере характерен диахронический (или исторический) подход к изучению языка. При этом он, как правило, занимал ономаσιологическую точку зрения. В центре его внимания находились вопросы, связанные с происхождением словообразовательных и фразообразовательных единиц. Подобно В. Гумбольдту, А.А. Потебня стремился исследовать языковые единицы с генетической точки зрения. Это значит, что он сосредоточил своё внимание на том, как создавались первичные словообразовательные и фразообразовательные элементы.

В своей словообразовательной деятельности люди обычно пользуются уже готовыми элементами — корнями, приставками и т.д., которые находятся в уже имеющихся в данном языке словах. А.А. Потебня же ставил перед собой задачу объяснить, как появились в языке сами приставки, корни, суффиксы и так называемые непроеизводные слова. Конкретизируя эту задачу, учёный направил свои усилия на объяснение звуковых источников первых корнесловов. Он видел эти источники в «междометиях».

Под междометиями в собственном смысле он понимал звуки, которые связаны с произвольным выражением тех или иных чувств. Эти междометия представляют собою, так сказать, предслова, дослова. Слова, в отличие от междометий, являются произвольными, осознанными знаками. А.А. Потебня полагал, что первые слова стали возникать в языке благодаря переходу некоторых междометий-выкриков в подлинные слова. Иначе говоря, эти междометия послужили базой, на которой возникали первые слова.

Переход междометий в слова произошел за счёт того, что с развитием мышления первобытные люди стали связывать те или иные междометия не только с определёнными чувствами, но и с предметами, которые эти чувства вызывали. Тем самым они переводили междометия в слова. «...Междометие, — указывал А.А. Потебня, — под влиянием обращённой на него мысли изменяется в слово» (*Потебня А.А. Эстетика и поэтика.* — М., 1976. С. 110). Первобытные междометия, перешедшие в слова, составили основу, опираясь на которую люди смогли в дальнейшем создавать новые слова на материале старых.

В своей теории происхождения частей речи А.А. Потебня опирался в какой-то мере на теорию агглютинации Ф. Боппа. А.А. Потебня подразделял первообразные корнесловы на две группы — «качественные» и «указательные». На основе последних создавались местоимения, а также флексии, благодаря которым и стали возникать части речи. Основное внимание у А.А. Потебни обращено на изучение «качественных» корнесловов.

В отличие от Ф. Боппа, который интерпретировал первые слова как глагольные, А.А. Потебня считал, что они имели промежуточную между именами и глаголами природу. Вот почему он назвал их первобытными причастиями. Они ещё не имели морфологических показателей времени, залога, рода и т.д., но в их номинативном значении было нечто смежное между предметностью и признаковостью. Они обозначали, как говорил А.А. Потебня, «безразличную совокупность предмета и действия».

Таким образом, первобытные причастия обозначали ещё не расчленённые восприятия предметов и их процессуальных признаков. С развитием мышления люди научились этого рода восприятия расчленять на отдельные представления. Тем самым они создавали основу для «изобретения» субстантивных и глагольных частей речи. Некоторые указательные корнесловы присоединялись к качественным и за счёт этого превращались в аффиксы. Это и свидетельствовало о начале процесса, связанного с происхождением первых кардинальных частей речи. На их основе стали возникать в дальнейшем и другие части речи.

Осмысление процессов, связанных с происхождением частей речи, проводилось А.А. Потебней и в синтаксическом плане. Первобытные причастия выполняли функции простых предложений, совмещая в себе функции подлежащего и сказуемого. Появление

первых существительных и первых глаголов позволило создавать двусоставные предложения. Опираясь на факты славянских языков, А.А. Потебня пришёл к выводу, что на первых порах в древних языках господствовала тенденция к «имённости» предложения. Она выражалась в том, что ведущую роль в оформлении сказуемого играло имя. В дальнейшем же эта тенденция стала уступать место тенденции к глагольности, при которой главную роль в сказуемом играл один глагол. Иначе говоря, конструкции типа «*Кий был перевозчик*» стали уступать место конструкциям типа «*Кий перевозил*».

Мы остановились лишь на основных моментах грамматической концепции А.А. Потебни, но уже и этого достаточно, чтобы увидеть её оригинальность. С неё начинается новый этап в истории русской грамматической науки. Если до того грамматическая наука в России развивалась главным образом за счёт перенесения идей западноевропейских лингвистов на почву изучения русского языка, то А.А. Потебня стал автором вполне самостоятельной грамматической теории. Она способствовала развитию грамматической мысли в России даже у тех авторов, которые выступали как её оппоненты. К ним относится В.П. Сланский.

В книге «Грамматика как она есть и как должна бы быть» (1886) В.П. Сланский задолго до Ф. Данеша, Т.Б. Алисовой и других современных синтаксистов разработал понятие смысловой структуры предложения. Так, предложения «*Испарение воды происходит от теплоты*» и «*Вода испаряется от теплоты*», указывал учёный, отличаются по «грамматическому смыслу», но совпадают по «логическому». В современной терминологии это означает, что они реализуют разные структурные схемы, но имеют одинаковую смысловую структуру. Последняя отражает некоторое внеязыковое содержание, а грамматическое её воплощение связано с переводом данного содержания в определённую языковую форму.

25. Формальная грамматика **Ф.Ф. Фортунатова**

В первой половине XX в. на ведущее положение в языкознании выдвинулся лингвистический структурализм. Его основателем

считают швейцарского ученого Ф. де Соссюра. По своим доминирующим установкам его концепция, как и теории его последователей, была структурно-семасиологической. Это значит, что она строилась главным образом в направлении *«речь → языковая система»*. В подобном направлении исследовали языковые явления также и младограмматики, хотя они это делали в основном на материале изучения истории языка. К младограмматикам можно отнести двух основателей лингвистических школ, существовавших на рубеже XIX—XX вв., — Ф.Ф. Фортунатова и И.А. Бодуэна де Куртенэ.

Филиппа Федоровича Фортунатова (1848—1914) считают главой московской лингвистической школы. Его последователями были такие известные грамматисты, как А.М. Пешковский (1878—1933), М.Н. Петерсон (1885—1962) и др. В 1956 г. вышли «Избранные труды» академика Ф.Ф. Фортунатова в двух томах. Эти книги показывают, насколько широк был диапазон научных интересов выдающегося русского исследователя. Он был фигурой мирового масштаба. В его работах мы обнаруживаем классификацию индоевропейских языков, исследование языка в процессе мышления и речи, изучение вопросов общей и сравнительно-исторической фонетики, морфологии и синтаксиса, описание типологической классификации языков и многое другое. Однако в историю науки Ф.Ф. Фортунатов вошёл в первую очередь как автор учения о форме в языке. Неслучайно его школу некогда называли формальной. У неё были отечественные историко-научные корни.

С позиций формально-семасиологического подхода к изучению языка в XIX в. выступал К.С. Аксаков (1817—1860). Он был не только публицистом, литературным критиком и поэтом, но и лингвистом. Как славянофил он стремился придать русской грамматике самобытный характер. Аксаков считал, что это станет возможным, если русские грамматисты откажутся от ориентации на «логический» (читай: ономасиологический) подход к описанию грамматических явлений. По этой причине он критиковал «Основания русской грамматики для первоначального обучения» В.Г. Белинского (1837) и «Историческую грамматику русского языка» Ф.И. Буслаева (1858). К.С. Аксаков полагал, что своеобразие того или иного языка может быть обнаружено, если исследователь будет изучать его от формы к содержанию, а не на-

оборот. «В самом деле, — писал он, — содержание слова может быть какое вам угодно, но дело всё в форме (именно окончательной), которая придаётся этому содержанию и указывает ему место в языке...» (Аксаков К.С. Полное собрание сочинений. Т. 2. — М., 1875. С. 6).

Ф.Ф. Фортунатов определил грамматику как «учение о всяких формах языка» (Избр. соч. Т. 1. — М., 1956. С. 136). В качестве основных грамматических единиц он рассматривал слова и словосочетания. Вот почему его грамматика распадается на две дисциплины — учение о формах слова и учение о формах словосочетания. Первое изучает отдельные слова как таковые, второе — их сочетание друг с другом.

Учение о формах слова. Основатель московской лингвистической школы делил все слова на два класса — «полные» и «частичные». Отличие между ними усматривалось в том, что первые могут иметь формы, а вторые — нет. Вот как определял форму слова Ф.Ф. Фортунатов: «Формой отдельных слов в собственном значении этого термина называется... способность отдельных слов выделять из себя для сознания говорящих формальную и основную принадлежность слова» (там же).

Какие же элементы слова позволяют ему иметь форму? Аффиксальные. И не только морфологические, но и словообразовательные. Например, слово *несу* имеет форму, так как в сознании русских людей оно расчленяется на основу *нес-* и морфологический элемент («формальную принадлежность») *-у*. Подобным образом слово *красенький* имеет форму, поскольку оно расчленяется на основу *красн-* и «формальную принадлежность» *-енький*.

Ф.Ф. Фортунатов указывал и на наличие нулевых «формальных принадлежностей»: «...самое отсутствие в слове какой бы то ни было положительной (т.е. материально выраженной. — В.Д.) принадлежности может само сознаваться как формальная принадлежность этого слова в известной форме... по отношению к другой форме или другим формам, где являются положительные формальные принадлежности... Например, “дом”, “человек”» (там же, с. 138).

Как видим, в учение о форме слова у Ф.Ф. Фортунатова попадали две дисциплины — морфология и словообразование. При таком подходе грань между этими науками становится зыбкой. Кроме того, служебные слова, которые он называл «частичными»,

фактически исключаются из морфологии и переносятся в синтаксис. А.М. Пешковский в своем «Синтаксисе в научном освещении» довел эту формалистическую установку до логического конца. Он оставил в морфологии только четыре части речи — существительные, прилагательные, глаголы и наречия. Числительные и местоимения распределялись между существительными и прилагательными как слова, которые формально не отличаются от данных частей речи. Служебные же части речи вообще не признавались за части речи и изучались как синтаксические элементы. Формалистический подход к изучению морфологических явлений языка привёл А.М. Пешковского к истолкованию морфологии как науки только о тех словах, которые имеют морфологические формы.

В чём недостаток истолкования понятия «форма слова» у Ф.Ф. Фортунатова? К чему это привело учёного?

1. Морфология в грамматике Ф.Ф. Фортунатова продолжает оставаться спаянной со словообразованием. Морфологические и словообразовательные факты у него по-прежнему рассматриваются в рамках одного и того же раздела грамматики — учения о формах слова.
2. Понятие формы слова у Ф.Ф. Фортунатова оказалось чересчур широким, он говорил, по существу, не только о морфологических формах слова, но и о его словообразовательных формах.
3. Частичные слова (а тем более междометия!), по существу, выпадают из фортунатовского учения с форм слова, поскольку они не имеют форм.

Итак, задачи учения о формах слова у Ф.Ф. Фортунатова сводятся в конечном счёте к морфолого-словообразовательному анализу полных (т.е. имеющих аффиксы) слов.

Учение о формах словосочетания. Синтаксис интерпретировался Ф.Ф. Фортунатовым как наука о формах словосочетаний. «Словосочетанием я называю, — писал он, — такое целое, которое образуется сочетанием в мышлении, а потому и в речи одного цельного полного слова с другим цельным полным словом как с частью в предложении» (там же, с. 182). В качестве примеров словосочетаний он приводил не только словосочетания в привычном смысле этого термина («хорошая погода»), но и предложения

(«Летит птица», «Москва — столица»). Далее следует разъяснение: «Словосочетания могут быть законченными и незаконченными. Незаконченным словосочетанием является такое словосочетание, самостоятельная часть которого образует собою также и часть другого словосочетания, т.е. незаконченное словосочетание входит в состав другого словосочетания, становящегося поэтому не простым, а сложным. Например, в словосочетании “летит большая птица” словосочетание “большая птица” является незаконченным» (там же, с. 182).

Под законченным словосочетанием учёный понимал предложение. В результате синтаксис понимался как наука о разных формах словосочетания — законченных и незаконченных. Главное отличие их Фортунатов видел в том, что первые выражают суждения, а другие — нет. Односоставные предложения он признавал как полупредложения и полуслова, отсюда его термин «словапредложения» (*Дом. Морозит*). Что касается сложных предложений, то здесь речь шла о двух формах сочетания простых предложений — сочинении и подчинении.

В синтаксисе Ф.Ф. Фортунатов менее оригинален, чем в морфологии и словообразовании. Очевидно, поэтому в учении о формах словосочетания у него меньше формализма, чем в учении о формах слова. «Формальная» сторона грамматического учения Ф.Ф. Фортунатова составляет его наиболее оригинальное зерно, из которого произросли концепции наиболее ортодоксальных учеников этого ученого — А.М. Пешковского и М.Н. Петерсона. Вот почему их следует считать наиболее яркими представителями Московской (фортунатовской) лингвистической школы.

26. Лингвистическая концепция И.А. Бодуэна де Куртенэ

Иван Александрович (Ян Игнацы Нецислав) Бодуэн де Куртенэ (1845—1929) проложил путь, по которому позднее пойдет — более решительно — Фердинанд де Соссюр (1857—1913), разработавший теорию трех дихотомий:

- 1) языка и речи,
- 2) синхронии и диахронии,
- 3) внутренней и внешней лингвистики.

И.А. Бодуэн де Куртенэ предвосхитил здесь путь Ф. де Соссюра.

Язык и речь. В отграничении языка от речи у И.А. Бодуэна де Куртенэ не было соссюрковского категоризма. Тем не менее подходы к такому отграничению у него представлены ещё в лекции 1870 г. (т.е. за 40 лет до Ф. де Соссюра), которую он читал в Петербургском университете в двадцатипятилетнем возрасте и которая называлась «Некоторые общие замечания о языковедении и языке». В ней он, в частности, говорил: «...прежде чем я выскажу окончательное определение языка, обращу предварительное внимание... на различие языка как определённого комплекса известных составных частей и категорий, существующего только *in potentia* в собрании всех индивидуальных оттенков (здесь прорисовывается понятие языковой системы. — *В.Д.*), от языка как беспрерывно повторяющегося процесса, основывающегося на общительном характере человека и его потребности воплощать свои мысли в ощущаемые продукты собственного организма (здесь, очевидно, он говорит о речевой деятельности. — *В.Д.*) и сообщать их существам ему подобным, т.е. другим людям (а здесь явно указано на речь. — *В.Д.*)» («Хрестоматия по истории русского языкознания» Ф.М.Березина. С. 375).

Синхрония и диахрония («статика и динамика»). Уже в лекции 1870 г. И.А. Бодуэн де Куртенэ чётко различает два подхода к изучению языка — статический и динамический. Первый направлен на исследование языка, взятого в определённый период его существования, а второй — на изучение его истории.

Учёный выступал против смещения статической и динамической точек зрения на язык, считая неуместным «измерять строй языка в известное время категориями какого-нибудь предшествующего или последующего времени. Задача исследователя состоит в том, чтобы подробным рассмотрением языка в отдельные периоды определить его состояние, сообразное с этими периодами, и только впоследствии показать, каким образом из такого-то и такого-то строя и состава предшествующего времени мог развиваться такой-то и такой-то строй и состав времени последующего» (Т. 1. С. 68).

Ф. де Соссюр отдавал предпочтение синхронии перед диахронией. И.А. Бодуэн де Куртенэ, как и немецкие младограмматики, напротив, считал приоритетной динамику. «Истинно научными, — указывал он, — они (грамматики. — *В.Д.*) могут быть,

только рассматривая этот известный момент в связи с полным развитием языка» (Т. 1. С. 67—68). В статике он видел лишь частный случай динамики: «Нет неподвижности в языке. Принимаемые, например, многими лингвистами одинаковые, неизменные корни, одинаковые, неизменные основы склонения, спряжения и т.д. во всех родственных языках — есть учёная выдумка, учёная фикция и вместе с тем тормоз для объективного исследования. В языке, как и вообще в природе, всё живет, всё движется, всё изменяется. Спокойствие, остановка, застой — явление кажущееся; это частный случай движения при условии минимальных изменений. Статика есть только частный случай динамики или скорее кинематики» (Т. 1. С. 349). Это позиция убежденного эволюциониста!

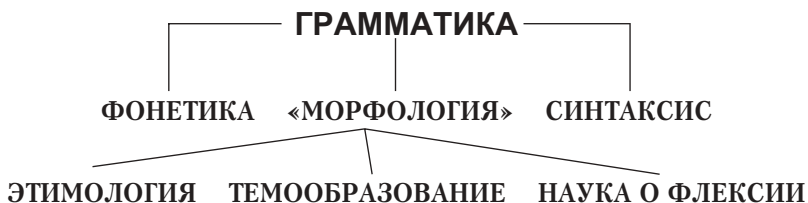
Внутренняя лингвистика и внешняя. Уже в лекции 1870 г. И.А. Бодуэн де Куртенэ провел границу между «чистым» языковедением и «прикладным». Через сорок лет подобным образом поступит и Ф. де Соссюр, который назовет её границей между внутренней лингвистикой и внешней.

О дихотомии внутренней лингвистики и внешней, пользуясь другими терминами, И.А. Бодуэн де Куртенэ говорил: «Прежде всего, нужно отличить чистое языковедение, языковедение само по себе, предметом которого служит сам язык как сумма в известной степени однородных фактов, подходящих в своей общности под категорию так называемых проявлений жизни человечества, и языковедение прикладное, предмет которого составляет применение данных чистого языковедения к вопросам из области других («пограничных», — сказал позднее Ф. де Соссюр — *В.Д.*) наук» (Хрестоматия Ф.М. Березина. С. 365). Можно ли сомневаться, что Ф. де Соссюр строил свою концепцию под влиянием И.А. Бодуэна де Куртенэ?

О том, как И.А. Бодуэн де Куртенэ отграничивал внешнюю лингвистику от внутренней, мы можем судить также по его идее, связанной с делением истории языка на внешнюю и внутреннюю. Он писал: «Внешняя история языка тесно связана с судьбами его носителей, т.е. с судьбами говорящих им индивидов, с судьбами народа... Внутренняя же история языка занимается развитием языка самого по себе, жизнью языка, разумеется, не отвлекая его неестественным образом от его носителей, от людей, а, напротив того, понимая его всегда в связи с физической и психической организацией говорящего им народа. Но она не заботится о судь-

бах языка, а только обращает внимание на перемены, происходящие внутри его же самого» (там же, с. 369).

Вопрос о дисциплинарной структуре внутренней лингвистики (или «грамматики») И.А. Бодуэн де Куртенэ решал в разные годы по-разному. Например, в программной лекции 1870 г. учёный предложил такую схему дисциплинарной структуры грамматики:

Фонетику (науку о звуках) он называет здесь пока ещё и фонологией, хотя позднее эти термины разведет: фонетика — наука о звуках, а фонология — о фонемах. «Морфология» понимается здесь как наука о строении языка, этимология — как наука о корнях, темообразование — как наука о словообразовательных основах и аффиксах и наука о флексии — как наука об окончаниях. Таким образом, в состав бодуэновской «морфологии», по существу, попадают три науки — лексикология, («этимология»), словообразование («темообразование») и морфология («наука о флексиях»).

В статье «Языкознание, или лингвистика, XIX века» (1904), т.е. более чем тридцать лет спустя после программной лекции 1870 г., И.А. Бодуэн де Куртенэ даёт несколько иную схему дисциплинарной структуры «грамматики» (внутренней лингвистики): «...мы обращаем внимание на различные стороны языковой жизни, что даёт нам следующие разделы грамматики, как общей, так и частной: **фонетика (фонология)**, т.е. наука о звуковых представлениях или произношении... **морфология** — наука о строении слов (морфология в точном понимании) и наука о строении предложения (**синтаксис**); **лексикология**, или наука о слове вообще; семасиология (**семантика**) — наука о значении слов, т.е. о сочетании языковых и внеязыковых представлений; **этимология** занимается составом слов и их значимых частей с точки зрения исторического родства» (с. 394). Высшей похвалы здесь заслуживает введение в состав грамматики лексикологической науки. Учёный

писал о ней: «Лексикология, или наука о словах, как отдельная ветвь грамматики будет творением XX в.» (с. 396).

Но у И.А. Бодуэна де Куртенэ имеются суждения, на основе которых мы могли бы построить и более строгое представление о дисциплинарной структуре внутренней лингвистики. Вот главное из таких суждений: «Анализ языка как основание для разделения грамматики. Самый простой, первичный анализ конкретного языка, ведущийся от полных выражений мысли (от связной, живой конкретной речи), с одной стороны, к предложениям, от предложений к словам, от слов же к их знаменательным, осмысленным частям (слова, как комплексы осмысленных знаменательных частей), с другой же стороны, к чисто физиологическим, акустическим частям речи, к звукам...» (с. 78). С некоторой долей гипотетичности мы можем вывести из этих слов такую дисциплинарную структуру внутренней лингвистики:

- 1) лингвистика текста (о связной речи);
- 2) синтаксис (о предложениях);
- 3) наука о слове (очевидно, включая лексикологию и морфологию);
- 4) морфемика (о знаменательных частях слова как словообразовательных элементах);
- 5) фонетика (о звуках).

Наибольший вклад И.А. Бодуэн де Куртенэ внёс в разработку основных понятий двух последних дисциплин, а именно понятий морфемы и фонемы.

Морфема. И.А. Бодуэн де Куртенэ — автор данного термина, он начинает им пользоваться с начала 80-х годов XIX в. Учёный давал разные его определения, но все они, в конечном счете, сводятся к пониманию морфемы как родового наименования для минимальных значимых частей слова. Вот одно из его определений «Морфема — любая часть слова, обладающая самостоятельной психической жизнью и далее неделимая с этой точки зрения... Это понятие охватывает, следовательно, корень, все возможные аффиксы, как суффиксы, префиксы, окончания» (Т. 1. С. 272).

Фонема. И.А. Бодуэн де Куртенэ создал две теории фонемы. Первая датируется 1881 г. Она легла в основу Московской фонологической школы. Вторую теорию датируют более поздним вре-

менем (с 1894 г.). Эта теория легла в основу Ленинградской фонологической школы. В ней сделан крен в сторону психологизации понятия фонемы. Большею популярностью пользуется первая из указанных теорий. В ней её автор интерпретировал фонему как то, что объединяет ряд звуков, встречающихся в вариантах одной и той же морфемы, а также произошедших из одного и того же звука. Такая интерпретация ещё не предполагает чёткого ограничения понятий «фонема» и «морфонема».

В самом деле, звуки, произошедшие из одного источника, И.А. Бодуэн де Куртенэ называл гомогенами. Они подразделялись на дивергенты и коррелятивы. Под первыми он понимал не что иное, как варианты одной фонемы, а под другими — варианты одной морфемы. Наличие дивергентов в языке (например, [т] и [д] в *год* и *годы*) И.А. Бодуэн де Куртенэ объяснял законами современного языка, а наличие коррелятивов (например, [к] и [ж] в *луг* и *лужок*) — законами, которые действовали лишь в истории языка. Таким образом, теория фонемы, о которой идёт речь, характеризуется, во-первых, слабой расчленённостью фонологии и морфонологии и, во-вторых, совмещением синхронии и диахронии.

Итак, И.А. Бодуэн де Куртенэ — лингвист-теоретик мирового класса. Долгое время дискутировался вопрос о его влиянии на Ф. де Соссюра. Они хорошо знали друг друга (по подсчётам Э. Бенвениста, они восемь раз встречались в Париже). Но главное доказательство этого влияния — явное сходство их концепций. Ф. де Соссюр довёл до логического конца идеи И.А. Бодуэна де Куртенэ. Вот почему сквозь призму учения первого просматривается учение второго.

27. Грамматическая теория Л.В. Щербы

Лингвистическое наследие Льва Владимировича Щербы (1880—1944) достаточно хорошо описано (см. книгу Л.Р. Зиндера и Ю.С. Маслова «Л.В. Щерба — лингвист-теоретик и педагог» [Л., 1982]). Мы обратим здесь главное внимание на вопрос о том, как Л.В. Щерба предлагал строить так называемую активную грамматику.

«Активной» учёный называл ономаσιологическую грамматику, т.е. ту, которая исходит из потребностей говорящего. Грамматику же, исходящую из потребностей слушающего, он назвал «пассивной». Мы называем данный тип грамматики семасиологическим. К вопросу о разграничении активной и пассивной грамматик Л.В. Щерба подходил с лингводидактической точки зрения, т.е. с точки зрения преподавания иностранного языка. Вот почему его теория активной грамматики изложена главным образом в методических работах (см. раздел «Методика» в его книге «Языковая система и речевая деятельность» [Л., 1974]).

Почему Л.В. Щерба назвал грамматику для слушающего «пассивной», а грамматику для говорящего — «активной»? Дело тут в степени активности: у слушающего речевая деятельность требует меньшей активности, а у говорящего — большей. При создании пособий, связанных с обучением восприятию чужого языка, исследователь делает основным направление «от формы к значению». Напротив, пособия, которые учат говорению, в качестве основного используют принцип «от значения к форме». При этом термин «значение» Л.В. Щерба употреблял в самом широком смысле. Он включал в него не только собственно значение, но и внеязыковое содержание, связанное с теми или иными языковыми средствами их выражения. Вот как он описывал сущность учебных пособий активного типа: «При этом надо помнить, что исходить придётся из мыслей, подлежащих выражению, а не оборотов, что будет, впрочем, совершенно естественно, поскольку на практике дело будет всегда идти об оборотах иностранного языка, о мыслях же придётся говорить на родном языке учащихся» (указ. соч., с. 336).

В другом месте Л.В. Щерба таким образом отграничивал пассивную грамматику от активной: «Пассивная грамматика изучает функции, значения строевых элементов данного языка, исходя из внешней их стороны. Активная грамматика учит употреблению этих форм» (там же, с. 333). При отграничении пассивной грамматики от активной Л.В. Щерба прибегал к параллели, связанной с отграничением алфавитных словарей от идеографических («идеологических»): «В лексике мы с давних пор различаем словари, исходящие из звуковой формы слов, и словари, исходящие из значения слов, — так называемые “идеологические” словари... Первые обслуживают пассивное изучение языка, а вторые — актив-

ное. В соответствии с этим можно и должно отличать и грамматику пассивную и активную» (там же, с. 333).

Построение пассивной грамматики Л.В. Щерба демонстрировал, как правило, на морфологическом материале. Подобно О. Есперсену, он предлагал излагать пассивную морфологию исходя из однотипных в звуковом отношении морфологических единиц. Так, отправляясь от окончания *-а*, мы можем прийти к выделению следующих функций у этого окончания в русском языке: родительного падежа единственного числа имён существительных мужского и среднего рода (*мальчика, окна*), именительного падежа множественного числа имен существительных среднего и мужского рода (*окна, города*), единственного числа кратких прилагательных женского рода (*хороша*), настоящего времени у деепричастий (*жужжа*) и др. Задачи пассивной морфологии Л.В. Щерба видел, во-первых, в том, чтобы выявить однозвучные морфологические элементы языка, а затем, во-вторых, описывать их семантические функции.

Тот факт, что в одну формальную структуру языка у Л.В. Щербы попадали омонимичные единицы, указывает, что Л.В. Щерба принимал фонационную форму семасиологического подхода к изучению языка. Как уже говорилось, такой подход не может быть признан плодотворным, поскольку понятие языковой формы он сводит лишь к звуковому сходству между теми или иными единицами языка. А единицы, о которых идёт речь, билатеральны, т.е. имеют не только звуковую, но и смысловую сторону.

К грамматическим дисциплинам Л.В. Щерба относил фонетику (включая фонологию), словообразование, морфологию и синтаксис. Каждый из этих разделов грамматики, по Л.В. Щербе, может быть изложен в пассивном и активном планах.

Пассивная фонетика — это наука о звуках, которая опирается на звуковую деятельность слушающего, а активная фонетика — на звуковую деятельность говорящего. В области фонологии как одного из разделов фонетики в широком смысле Л.В. Щерба получил всемирное признание. Он — основатель Ленинградской фонологической школы. К сожалению, учёный не был последователен в отношении к функциональному истолкованию понятия фонемы. Это легко обнаружить, например, по такому отрывку из его работы: «В словах “*дети*” и “*детки*” мы воспринимаем [т] и [т'] как две разные фонемы (а для москвичей? Это варианты одной фонемы, так

как они выполняют однотипную смысловозначительную функцию. — В.Д.), так как в “одеть”, “одет”, “разуть”, “разут”, “тук”, “тюк” они дифференцируют значение» (там же, с. 117).

Итак, по Л.В. Щербе, в словах «*дети*» и «*детки*» чередуются варианты фонем [т] и [т’], так как в «*тук*» и «*тюк*» эти звуки выполняют смысловозначительные функции. В отношении «*тук*» и «*тюк*» это действительно так, но не в отношении «*дети*» и «*детки*». В последнем случае звуки [т] и [т’] соучаствуют в передаче смысла одной и той же идеи.

Задачи пассивного словообразования Л.В. Щерба видел в том, чтобы производить анализ уже готовых слов, тогда как задачи активного словообразования связывал с исследованием способов, с помощью которых создаются новые слова. Он выделял четыре таких способа — «морфологический» (префиксацию, суффиксацию и т.д.), «фонетический» («*зелень*» от «*зеленый*»), словосложение и «семантический» («*ручка*» в переносном значении от «*ручка*» в прямом).

Каким образом Л.В. Щерба предлагал рассматривать пассивную морфологию, мы уже видели. А задачи активной морфологии он связывал с созданием морфологических форм слова в акте построения нового предложения. Так, по поводу создания словоформ родительного падежа имён существительных множественного числа он писал: «В плане активной грамматики придётся изложить правила образования форм родительного падежа множественного числа приблизительно в следующем виде: родительный падеж множественного числа образуется посредством нулевого окончания... (*книг, земель*). Он образуется посредством окончаний “-ов” или “-ей”... (*столов, теней*)» (там же, с. 338). Как видим, в активной морфологии Л.В. Щерба исходил из морфологических значений и указывал на соответствующие средства их морфологического выражения в русском языке.

Подобным образом он подходил и к интерпретации активного синтаксиса. Если пассивный синтаксис занимается описанием различных функций синтаксических средств языка, т.е. порядка слов, фразового ударения, интонации и т.д., то активный синтаксис занимается изучением различных синтаксических средств языка, служащих для выражения определённых содержательных категорий. Иначе говоря, активный синтаксис «рассматривает вопросы о том, как выражается та или иная мысль» (там же, с. 56).

Он пояснял это на таких примерах: «...Как, какими языковыми средствами выражается предикативность вообще? Как выражается логическое суждение с его субъектом и предикатом? Как выражается независимость действия от воли какого-либо лица действующего?» (там же, с. 56)

Общий вывод: Л.В. Щерба внёс свой вклад в теорию разграничения семасиологической и ономасиологической грамматик. Его собственная концепция имеет по преимуществу функционально-семасиологический и структурно-ономасиологический характер. В функционально-семасиологическом духе (от формы к значению) он интерпретировал пассивную грамматику, а в структурно-ономасиологическом (от значения к форме) истолковывал активную грамматику.

28. Лингвистическая концепция И.И. Мещанинова

Главный грамматический труд Ивана Ивановича Мещанинова (1883–1967) — «Члены предложения и части речи.» (М., Л., 1945, 2-е изд. — в 1978 г.). Лингвистическая концепция И.И. Мещанинова характеризуется тремя ведущими методологическими установками — ономасиологизмом, типологизмом и синтаксисцентризмом.

Ономасиологизм. Содержательные категории, которые выступают в ономасиологической грамматике в качестве отправных пунктов при описании средств, служащих для их выражения в языках, И.И. Мещанинов вслед за О. Есперсенем называл «понятийными».

И.И. Мещанинов подводил под термин «понятийная категория» не любое понятие, а лишь то, которое выражается в языке целым комплексом средств, составляющих особую систему. В морфологии под понятийные категории попадают категории пола, количества, отношения и т.п., которые выражаются морфологическими средствами, объединяются на уровне языка в морфологические категории рода, числа, падежа и т.д. В синтаксис, в свою очередь, попадают категории, оформляющиеся синтаксическими средствами, объединяемыми в соответственные синтаксические категории (субъекта, объекта, атрибута и т.д.). Но есть категории,

которые выражаются разноуровневыми средствами — лексическими, морфологическими, синтаксическими и т.д. К такой категории, например, относится атрибутивность (атрибут). Она может выражаться морфологически (прилагательным), синтаксически (определением) и т.д. При сравнении разных языков мы обнаружим, что одна и та же понятийная категория может выражаться в них по-разному.

Типологизм. Лингвистическая типология — тот раздел сравнительного языкознания, в котором осуществляется классификация языков. И.И. Мещанинов описал посессивный, эргативный и номинативный типы языков. Они противопоставлены друг другу по способам выражения в их синтаксическом строе субъектно-объектных отношений, т.е. отношений между субъектом действия и его объектом. Иными словами, в них представлено три особых строя предложения.

Посессивный строй предложения в яркой форме представлен, по мнению И.И. Мещанинова, в эскимосском и алеутском (унанганском) языках (см.: Языки народов СССР / Под ред. В.В. Виноградова. Т. 5. — Л., 1968. С. 233—473). Для языков этого типа характерно притяжательное оформление именного сказуемого, т.е. присоединение к предикативному существительному притяжательных окончаний (напр., нашему *мой* в алеутском соответствует окончание *-и*).

Эргативный строй предложения характеризуется особенностями, свойственными некоторым палеоазиатским языкам (напр., чукотскому) и кавказским (абхазскому, аварскому и др.). Эргативные языки отличаются от номинативных. В последних (а к ним относятся привычные нам индоевропейские языки) падеж существительного, с помощью которого обозначается субъект действия, не зависит от переходности / непереходности употребляемого с ним предикативного глагола. Вот почему в номинативных языках правила позволяют употреблять как «*Книга была прочитана Петром*», так и «*Петр прочитал книгу*». В эргативных же языках использование агентивного существительного либо в роли дополнения, либо в роли подлежащего зависит от переходности / непереходности предикативного глагола. Переходный глагол требует постановки агентивного существительного в роли дополнения (т.е. в косвенном или эргативном падеже): «*Книга была прочитана Петром*», но не «*Петр прочитал кни*

зу». С непереходным же глаголом употребляется абсолютив (прямой падеж): «*Иван не спит*», но не «*Ивану не спится*». Упрощенно говоря, в эргативных языках переходные глаголы употребляются в пассивных конструкциях, а непереходные — в активных.

Синтаксоцентризм. Ведущую роль в грамматике И.И. Мещанинов отводил синтаксису. Вот почему его грамматическая теория является синтаксоцентрической. По поводу иерархических отношений между членами предложения И.И. Мещанинов писал следующее: «Подлежащее и сказуемое — только главные члены. Определения и обстоятельства — только зависимые. Дополнения синтаксически многофункциональны» (с. 217). Прямое дополнение, входит в состав главных членов предложения (*свить гнезда*), поскольку его употребление в предложении обязательно, а косвенное дополнение относится к второстепенным членам предложения (*свить на деревьях*, где дополнение употреблено в значении обстоятельства), поскольку его употребление в предложении факультативно.

Признание прямого дополнения в качестве одного из главных членов предложения вело И.И. Мещанинова к разработке им функционального аспекта ономаσιологической грамматики, где процесс построения нового предложения (или процесс фразообразования) предстает как развёртывание исходной стеммы предложения (его «костяка», как говорит учёный). «Костяк» предложения в процессе фразообразования развёртывается, по И.И. Мещанинову, за счёт косвенных дополнений, определений и обстоятельств как зависимых членов предложения. Он может развёртываться (это слово и употребляет учёный) также за счёт употребления в роли отдельных членов предложения тех или иных «синтаксических групп» — вплоть до предложений, если речь идёт о придаточных.

Таким образом, мы увидели в синтаксическом учении И.И. Мещанинова структурный аспект ономаσιологической грамматики и её функциональный аспект. Его теория «понятийных категорий» вписывается в структурный аспект ономаσιологической грамматики, а учение о «костяке предложения» (т.е. главных членах предложения) и о его «развёртывании» за счёт второстепенных членов и «синтаксических групп» составляют функциональный аспект ономаσιологической грамматики.

29. Грамматическая теория В.В. Виноградова

Виктор Владимирович Виноградов (1895—1969) — целая эпоха в истории лингвистической науки. Вот его главные книги в области грамматики:

1. Русский язык. Грамматическое учение о слове. — М., Л., 1947 (РЯ).
2. Избр. труды. Исследования по русской грамматике. — М., 1975.

Решая вопрос о дисциплинарной структуре грамматики, В.В. Виноградов по традиции включал в грамматику только морфологию и синтаксис.

Морфология. Термин «часть речи» В.В. Виноградов стал употреблять не ко всем разрядам слов, а лишь к тем, которые обладают номинативной функцией, т.е. способны обозначать более или менее самостоятельные явления действительности. Кроме семи «частей речи», у него выделено ещё четыре «частицы речи» и два особых класса слов. В итоге мы обнаруживаем у В.В. Виноградова 13 «структурно-семантических типов слов». Вот эти типы слов: «Таким образом, система семи основных частей речи, свойственных современному русскому языку, может быть представлена в такой схеме...:

- I. Имена:
 - 1) существительное,
 - 2) прилагательное и
 - 3) числительное.
- II. 4) Местоимение (в состоянии разложения).
- III. 5) Глагол.
- IV. 6) Наречие.
- V. 7) Категория состояния.

Система частей речи в структуре предложения сочетается с системой частиц речи...:

- 1) Частицы в собственном смысле.
- 2) Частицы-связки.

3) Предлоги.

4) Союзы.

К частицам речи примыкают одной стороной модальные слова, образующие особый структурно-семантический тип слов (а другой стороной — междометия. — В.Д.)» (РЯ. С. 43—44).

Среди 13 выделенных В.В. Виноградовым классов слов только три не вписываются в привычную для нас классификацию слов по частям речи в русском языке, а именно — категория состояния, частица-связка и модальные слова.

Возьмём предложение «*Мне весело*» и поставим перед собой вопрос: к какой части речи относится слово «*весело*»? Попробуем разобраться. Суффиксом *-о* оно напоминает наречие, но своим общим значением (признак предмета) похоже на прилагательное. Более того, по морфологическим значениям оно ассоциируется в нашем сознании с глаголом: есть формы времени (*было весело, весело, будет весело*) и формы наклонения (*весело, было бы весело, пусть будет весело*). На прилагательное и наречие оно также похоже наличием форм сравнения.

В результате мы обнаруживаем в этом слове признаки сразу трех частей речи — наречия, прилагательного и глагола. Но к ним надо прибавить ещё и признаки существительного, когда мы имеем дело со словами типа «*грех*» (*На счастье грех роптать*), «*время*» (*Шутить не время*) и т.п. Они, как и слова, похожие на наречия (*весело, грустно, тяжело, холодно, жарко* и т.п.), тоже синтезируют в себе признаки нескольких частей речи, если начинают употребляться в роли сказуемого в безличных предложениях.

Я спрашиваю: что это за часть речи, которая объединяет в себе признаки сразу четырёх частей речи — наречия, прилагательного, глагола и существительного? Л.В. Щерба предложил назвать её категорией состояния, поскольку слова, к ней относящиеся, обозначают те или иные состояния человека или природы. Но он не был уверен в том, что её следует считать особой частью речи, имеющейся в русском языке, поскольку она лишь начала формироваться в нём. В.В. Виноградов ввел её в состав частей речи нашего языка.

Если категория состояния новая часть речи, то частица-связка — дань В.В. Виноградова старым грамматикам. Он не называл модальные слова особой частью речи и применение данного тер-

мина, как мы помним, ограничил только самостоятельными словами. Но суть дела от этого не меняется. Несмотря на терминологические хитросплетения, имеющиеся у него, модальные слова в его морфологии в конечном счёте, выглядят как особая часть речи.

Синтаксис. Термин «словосочетание» В.В. Виноградов понимал очень узко. Во-первых, он не применял его по отношению к предикативным словосочетаниям (например, по отношению к «ворона взлетела» в предложении «Испуганная нами ворона взлетела на высокую липу»), а во-вторых, он не признавал за словосочетания сочинительные словосочетания (напр., «мороз и солнце»). Под словосочетанием он имел в виду только непредикативные подчинительные словосочетания (*сторонник мира, любовь к родному пепелищу* и т.п.).

В.В. Виноградов определял предложение следующим образом: «Предложение — это грамматически оформленная по законам данного языка целостная единица речи, являющаяся главным средством формирования, выражения и сообщения мысли» (Грамматика русского языка. Т. 2. Ч. 1 / Под ред. В.В. Виноградова, Е.С. Истриной. — М., 1954 [АГ-54]. С. 65).

«Главными интонационными средствами, выполняющими основные функции в организации предложения и в выражении его содержания, — указывал В.В. Виноградов, — являются ударение и мелодика» (там же, с. 77). Но чуть ниже он отмечал, что «интонация, однако, не исчерпывает грамматической сущности предложения». Эту сущность он попытался исчерпать с помощью понятия предикативности.

В прежних грамматиках под предикативностью понималось свойство слова (прежде всего глагола) выражать сказуемое, т.е. выступать в предложении в роли предиката. В.В. Виноградов наполняет понятие предикативности новым содержанием. Он писал: «...значение и назначение общей категории предикативности, формирующей предложение, заключается в отнесении содержания предложения к действительности... Общее грамматическое значение отнесённости основного содержания предложения к действительности выражается в синтаксических категориях модальности, а также времени и лица» (там же, с. 80). Время и лицо — это глагольные категории, а под модальностью он имеет в виду приблизительно то же самое, что и под предикативностью: «отношение сообщения, содержащегося в предложении, к действительности —

это и есть, прежде всего, модальное отношение» (там же, с. 81). Но дальше он уточнял: модальность обычно выражается формами наклонений, а также модальными частицами, модальными словами и особыми формами интонации. Довольно туманной выглядит у В.В. Виноградова категория предикативности! Воспользовавшись этим, он подводит предикативность и под односоставные предложения (*Мороз! Тише! Внимание! Разве? Конечно!* И т.п. См.: там же, с. 79).

Нельзя сказать, что В.В. Виноградов в его интерпретации понятия предикативности полностью порывает с традицией. Основу этого понятия у него составляют морфологические категории глагола — категории времени, лица и наклонения. Но глагол-то — главный носитель предикативности (в традиционном смысле этого термина)! Однако связь данного понятия у В.В. Виноградова с традицией опосредована морфологическими категориями. Мы можем сказать, что он явно морфологизирует это понятие. Тем самым из синтаксиса переводит его в морфологию. В.В. Виноградов много критиковал школу Фортунатова за чрезмерный морфологизм, но сам он здесь оказался в его власти. С помощью морфологизма он пытался полностью покончить с логико-психологическими категориями в грамматике. Вот почему он невольно способствовал разрушению традиционных представлений о сказуемости, а вместе с этим и разрушению учения о членах предложения в целом. Зародыши морфологизма, имеющиеся у В.В. Виноградова, расцвели пышным цветом в академической «Грамматике современного русского литературного языка» (под ред. Н.Ю. Шведовой — М., 1970 [АГ-70]), где раздел о простом предложении был написан её редактором.

В данном разделе мы обнаруживаем классификацию структурных схем предложения, но не найдем здесь учения о членах предложения — подлежащем, сказуемом, дополнении и т.д. Не найдем даже и упоминания о них. Одним махом Н.Ю. Шведова порвала с многовековой традицией описывать предложение с помощью учения о членах предложения. Она это делает исключительно в морфологических терминах.

Продолжая дело своего учителя, она пишет о категории предикативности в виноградовском, т.е. морфологическом, духе (АГ-70. С. 542), но главный упор делает на понятии структурной схемы предложения. «Структурная схема предложения — это тот отвле-

чѐнный образец, по которому может быть построено минимальное самостоятельное и независимое сообщение» (там же, с. 546). Так, предложения «*Новый стадион — его мысль*», «*Разбитое стекло — его работа*» и т.п. построены по одной структурной схеме: субстантив в номинативе + субстантив в номинативе. Правда, при описании этой, как и других, структурной схемы предложения Н.Ю. Шведова всё-таки вынуждена пользоваться терминами «подлежащее» и «сказуемое», но она это делает как бы потому, что без них пока ещё невозможно обойтись в науке о предложении, со временем, надо полагать, синтаксис может и вообще обойтись без традиционных членов предложения.

Что же мы увидели в академической «Русской грамматике» (под ред. Н.Ю. Шведовой. — М., 1980 Т. 1—2 [АГ-80])? Смогла ли синтаксическая наука через десять лет после выхода АГ-70 освободиться от учения о членах предложения? Конечно, морфологическая терминология и здесь продолжает господствовать над собственно синтаксической, но всё-таки от учения о членах предложения и в АГ-80 полностью освободиться не удалось. Более того, мы находим в ней главы, специально отведенные сказуемому и подлежащему, а также и координационной (двунаправленной) связи между ними (там же, с. 238—245). Кроме того, и о типах предложения Н.Ю. Шведова уступчиво говорит в синтаксических терминах («подлежащно-сказуемые предложения», «не подлежащно-сказуемые предложения»). Но всё-таки морфологизм и здесь явно преобладает, проникая в определение самих членов предложения. Вот как, например, Н.Ю. Шведова определяет подлежащее: «Подлежащее выражается называющей формой существительного — именительным падежом» (там же, с. 241). И это — всё. О том, что сказуемое обозначает признак предмета мысли, вы не найдете и в главе о сказуемом. Там речь сразу идёт о морфологических средствах его выражения (там же, с. 238).

Заканчивая лекцию о В.В. Виноградове, я должен сказать следующее: если в ней и прозвучали полемические нотки в его адрес (а заодно — и в адрес его учеников), то это отнюдь не умаляет его неоспоримых заслуг перед нашей наукой. Его научная деятельность — целая эпоха в истории отечественной филологии. В его трудах подытожена, по существу, вся предшествующая семасиологическая традиция в грамматике.

Учебное издание

Валерий Петрович Даниленко

**ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ
И ИСТОРИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ**

Курс лекций

Подписано в печать 03.06.2008. Формат 60 × 88/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 16,6. Уч.-изд. л. 14,6. Тираж 1000 экз. Изд. № 1834. Заказ

ООО «Флинта», 117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д.17-Б, комн. 345.
Тел./факс: (495)334-82-65, тел.: (495)336-03-11.
E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru

Издательство «Наука», 117997, ГСП-7, Москва В-485,
ул. Профсоюзная, д. 90.